

The background of the cover is a watercolor-style illustration of a large, domed building, likely the US Capitol. The style is soft and painterly. In the foreground, a young woman with long, dark hair is depicted from the chest up, looking directly at the viewer with a serious expression. Her hair is dark and straight, falling over her shoulders. The overall color palette is muted, with greys, blues, and reds.

ОДНА В АМЕРИКЕ

Юлия Панина

12+

Юлия Панина

Одна в Америке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66687566

SelfPub; 2021

Аннотация

Чем может обернуться жизнь в Штатах для семнадцатилетней девушки – участницы программы по обмену студентами? Как на самом деле живет средняя американская семья? Каково это – принимать решения в одиночку среди чужих, непонимающих тебя людей?

Это история скитания молодой девушки по американским семьям и школам в попытке увидеть мир и не потерять себя.

Юлия Панина

Одна в Америке

*Посвящается моим любимым детям
и всем молодым людям,
перед которыми распахнуты двери мира.*

*Горделиво подняв голову,
он принимал вызов и радовался тому,
что способен принять его.*

Айн Рэнд. «Атлант расправил плечи»

Вступление

Иногда оглядываешься назад и с удивлением понимаешь, что вспомнить почти нечего: дни, похожие друг на друга, точно листья одного дерева, сливаются в слабо различимый силуэт – силуэт твоей жизни. Откуда взялось это дерево, почему оно выглядит именно так, ты не знаешь, но сквозь похожую, безликую листву всё же различаешь отдельные плоды – яркие, ослепительные моменты, которые внезапными вспышками озарили всю жизнь, наполнив её смыслом и придав ей ценность.

Что это за моменты?

Оказавшиеся важными перекрёстки, где, отбросив страх и преодолев сомнения, ты самостоятельно сделал выбор.

Как же нам хочется иногда, чтобы ярких воспоминаний было больше!

Только вряд ли мы задумываемся, что за каждый предоставленный шанс выпасть из ежедневной рутины придётся платить, и плата будет непростой... Нам придётся преодолевать страхи, менять своё восприятие мира. Нам придётся меняться.

Эта история именно о таком редкостном опыте – опыте перемен, который с течением времени делается лишь ярче, подобно тому, как древняя реликвия рода с каждым поколением приобретает всё большую ценность.

Если коротко: семнадцатилетняя девушка выигрывает конкурс и едет на целый год в США, чтобы учиться там в американской школе, жить в американской семье. Действие происходит в 1994 году: интернет не развит, средств связи с родными нет, о стране ей практически ничего не известно. На целый год девушка попадает в чужой, незнакомый мир, где ей не на кого опереться, не у кого спросить совета.

Год, проведённый в другой системе координат, становится цепочкой незабываемых событий-маяков, которые продолжают бросать свои прямые лучи на жизнь девушки даже через многие годы.

Кто-то из читателей найдёт на этих страницах ответ на вопрос, как живёт обычная американская семья, будто загля-

нет в замочную скважину входной двери американского дома; кто-то подчерпнёт достаточно уверенности, чтобы отправить своего ребёнка на год в чужую страну; а юные читатели получают шанс пройти весь путь героини, поднимаясь и опускаясь в эмоциональных переживаниях, словно на аттракционе «Американские горки», чтобы в конце ответить себе на вопрос: хочу ли я получить подобный опыт.

Но как бы там ни было – всем будет интересно!

Глава 1. Когда приземляетесь, берегите голову!

Из узкого проёма иллюминатора Ирина задумчиво рассматривала гладь океана, расстилавшуюся далеко внизу. Мягкий солнечный свет ласкал податливую поверхность воды, кое-где подёрнувшуюся рябью. С высоты облаков вода казалась приветливой и манящей, но Ирину почему-то никак не отпускало чувство острой невидимой опасности, затаившейся глубоко в пучине. Две странные противоположности – величие океана и его пугающая бездна – словно боролись теперь в её сознании. И как бы ни старалась – Ирина не могла примирить их, сплести воедино.

Ирине исполнилось семнадцать. Это был второй полёт в её жизни. Первый случился всего несколько дней назад, когда она впервые села на Ту-134, чтобы в одиночку добраться до Москвы. Ирине было нелегко справиться с волнением, охватившим её сначала, когда она впервые оказалась в са-

лоне самолёта, и позже – при взлёте, – когда её сердце ухнуло, будто провалившись во внезапно распахнувшуюся бездну, но она всё же заставила себя успокоиться, одновременно преодолев и страх, и тошноту. Путь, по которому она должна пройти в полном одиночестве, начался.

Теперь Ирина находилась в надёжных руках огромного американского боинга, который спешил доставить её из Москвы в Нью-Йорк. Из иллюминатора ей приветливо улыбался Атлантический океан.

Десять часов в небе, и она ступит на другой континент – от одной этой мысли голова шла кругом. Однако впереди Ирину ожидали ещё две пересадки: рейс Нью-Йорк – Портленд продолжительностью около семи часов и последний бросок Портленд – Медфорд – полёт, который должен был продлиться полтора часа. Названия городов ей ни о чём не говорили – она слабо представляла себе путешествие, которое ей предстояло.

«Итого девятнадцать часов в небе, это если считать от Москвы, – размышляла Ирина, – прибавим сюда четырёхчасовой перелёт до столицы и получим целых двадцать два часа над землёй! Обалдеть!»

Сколько бы она ни тёрла глаза, ни щипала себя за ухо, океан за стеклом иллюминатора, да и сам тугой, выпуклый иллюминатор, похожий на огромный овальный леденец, никуда не исчезали – значит, всё было взаправду, чудо случилось наяву.

– Ирина, ты только представь, как нам чертовски повезло! – Анины голубые глазищи сияли, как июльское полуденное солнце. – Это же просто с ума можно сойти! Мне все в классе завидуют! Абсолютно ВСЕ!

Аня закружилась в пустом институтском коридоре, куда они с Ириной пришли получить билеты и последние инструкции перед вылетом.

– Жизнь просто ВОС-ХИ-ТИ-ТЕЛЬ-НА! Мы с тобой вытянули выигрышный лотерейный билет! Нас ждут приключения в самой АМЕРИКЕ!!!

Аня училась с Ириной в одной школе. Они иногда пересекались на школьных олимпиадах, но никогда особо не общались. Теперь же обе девушки прошли отбор для участия в американской программе по обмену студентами – не зря они всё-таки с таким рвением учили английский.

Впереди их ждал многообещающий год в загадочной Америке, где в окружении идеальных газонов высились чудесные двухэтажные дома с милыми, добрыми семьями, готовыми предложить девушкам тёплое гостеприимство.

Ирина хохотала, глядя на смешные па своей новоприобретённой подруги:

– Ты прямо как в детском саду! Я сейчас умру со смеху!

После международного боинга и комфортабельного авиалайнера на внутреннем семичасовом рейсе Нью-Йорк –

Портленд, самолётик на 72 пассажира, в котором Ирина должна была долететь до аэропорта Медфорда, показался ей игрушечным.

«Надо же, здесь и такие крошки летают! – окинула она салон недоверчивым взглядом уже бывалой пассажирки. – Что ж, надеюсь, ты справишься со своей задачей», – подумала де-вушка и погладила холодную серебристую обшивку.

Полёт не был из числа приятных – маленький самолёт то и дело бросало из стороны в сторону, так что Ирине не раз приходила мысль о собственной безопасности.

Наконец малютка пошла на снижение.

Сердце Ирины колотилось всё сильнее. Приближался момент истины – она должна была увидеть свою принимающую американскую семью.

«Как-то всё сложится?» – крутилась в голове единственная фраза.

Почему-то на ум пришла стыковка на орбите двух космических кораблей: советского «Союза» и американского «Аполлона». В своё время этот экспериментальный полёт называли «рукопожатием в космосе». Ирина тоже ощущала себя участницей невероятного эксперимента, в процессе которого должна была произойти её стыковка с совершенно незнакомой американской семьёй.

Земля приближалась. Самолёт плавно опускался на плоское плато, разлинованное правильной формы прямоугольни-

ками. Здания, появившиеся внизу, оказались низкими и редко разбросанными по ровной поверхности – городок был под стать самолётику: такой же маленький и неприметный.

Всё! Шасси коснулось земли!

Самолёт стал плавно тормозить.

– Долетели, слава богу! – донеслось откуда-то сбоку на красивом американском английском.

Ирина увидела их сразу.

Они стояли дружной стайкой прямо на лётном поле всего в нескольких метрах от затормозившего самолёта и держали большой горизонтальный плакат, на котором крупными буквами было выведено: *Irina, welcomehome!*

Ей показалось, что их было слишком много. Впрочем, это от волнения. Их было четверо: мужчина чуть выше среднего роста, с аккуратно подстриженной седоватой бородкой – американский папа, которого звали Керри; невысокая стройная женщина в больших тёмных очках и с пышной кудрявой шевелюрой – американская мама Грейс; и две девочки: одна примерно Ирениного возраста – Энджел – невозможно толстая, с огромными накрашенными ресницами, бросавшими в глаза даже из иллюминатора, и Кейт – худенькая, высокая для своих четырнадцати лет, с густыми русыми волосами, доходившими почти до пояса. В потной ладони Ирина сжимала бумажку с их именами, которые твердила весь заключительный полёт, словно спасительное заклинание.

На короткий миг ей вспомнилось удивление, когда она получила документы с именами принимающей семьи. Она всегда считала, что Керри – женское имя. Поэтому на минуту засомневалась – нет ли тут ошибки, – когда в графе отец увидел имя «Керри Джонсон». Она даже задала координаторам вопрос по этому поводу, но её уверили, что ошибки никакой нет, а Керри, как Саша или Женя, может быть как женским, так и мужским именем.

Теперь Ирине стало легче. Напряжение схлынуло, и она принялась с любопытством разглядывать встречающих, пока к двери самолёта подгоняли трап.

Короткая передышка и... Нужно было выходить на арену. Она выдохнула и вынырнула в новый яркий мир, залитый солнцем и обещающий необыкновенные приключения в пугающе-незнакомой стране.

Яркое солнце заставило Ирину зажмуриться, но она успела разглядеть взметнувшиеся вверх, приветственно замахавшие ей руки.

Через минуту она была уже в объятьях встречающих. Все широко, по-американски улыбались и что-то весело щебетали, одновременно произнося свои имена и засыпая её вопросами о том, как она добралась.

Ирина отвечала зазубренными фразами, с некоторым стеснением осознавая свой тяжёлый, непривлекательный акцент. Уже на конкурсе, который проводили американцы, и потом в американских самолётах, где она отвечала на вопро-

сы стюардесс и пассажиров-соседей, Ирина поняла, что для слуха коренного американца её речь звучит неуклюже, и даже глупо, а это не могло не мучить её – примерную ученицу-отличницу. Поэтому она говорила немного, односложно, всё больше перефразируя сами вопросы, нескончаемой вереницей летевшие к ней от всех членов новой семьи.

Они говорили по-разному. Энджел тараторила, будто опасаясь, что на её вопросы гостя не успеет ответить. Кейт спрашивала, заглядывая в глаза с любопытством, не терпящим промедления, угрожающе поблескивая стальными брететами. Грейс говорила с некоторой сдержанностью, словно сразу решила показать гостю свой статус. И только Керри казался особенно внимательным. Он старался прорваться сквозь звон женских голосов, обращая к русской девушке торжественно-приветственную речь. Видно было, что он готовился заранее.

Ирина понимала, что прежде всего должна дать ответ главе семейства, однако только глупо улыбалась, глядя в его вопрошающие глаза.

Внезапно воцарилась тишина: Керри, по-видимому, задал важный вопрос, и женщины замолчали.

Повисла неловкая пауза.

Грэйс взглянула на Ирину и медленно повторила вопрос мужа.

Ирина наконец-то поняла, о чем её спрашивают и, выйдя из ступора, попыталась ответить.

– Должна вам сказать: я плохо понимаю мужской английский. Я и женский-то не особо понимаю, но мужской голос превращает для меня английский в какую-то... абракадабру, – в большом смущении, с трудом подбирая слова, объяснила Ирина.

«Это тебе не диалоги на уроках заучивать. Такую тему на экзамен не вынесут, – тараторил её дымящийся от напряжения мозг. – Думай, Ирина, думай!» – тяжёлым ритмом стучало в висках.

Керри заулыбался. Он понял причину её волнения и успокоился. Повернувшись к жене, мужчина произнёс несколько фраз.

– Керри говорит: не волнуйся! – медленно сказала Грэйс. – Всё со временем наладится. Пойдёмте, надо получить багаж.

Багаж, состоявший из небольшого чемодана и среднего размера спортивной сумки, они получили почти сразу и тут же дружной компанией зашагали к парковке.

Машина оказалась на удивление старой, приземистой и ужасно тесной.

«Как же мы в ней поместимся?» – кольнула Ирину досадная мысль.

Однако выбора не было. Её вместе с другими дочками отправили на заднее сиденье.

С трудом втиснувшись посередине, она замерла: неприятное касание чужой, скользкой от пота кожи вызвало отвращение.

щение и неожиданное желание бежать без оглядки куда глаза глядят.

По какой-то причине машина продолжала стоять на месте.

Очнувшись от своих мыслей, Ирина заметила общее молчание и направленное на неё внимание.

Ей стало неловко, но она не могла понять, что сделала не так.

– Ты разве не пристегнёшься? – спросила, наконец, старшая Энджел.

– Пристегнуться? А разве здесь есть ремень посередине? – недоумённо спросила Ирина.

– Как? Вы разве не пристёгиваетесь в России? – удивилась Энджел в ответ.

– Не обязательно, – пролепетала, покраснев, Ирина и поспешила найти проклятый ремень.

Керри одобрительно улыбнулся ей в зеркало и нажал на газ.

Грэйс сообщила, что путь до Бьютт-Фолса займёт приблизительно два часа.

«Два часа езды вплотную прижавшись к двум незнакомым людям? Да ещё в такую жару? Вы должно быть шутите!» – внутри Ирина кипела, как забытый на плите чайник, однако внешне выдавать своё недовольство было никак нельзя.

Она постаралась поглубже упрятать своё разочарование и морально настроиться на дополнительные два часа дороги, которые удлиняли и без того ставший бесконечным и утоми-

тельным путь.

«Что ж, буду смотреть на Америку из окна автомобиля», – утешила себя Ирина.

Городские здания закончились, не успев начаться, и очень скоро за окном появился горный ландшафт. В какой момент плоскогорье сменилось лесистыми склонами гор, Ирина не разобрала: её веки то и дело слипались. Духота, излишние переживания и утомление от продолжительных перелётов сделали своё дело, и Ирина провалилась в мягкий обволакивающий сон.

Машина плавно скользила по глади идеальной американской дороги, незаметно укачивая свою усталую пассажирку. Но даже сквозь сон Ирина чувствовала извилистые повороты горной дороги, которые иногда вызывали внутреннее движение, подкатывающее к горлу едва заметной тошнотой.

Потребовалось более полутора часов, прежде чем Ирина проснулась. Пробудил её резкий удар головой о плечо Энджел – во сне она невольно повалилась на бок.

Энджел вздрогнула – похоже, её тоже порядком укачало, так что она не сразу поняла, что случилось.

Ирина улыбнулась американской сестрёнке и попробовала вытянуть хотя бы ноги. Тело её затекло и требовало движений. «Как же долго мы едем!» – думала она. «Невыносимо долго!» – жаловалось её уставшее тело. Но изменить ничего было нельзя. И она с любопытством стала рассматривать

окружающий пейзаж.

Горы возвышались по обеим сторонам дороги. И там и там рос густой сочный лес с непривычно толстыми, старыми деревьями. Ей даже показалось, что она попала в какую-то сказку, и вот теперь по приказу злой мачехи её везли в самую чашу.

Постепенно ощущение сказочности привело Ирину к новым, незнакомым до сих пор мыслям. Всю жизнь ей говорили о том, что Сибирь богата лесами, а природа в России – самая богатая в мире. Теперь же она с недоумением рассматривала могучие ели и высоченные сосны, каких никогда не встречала на родине. Родные леса вставали в её памяти тонкоствольной молодой порослью, не несущей и половины того энергетического заряда, который она чувствовала, даже сидя в машине.

Да, ей много говорили о чудесах американской цивилизации, о её благополучии и достатке, но никто ни разу не проронил ни единого слова о нетронутой этой цивилизацией природе. И вот в первый день пребывания на земле, которая должна была стать её домом на следующие 11 месяцев, Ирина увидела необыкновенную, мощную, неописуемо красивую природу.

Но размышления продолжались недолго. «Когда мы, наконец, доедем? Уже никаких сил нет... – Ирина снова поглядела на лесистые склоны. – Неужели в этих горах и дремучих лесах построен городок, пусть и маленький?» – задавалась

она уже другим вопросом.

Руководство программы не предоставило Ирине информацию о принимающем городе, а на походы в библиотеку у неё, естественно, не было времени. Поэтому она совсем не представляла себе, что за зверь – Бьютт-Фолс.

Наконец автомобиль повернул в последний раз, и они въехали в небольшое селение с крошечными, как ей показалось, домами.

– Ну, вот мы и прибыли, – весело сказала Грэйс. – Хочешь небольшую экскурсию по Бьютт-Фолсу? – Она обернулась к Ирине.

Но Керри опередил девушку с ответом:

– Конечно!

И машина медленно поползла по улочкам горной деревушки.

Ирине подумалось: ей снится дурной сон о том, что она внезапно оказалась за пределами Америки.

Дома создавали какую-то дикую какофонию. Абсолютно все они были построены на разный лад. Вокруг домов, не имевших заборов, зачастую росла высокая, нескошенная трава. Школа больше напоминала сельскую администрацию – маленькая, приплюснутая, совсем не соответствующая Ирининым представлениям об американской школе.

«Что это? – стучало в её голове. – Куда делась хвалёная американская цивилизация? Где завидные двухэтажные дома? Где газоны?! И это здесь я буду жить целый год?»

Тошнота подступила к горлу, голова закружилась.

В памяти возникли огромные голубые глаза подруги и разговор по дороге домой, когда они шли по любимой тополиной аллее, жмурясь от яркого солнца и сжимая в руках заветные билеты.

– Интересно, в каком доме мы будем жить? – мечтательно произнесла Аня.

– В большом, – откликнулась Ирина, – в Америке всё только большое!

– Ох, даже дух захватывает, как представлю свой новый дом, свою американскую семью! Вот здорово будет!

Справа что-то лопотала Энджел, рассказывая о друзьях, проживающих в домах, мимо которых они проезжали, но Ирина не слышала ни слова. Сердце бешено колотилось от безысходности и сжимающей боли – все её надежды на необыкновенную американскую жизнь в один момент рухнули.

– А вот и Рут! – Энджел закричала в ухо Ирины. – Папа, остановись, давай поздороваемся.

Рут стояла на крыльце своего дома.

Керри затормозил, и Энджел неуклюже вылезла из машины.

– Привет, Рут! Вот мы и привезли нашу русскую гостью! – замахала она белокурой кудрявой девушке, такой же круглой и тучной.

– Привет. Рада за вас, – равнодушно отозвалась Рут.

Хотя приглашения не последовало, Энджел потянула Ирину из машины.

– Пойдём познакомимся!

Неожиданно для себя Ирина отдернула руку: она не привыкла, чтобы с ней обращались так фамильярно, тем более чужие люди. Однако Энджел её реакция не смутила.

– Не бойся, пошли скорее! – на круглом лице с густым слоем косметики сияла широченная улыбка.

Энджел не собиралась сдаваться.

– Ну что ж, пойдёмте познакомимся, – пришла на помощь дочери Грэйс.

Распахнув дверцу, она легко выпорхнула из машины.

Меньше всего на свете Ирине хотелось в этот момент с кем-либо знакомиться и выставлять себя напоказ перед любопытными американскими взглядами, но выбора не оставалось.

Тяжело вздохнув, она последовала за Энджел.

Энджел поднялась на крыльцо первая. Её лицо светилось от гордости несколько не меньше раскалённого июльского солнца. За ней последовала Грэйс. Ирине показалось, что к привычной сдержанности женщины прибавилось чувство превосходства, которое она не без удовольствия демонстрировала.

Ирина уже шагнула было на нижнюю ступеньку, но передумала подниматься – на крыльце и так было полно наро-

ду. Кейт, которой, по-видимому, было всё равно, и скромно улыбающийся Керри остались стоять на земле.

Входная дверь скрипнула, и на крыльце появилась мамаша Рут: такая же расплывшаяся, неряшливая на вид и не очень приветливая, как и её дочь, однако переполненная через край нескрываемым любопытством.

– Добро пожаловать! Я – Лола, мама Рут. Значит, ты приехала к Энджел на целый год? – прозвучал её хриловатый голос, по которому Ирине стало понятно, что та была любительницей выпить.

– Да, – коротко ответила Ирина.

К удивлению девушки, приглашения в дом не последовало – семейство Джонсонов продолжало толпиться вокруг небольшого крыльца.

Грэйс принялась объяснять Лоле, что Ирина ещё не совсем привыкла к американскому акценту, что она очень устала и что-то там ещё, чего Ирина уже просто не слышала. Впервые в жизни она чувствовала себя безмерно одинокой. Мир медленно уплывал из-под её ног, и она изо всех сил старалась не разреветься.

Её взгляд уже проскользнул украдкой в открытую дверь дома, из которого пахло неопрятностью, беспорядком и безразличием хозяев.

Ирина изо всех сил боролась с тошнотой. Теперь её иллюзии относительно сказочного года в Америке окончательно рассеялись, а в воображении рисовалась худшая картина её

будущего жилища.

Наконец дружеский визит был окончен, все снова загрузились в серебристую старушеницу и медленно покатали дальше.

Всего через несколько минут Ирине открылось жуткое зрелище: обшарпанные лачуги с покосившимися крышами теснились одна к другой, будто бы наперебой моля о помощи. Почти перед каждой громоздилась груда хлама: ржавые жестянки, обломки прогнивших досок, опрокинутые детские коляски с беспомощно торчащими переломанными колёсами – увиденное скорее походило на страшный сон, который Ирине отчаянно хотелось прервать.

«Что это? Зачем мы здесь? – она недоумённо озиралась по сторонам. – Вы же не хотите сказать, что здесь находится ваш дом?» – ужасная мысль пронеслась в сознании ударом хлыста.

Точно подтверждая её догадку, машина остановилась. Ирина замерла.

В голове зазвучал голос инструктора, который давал наставления будущим студентам по обмену на семидневном курсе адаптации:

– Семьи бывают разные. И у каждой – свой образ жизни. Вы должны узнать все правила, установленные в вашей семье, чтобы в будущем избежать возможных конфликтов.

Керри вдруг стал предельно серьёзным и, повернувшись

к Ирине вполоборота, сказал:

– Здесь живут наркоманы. Боль и позор Бьютт-Фолса. Мы запрещаем нашим дочерям ходить в этот район.

Это было сказано жёстко и коротко, словно предписание.

Ирина закрыла лицо руками, чтобы Керри не увидел её неожиданную вспышку радости – как только ей в голову могло прийти, что координаторы программы позволят размещать студентов в грязных хижинах!

Уже через мгновение она взяла себя в руки и, открыв лицо, ответила со всей серьёзностью:

– Ясно.

Ясно ей было одно: семейное воспитание, так сказать, уже началось.

Теперь Ирина недоумевала совсем по другому поводу: зачем нужно было показывать столь неприглядный район в самый первый её день на их земле и неужели Керри с Грэйс могли допустить мысль, что она добровольно отправится в эту часть деревни?

«Разве это не очевидно?» – Ирина озадаченно уставилась в спину Керри.

А тот с чувством исполненного долга включил зажигание, развернул машину и поехал в обратном направлении. Через несколько минут они остановились около маленького дощатого домика на самом въезде в Бьютт-Фолс.

Ирина облегчённо вздохнула. По крайней мере, домик выглядел опрятным и радовал глаз своей нежной голубизной.

По обеим сторонам от двери домика рос пышно цветущий кустарник, название которого Ирина не знала. Трава перед крошечным крылечком была тщательно выстрижена.

После дома Рут и увиденных ужасов на окраине этот дом показался Ирине желанным пристанищем.

На звук подъезжающего автомобиля из соседнего дома выбежала блондинка средних лет. На ней были белые, до колен шорты и ярко-малиновая футболка, на губах красовалась помада в тон – Ирина заключила, что соседка была в курсе грандиозного заселения и поспешила познакомиться с новой жиличкой.

Соседка с любопытством осмотрела Ирину с головы до ног, однако, не найдя ничего необычного, тут же потеряла к ней всякий интерес и стала обсуждать с Грэйс последние новости Бьютт-Фолса.

Про себя Ирина усмехнулась: «Ну да, я мало отличаюсь от американцев: ни тебе рогов, ни копыт – последние деревенские сплетни куда важнее!»

Тем временем Энджел достала из багажника плакат, с которым они встречали Ирину в аэропорту, и радостно предложила:

– Давайте сфотографируемся!

– Хорошая идея! – поддержал её Керри.

Все тут же устремились к Ирине. Ирина оказалась в центре, уставшая, но улыбающаяся изо всех сил.

Позже на фотографии она увидела, что её наряд, в кото-

ром она прилетела – бирюзовая, в полоску футболка и синие, широкие, в складку шорты, – необыкновенно гармонировал с окраской дома, поэтому взгляд невольно выцеплял её фигуру среди белозубо улыбающихся американцев. На снимок также попали белые цветущие шары и две деревянные ступени, ведущие ко входной двери дома, на которой блеснул серебряный колокольчик.

– А теперь давайте все в дом, – сказала Грэйс, – Ирина, должно быть, падает от усталости, – и легко преодолев две ступеньки, распахнула дверь.

Ирина переступила порог и сразу же оказалась в гостиной. Она ошеломлённо глядела по сторонам: ни коридора, ни шкафа для верхней одежды, ни просто какой-либо входной зоны не было. Прямо с ходу она оказалась в сердце дома – всего через два метра от неё стоял диван.

Это заставило Ирину почувствовать сильную неловкость – будто она вступила в интимную зону хозяев, не постучавшись.

Видя, что Ирина застыла на месте, Грейс предложила:

– Давай я проведу тебе экскурсию по дому. Это наша гостиная.

– Подождите, я разуюсь, – опомнилась Ирина и нагнулась, чтобы снять босоножки.

– Нет-нет, не нужно. – Грейс остановила её жестом. – Мы не разуваемся у входа.

Почти квадратная гостиная плавно перетекала в кухню с

маленьким встроенным гарнитуром и круглым обеденным столом. Помимо дивана и двух кресел с журнальным столиком посередине, в гостиной не было ничего – даже телевизора.

Только теперь Ирина заметила, что под ногами у неё было что-то мягкое, – весь пол был застелен ковровым покрытием. Мягкость ощущалась даже сквозь подошву босоножек.

Всё кругом блестело какой-то надраенностью и вылизанностью – было видно, что хозяйева слишком любили чистоту. Стены украшали обои с неброским голубоватым принтом деревенской тематики, а на кухне в качестве декоративных элементов красовались деревянные утки от мала до велика.

Дав ей немного времени осмотреться, Грэйс продолжила: – А вот здесь комната Энджел.

Она распахнула дверь, которая находилась на небольшом расстоянии слева от входной двери.

– Да, это моя комната, заходи! – И, обогнав Ирину, Энджел забежала внутрь первая.

Ирина увидела тесное квадратное помещение, половину которого занимала двуспальная кровать.

«Двуспальная кровать?! В детской?! У моих родителей и то никакой двуспальной кровати за всю жизнь не было, а тут... А где же учебный стол?» – Ирина озадаченно осмотрела комнату, но кроме комода, стоявшего в углу, и встроенного шкафа под одежду, ничего не увидела. «Как же она тут учится?» – мелькнуло в голове.

– Пойдём, я покажу тебе ванную и твою комнату, – позвала её Грэйс.

Проходя мимо кухни, Грэйс мимолётно бросила:

– Здесь у нас кухня.

Из кухни они свернули налево, в небольшой коридор, из которого выходили две двери: одна в ванную, другая – в спальню Керри и Грэйс.

– Вот ванная, твои принадлежности, – показала Грэйс и, помолчав, добавила воспитательным тоном: – Мы принимаем душ каждый день.

Это тоже прозвучало как указание, но Ирина была рада ознакомиться с правилами семьи сразу, чтобы не выглядеть на фоне обитателей этого выскобленного домика белой вороной.

– Теперь пройдем в твою комнату, – продолжила Грэйс.

Они вернулись в кухню, прошли через заднюю дверь и очутились в небольшом коридорчике. Здесь отчаянно работала стиральная машина, издавая гулкие неприятные звуки. Рядом с ней теснилась молчаливая сушилка.

«Джонсонов не было дома часов пять, а стиральная машина работает?..» – удивлённо подумала Ирина, но промолчала.

Грэйс протиснулась через узкий проход и открыла дверь в крошечное помещение, которое, по всей видимости, было техническим и где ранее, судя по всему, законно проживали обе машины. Теперь же комнатёнку переоборудовали

под спальное место, выдворив стиральную машину с сушилкой прямо в коридор. На их же место поместили компактное раскладное кресло и тумбочку. Проходившие в углу две железные трубы должны были заменить гостье вешалку для одежды – на них кто-то с видимой заботой и аккуратностью развесил аж около двадцати плечиков из толстой проволоки.

Техническое помещение не предполагало наличия стандартного окна – благо, что здесь вообще было хоть какое-то окно, пусть даже маленькое, убогое, под самым потолком. Благодаря ему в комнатку попадало немного солнечного света.

– А вот и твоя комната, располагайся, – проговорила Грейс. – Здесь можешь развесить свою одежду. Переодевайся, отдыхай, обед будет готов через 40 минут.

Она улыбнулась как ни в чём не бывало и пропала.

Ирина ещё раз обвела глазами своё странное обиталище и устало опустилась в кресло.

«Хорошо ещё, что сюда вошло кресло, – саркастически заметила она, – могли бы и вовсе на полу уложить. Как им вообще разрешили взять студента по обмену? У них что, нет никаких требований к принимающей семье? Тут даже шкафа нет. Сами-то бы попробовали пожить в этом ящике! – возмущению не было предела. – Поселили в кладовке, практически без окна, вдали от американской цивилизации, в настоящей *опе. Что я здесь буду делать целый год???»

Ирина закрыла лицо руками. Ей хотелось рыдать. Мыс-

ли путались, мозг отказывался поверить в увиденное. Впервые в жизни она почувствовала невероятную жалость к себе. Хотелось зареветь, позвонить домой и пожаловаться маме о том, как все её надежды рухнули и как ей невыносимо плохо и одиноко. Ей казалось, что она неожиданно очутилась за стеклянной стеной, где её никто не слышит, не чувствует, не понимает.

Однако времени на страдания не было. Обед будет через 40 минут, и Ирина должна выйти на всеобщее обозрение улыбающейся.

Встряхнув головой и стиснув зубы, Ирина начала распаковывать чемодан. Понятные ритмичные действия успокаивали. Одну за другой она развесила свои вещи на плечики и вдруг остановилась, внимательно оглядывая знакомую одежду. Здесь, в этой чужой, холодной комнате, вещи показались ей необъяснимо родными. Будто близкие друзья последовали за ней в далёкую ссылку. В сердце защемило – это был первый привет от Родины, который она ощутила со всей остротой.

Навернулись слёзы, но Ирина слишком хорошо понимала: плакать нельзя! Объяснять покрасневшие глаза она не собиралась – это было слишком унижительно и, как ей казалось, бесполезно. Поэтому насухо вытерев лицо, Ирина поспешила в душ.

Вскоре позвали к столу.

На обед Грэйс приготовила в духовке мясо с овощами и

большую чашку зелёного салата с помидорами черри.

– Представляешь, Ирина, – голосом, полным восхищения, говорила Энджел, – Грэйс вырастила эти овощи сама! На заднем дворе нашего дома.

Грэйс довольно улыбалась. А Керри смотрел на жену с благодарностью.

– Да, мы отличаемся от других семей в Бьютт-Фолсе. Почти никто ничего здесь не выращивает, – поделилась с Ириной Грэйс. – Все предпочитают закупать овощи в супермаркетах. И я их прекрасно понимаю: не надо вставать в шесть утра, чтобы поливать грядки, не надо ничего сажать, пропалывать. Гораздо проще купить всё готовое. Ведь любое растение требует человеческого труда.

– Непосильного, я бы сказала, – вставила Энджел. – Я бы, например, ни за что на свете не смогла вырастить ни одного овоща. – Она засмеялась.

Грэйс согласно кивнула и продолжила небольшую лекцию о тяготах сельского труда.

Ирина поймала себя на том, что сидит с приклеенной улыбкой и согласно кивает. Однако внутри она совершенно не могла взять в толк – чем они восхищаются. Ведь у Ирины дома, в России, каждая вторая семья имела свой огород и выращивала наверняка в разы больше овощей и фруктов, вовсе не считая это героическим подвигом. В магазинах не хватало продуктов, и люди выживали как могли.

«Для нас это – суровая необходимость, – думала Ирина, –

а для Грэйс, похоже, предмет гордости перед окружающими».

После обеда все вышли через заднюю дверь во двор, и Энджел с гордостью показала огород Грэйс. Грядка помидоров, ряд кукурузы, две лунки цукини и несколько кустиков баклажан – вот тот хвалёный огород, о котором столько твердили за столом.

Ирина пыталась подобрать слова. На её взгляд, это вообще нельзя было назвать огородом. Какая-то жалкая попытка вырастить горстку овощей для забавы. Героическими усилиями тут точно не пахло. Однако даже небольшой опыт пребывания в американской семье уже говорил девушке о том, что эти люди живут совсем другими представлениями о жизни, а потому ей придется ещё не раз кивать и поддакивать, чтобы не разбивать их сложившиеся мнения своим в корне отличающимся взглядом.

Совершенно осознанно Ирина приняла решение, что не будет вести себя так, как будто «приехала в Тулу со своим самоваром».

– Ну, а теперь, Ирина, иди отдохни, поспи с дороги, – сквозь дымку размышлений услышала девушка.

Слова принадлежали Керри.

Ирина была счастлива снова уединиться.

Оказавшись в своей комнатёнке, она почувствовала себя совершенно без сил.

С трудом разобрав кресло, девушка упала в чистую по-

стель. Её чувства были растрёпаны, сознание – озадачено, а тело – вымотано. Поэтому, как только Ирина коснулась щекой мягкой подушки, тут же провалилась в глубокий сон, который, как в сказке про богатырей, продлился долгих три дня.

В течение этого времени она, конечно, вставала, ходила в туалет, пила воду, но снова впадала в забытье, не в силах говорить, да и просто держаться на ногах.

Это была полная перезагрузка.

Урок 1.

Не стоит слишком сильно привязываться к мечте: мечтай, но никаких конкретных ожиданий!

Глава 2. Первые знакомства

Наконец после очередного пробуждения Ирина почувствовала в себе привычные силы. Тело перестало безвольно расплываться по кровати, а, наоборот, взбодрилось и настойчиво требовало движения.

Ирина быстро встала, оделась, взглянула на часы и поняла, что так и не перевела их.

За окном было сумрачно.

«Интересно, утро сейчас или вечер?» – подумала Ирина и с этой мыслью отправилась на кухню.

Керри сидел в гостиной на диване и что-то читал. Похоже,

он был в доме один.

– А, проснулась! – радостно приветствовал её американский папа, откладывая в сторону чтиво.

Его глаза светились теплотой и искренностью. Пожалуй, из всей семьи он один по-настоящему радовался появлению Ирины. Это читалось во всём его облике. Наверняка именно он принял решение пригласить её в свою семью. Рядом с ним Ирина чувствовала себя свободно и легко, несмотря на сложности в понимании мужской речи.

– Да, похоже, выспалась, – попыталась выразить свою мысль девушка.

– Ну, садись, поговорим с тобой немного, – как можно медленнее произнёс Керри. – Женщины ушли прогуляться. Сейчас около восьми вечера. Кстати, ты проспала трое суток.

– Ого! – вырвалось у Ирины.

– Да уж, – покачал головой Керри. – Мы уже всерьёз забеспокоились – думали, ты заболела.

– У меня просто совсем не было сил, – сказала Ирина. – Всё плыло, как в тумане. Видно, сказалось то, что я поменяла местами день и ночь.

– Прибавь к этому стресс, – добавил Керри. – Нелегко приехать жить в чужую страну, да ещё и в полном одиночестве. Надо быть необыкновенно смелой!

– Да, – смутилась Ирина.

Она была рада, что хоть кто-то попытался понять, какие чувства теснились теперь в её груди.

– Ну, ничего. Ты привыкнешь. Мы все поможем тебе освоиться. Чувствуй себя как дома. Мы все очень рады видеть тебя в нашей семье, – делая паузы и произнося слова по слогам, продолжал Керри.

Ей показалось, что его речь стала намного понятней, по крайней мере она звучала для неё гораздо яснее. Возможно, стресс стал поначалу причиной блокировки какой-то части мозга, теперь же туман понемногу рассеивался, а страх того, что её могут не понять или же, что ещё хуже, не поймет она, утихал.

Лицо девушки уже расправилось, сетка напряжения, которая сковывала все её мышцы с первой секунды появления на трапе самолёта, спала, и она вновь чувствовала себя собой.

– Давай, я расскажу тебе немного о нас. А когда освоишься с языком, расскажешь нам о себе, – предложил Керри.

Ирина кивнула. Ей было интересно узнать о Джонсонах, об их семейных традициях и устоях, правилах и привычках, и она с удовольствием приготовилась слушать.

– Мы живем втроём: я, Грэйс и Энджел. Энджел и Кейт – мои дочери от первого брака. Вместе с бывшей женой мы решили, что Энджел будет жить со мной, а Кейт – с мамой. Поэтому Кейт приезжает ко мне только по выходным – каждые две недели. В остальное время она живет в посёлке Грантс-Пасс. У Грэйс тоже есть сын от первого брака, но он уже взрослый, учится на последнем курсе института и живёт да-

леко отсюда.

Керри остановился, как бы оценивая, насколько его речь звучит понятно для русской гостьи. К своему удивлению, Ирина поняла всё до единого слова. На его вопросительный взгляд Ирина улыбнулась и сказала:

– Можете продолжать. Я всё поняла.

Керри расцвёл в ответной улыбке и продолжил:

– Я работаю в лесничестве. Грэйс – учитель в средней школе. Она работает там по полдня, поэтому после обеда всегда дома. Это наше совместное решение – таким образом у неё есть время, чтобы заботиться о доме и Энджел. Моя зарплата – это полторы тысяч долларов, а у Грэйс выходит около семисот. Всё вместе – это небольшая сумма, и мы живём довольно скромно. Все расходы расписаны.

Ирине было немного странно слышать такие подробности о доходах, но Керри, похоже, счёл этот момент очень важным.

– Энджел исполнилось шестнадцать, – продолжал он. – Она пойдет в десятый класс. Должен тебе сразу признаться, что мы – очень строгая религиозная семья. Грэйс и я ходим в церковь по четвергам и воскресеньям, а Энджел присоединяется к нам в выходной день. У нас очень суровые правила, что в принципе нетипично для средней американской семьи. Да и вообще, мы – «со странностями». Во-первых, как ты, должно быть, заметила, у нас нет телевизора. Мы с Грэйс считаем, что телевидение – это большое зло. И всё, что оно

несёт, это...

Тут Керри произнёс слово, которое Ирина слышала впервые. Она прервала его и попросила объяснить, что оно означает.

Керри усмехнулся и стал приводить различные примеры.

Поняв наконец, что он хотел сказать, будто телевидение – всего лишь способ растления подростков, Ирина вспыхнула от внезапно нахлынувшего стыда.

Внимательно посмотрев девушке в глаза и кивнув, как бы показывая своё одобрение, Керри продолжил:

– Так вот, мы решили отказаться от телевидения совсем. Кроме того, мы запрещаем нашим детям слушать современную музыку. Исключения, конечно, бывают, но прежде чем Энджел или Кейт будут что-то слушать, они должны отдать свои записи на рецензию мне. Теперь это также касается и тебя. Ты – такая же дочь для нас, как и девочки. Относиться к тебе мы будем точно так же, как к ним. Кроме того, мы запрещаем нашим дочерям посещать дискотеки. Всё по той же причине – преждевременное взросление и разврат. Мы также очень пристально изучаем друзей Энджел. Ей разрешено общаться далеко не со всеми жителями Бьютт-Фолса.

Последние слова Керри произнёс нарочито строго. И вдруг, переменив тон, спросил:

– Кстати, ты знаешь, что в нашем городке проживает около пятисот человек, а в школе, в которой вы с Энджел будете учиться, – около ста учеников.

– Сколько? – вырвалось у Ирины.

– Да, да, всего сто человек, – засмеялся Керри. – Насколько я знаю, в двенадцатый выпускной класс в этом году пойдёт восемнадцать ребят, включая тебя и ещё двух студентов по обмену из Испании.

Ирина не ожидала услышать такую новость. В её родной школе выпускных классов было целых пять, а в каждом из классов училось по тридцать учеников. А теперь ей, единственной золотой медалистке одной из лучших гимназий родного города, предстояло учиться в крошечной сельской школе...

Вот тебе и повезло! Она ведь уже в институт поступила, чтобы от одноклассников не отстать! И после года в Америке мечтала сдать экзамены за первый курс! А тут...

– Да не расстраивайся ты так, – будто прочитав её мысли, сказал Керри. – Маленькая школа – это значит все друг друга знают, значит проблем меньше. Энджел вон всё нравится!

Не успел он упомянуть имя дочери, как входная дверь с шумом распахнулась и на пороге появилось знакомое улыбающееся лицо.

– Привет! – радостно воскликнула Энджел. – А мы уж думали, ты никогда не проснёшься!

– Привет, – улыбнулась Ирина в ответ.

– А мы тут немного поговорили о нашей жизни в Бьютт-Фолсе, – вставил Керри. – Похоже, Ирина осваивается с языком и мужской тембр голоса уже перестаёт быть для неё про-

блемой.

– Правда? – равнодушно бросила Грэйс. – Рада слышать. Если ты голодна, Ирина, то всегда можешь сделать себе сэндвич с арахисовой пастой или разогреть остатки еды от ужина, – говорила она без смены интонации, без остановки, направляясь, судя по всему, в ванную.

– Спасибо, я не хочу есть, – сказала Ирина.

– Ну, тогда пошли немного поболтаем, – позвала в свою комнату Энджел.

Ирина с любопытством направилась за своей новой сестрой.

Захлопнув дверь, новоиспечённая сестрёнка плюхнулась на кровать прямо в спортивном костюме и кроссовках. Ирина с удивлением смотрела на её действия, стараясь выглядеть не слишком шокированной.

– Садись, – указала та на кровать, будто и не заметив смущения гостьи.

Чувствуя себя неловко, Ирина всё же присела рядом – ведь всё равно сесть больше было некуда.

– Как я рада, что теперь нас будет двое, – затрещала Энджел счастливым голоском.

Судя по всему, она была очень жизнерадостным человеком, и улыбка сопровождала её постоянно, в отличие от Грэйс, которая, как успела заметить Ирина, улыбалась крайне редко.

– Знаешь, в нашей семье довольно странные правила. Па-

па наверняка тебе уже о них рассказал: и про телевизор, и про музыку, и про дискотеки... Но теперь я надеюсь, что с твоим приездом они хоть немного смягчат свои требования.

– Не смягчат, – поспешила разочаровать её Ирина. – Керри первым делом рассказал именно об этих правилах и чётко дал понять, что их выполнение он будет требовать и от меня.

– Правда? – расстроилась Энджел. – А я-то надеялась... Хоть на музыку... Надо же тебе изучать американскую жизнь. Культуру. Ну, ладно, посмотрим. Кстати, о музыке. Тебе нравится «Битлз»?

Вопрос прозвучал неожиданно. Это была одна из немногих музыкальных групп, название которой Ирина хорошо знала. Да и не только название. В школе они даже учили наизусть несколько песен на уроках английского. Поэтому услышав знакомое слово, Ирина испытала почти что ликование.

– Да, очень, – воскликнула она с необыкновенным оживлением.

– Неужели? Здорово! С нами по соседству живёт Эйприл. Она будет учиться с тобой в одном классе. И она просто помешана на «Битлз»! Завтра зайдём к ней в гости! Она будет рада встретиться с фанаткой своей обожаемой группы.

Они поболтали ещё с полчаса. Потом в комнату заглянул Керри и сказал, что пора ложиться.

Ирина снова оказалась в своей комнатёнке. Мысли роем кружили в её голове. Спать не хотелось. То и дело перед гла-

зами вспыхивали образы, слышались слова то Керри, то Энджел. Впечатлений было через край.

«Религиозная семья, – думала Ирина. – Но не до такой же степени, чтобы запрещать детям смотреть телевизор? Или что, у них в Америке один разврат показывают?»

Она вспомнила родное телевидение. Фильмы, которые так любила, передачи... И тут её словно обожгло: Тальков!

Несколько месяцев назад она случайно зашла в зал, когда по телевизору показывали концерт. Взглянув на экран, она уже не смогла оторваться. Мужчина лет тридцати пел: «Чистые пруды – застенчивые ивы, как девчонки, смолкли у воды...»

Его глаза, полные невыразимой глубины и разрывающей боли, словно открывали дверь в другую реальность. Это был Игорь Тальков.

Ирина впервые услышала это имя, но сразу поняла, что теперь не забудет его никогда.

Позже она спрашивала о нём родных, знакомых, но известен он был мало.

Через какое-то время по центральному телевидению показали ещё одну песню в его исполнении – «Летний дождь». Магия повторилась.

И вот когда у Ирины оставался последний день перед отъездом в Штаты, она нашла в Москве музыкальный ларёк и попросила кассету Талькова. Она сказала, что ей нужен альбом с песней «Летний дождь». Продавец поставила кассету

в магнитофон, и Ирина услышала знакомую мелодию. Эту кассету она купила и взяла с собой в Америку, чтобы вспоминать о России, слушать русскую речь в исполнении любимейшего голоса. Теперь же, внезапно вспомнив, что не положила её из чемодана, отыскивала небольшой свёрток среди оставшихся вещей и бережно достала кассету.

«Не поломалась!» – успокоилась девушка.

На кассете была фотография Игоря Талькова. Он стоял перед окном и смотрел на дождь.

Глядя на фотографию, Ирина вдруг вспомнила глаза отца – понимающие, но всегда таящие невысказанную грусть. Ей стало теплее. Будто родные руки крепко прижали её к себе – совсем как в далёком детстве.

Ирина не помнила, в какой момент её глаза закрылись и она снова провалилась в сон. Возможно, воспоминание о дорогом её сердцу человеке успокоило взбудораженное воображение и позволило уснуть.

Когда она открыла глаза, из окошка радостно лились солнечные лучи. Почему-то хотелось петь и танцевать! Остатки волнений и сомнений испарились под ярким солнечным потоком.

Радостно напевая, Ирина побежала в ванную.

За завтраком все увидели, что она в хорошем настроении и тоже, словно преобразилась. Каждый сказал Ирине что-то приятное, Керри и вовсе был в ударе и всё время шутил. И

хотя Ирина не понимала и половины его шуток, ей было всё равно – она просто смеялась вместе со всеми.

Был выходной. После завтрака родители занялись своими делами, Кейт собралась к подружке, а Энджел предложила Ирине отправиться в гости к Эйприл. Ирина согласно закивала и уже было устремила к выходу, но Энджел её остановила.

– Подожди, мне надо накраситься, – сказала она Ирине.

– Накраситься? Зачем? Мы же не на вечеринку идём, – недоумённо уставилась на неё Ирина.

– Видишь ли, у меня такая привычка! Я не выхожу из дома ненакрашенная, – прозвучало в ответ.

Думая, что пять минут погоды не сделают, Ирина зашла в комнату Энджел и завела разговор о каких-то пустяках.

Энджел тем временем достала из комода огромный косметический сундук. Новенький, лакированный, он весело поблёскивал в лучах утреннего солнца.

«Наверняка это подарок на шестнадцатилетие», – отметила про себя Ирина.

Энджел с довольным видом расположилась на кровати и открыла своё сокровище.

Увидев количество косметики, Ирина округлила глаза.

Энджел не обратила внимание на удивление русской девушки. Спокойными размеренными движениями она стала доставать одну за другой косметические принадлежности и раскладывать их перед собой. Лицо Энджел преобрази-

лось: с него исчезла привычная улыбка, а в глазах появилась незнакомая собранность.

– Ты не против, если я посмотрю, что у тебя тут? – спросила Ирина.

– Конечно нет, – безразлично бросила в ответ Энджел, глядя в увеличительное зеркало, встроенное в крышку сундука.

Казалось, окружающий мир отступил на задний план, и Энджел целиком окунулась в свою собственную вселенную. А для Ирины новый мир её американской сестры выглядел тайной за семью печатями.

Ирина с любопытством стала разглядывать незнакомые предметы. Она практически не пользовалась косметикой. В её скудный арсенал, к которому она прибегала в исключительных случаях, входили только помада, тени и румяна. Здесь же, похоже, присутствовал полный комплект профессионала.

Ирина поднимала к глазам один тюбик за другим и читала названия: тоник, праймер, консилер, тональный крем, бронзер – половину слов она видела впервые.

Все эти волшебные средства Энджел одно за другим умело накладывала на своё юное лицо.

После того как она взялась за четвёртый слой, Ирина не выдержала:

– Скажи, зачем ты всё это делаешь? Тебе ведь всего шестнадцать! Ты и без всей этой штукатурки – красавица!

– Нет, ты ошибаешься, я выгляжу намного лучше с косметикой, – просто ответила Энджел, не вдаваясь в какие-либо споры или объяснения.

Ирина взглянула на часы – прошло около получаса с тех пор, как они оказались в комнате Энджел.

«Это становится любопытным! – подумала Ирина. – И сколько же времени занимает у неё рядовой макияж?»

От нечего делать Ирина подошла к большому окну, разделённому белыми деревянными перегородками на одинаковые прямоугольники, и принялась разглядывать его конструкцию. Шесть верхних прямоугольников составляли верхнюю часть окна, шесть нижних – нижнюю. Судя по всему, заключила Ирина, открыть окно можно было, сдвинув нижнюю его часть вверх.

Окно располагалось необычайно низко. Подоконника не было – вместо него вдоль окна тянулась узкая, сантиметров пять, деревянная рейка. Дом был построен почти вровень с землёй, поэтому создавалось впечатление что, сдвинув окно вверх, можно вполне удобно соскочить прямо на землю.

Солнечный свет так гостеприимно струился по зелёной лужайке за окном, что Ирина почувствовала острое желание выскочить из окна немедленно.

Борясь с внезапным соблазном, она снова повернулась к Энджел.

На этот раз в руках американки блестел странный металлический предмет, напоминающий маникюрные ножницы.

– А это ещё что? – воскликнула Ирина против своей воли.

– Щипчики для подкручивания ресниц, – невозмутимо прокомментировала Энджел.

– Для подкручивания ресниц? – в тоне Ирины звучала насмешка. Для неё этот предмет представлял собой высшую степень абсурда того действия, которое здесь происходило.

Энджел неторопливо повернула голову и поучительным тоном сказала:

– Не вижу ничего смешного. Никакая тушь не сделает ресницы такими яркими и эффектными, как эти щипчики. Посмотри сама.

И уверенными движениями Энджел приступила к небезопасной процедуре, поднося стальной полукруг щипчиков прямо к линии роста ресниц.

«Интересно, в каком возрасте у тебя выпадут ресницы? – вдруг подумала Ирина. – Не смогут же они терпеть такое издевательство вечно!»

Однако промолчала – ей больше не хотелось вступать с Энджел в словесную перепалку. Она уяснила для себя, что их взгляды на внешний вид и косметику – диаметрально противоположны. Ирина пользовалась косметикой только для больших мероприятий. Ей никогда не нравилось это ощущение закупоренности на лице. Как будто бы от ощущения искусственных частиц на коже её свобода автоматически уменьшалась. А Энджел, похоже, с каждым вновь нанесенным слоем чувствовала себя увереннее и взрослее.

По прошествии пятидесяти минут процедура нанесения макияжа была окончена, и довольная Энджел наконец-то смогла выйти из дома.

Когда девушки очутились на улице, то, не сговариваясь, зажмурились от слепящего солнца.

Несмотря на яркий солнечный свет, на улице всё ещё вело утренней прохладой. Ирина поёжилась; сильный порыв ветра дохнул ей в лицо, разметав несобранные волосы длинного каре. Она замерла, сделала глубокий вдох и постаралась впитать прохладный горный воздух всей своей кожей – неожиданный прилив счастья закружил голову.

Прикрыв глаза и сделав козырьком ладонь, она с любопытством стала разглядывать окружающий пейзаж.

Беспорядочно посаженные высоченные деревья звучно шелестели посеребрёнными светом листочками. На горизонте, словно окаймляя чашу деревни, виднелась плотная цепочка невысоких гор. Они стояли так близко, что, казалось, протягивали Ирине руку в честь состоявшегося знакомства.

Ирину охватило незнакомое чувство – будто горы улыбались и обнимали, предлагая свою защиту и опору.

Она счастливо улыбнулась и, лёгкая, как ветер, побежала догонять Энджел, которая медленно удалялась по асфальтированной дорожке.

Через пять минут девушки уже стучались в дверь неприметного сельского домика, который отличался от дома Джонсонов разве лишь по цвету – он был бежевым. Никаких

растений перед домом не росло, а потому он показался Ирине скучным и унылым.

Дверь открыла высокая худощавая девушка со светлыми прямыми волосами до плеч. Лицо её было несколько вытянуто, отчего красавицей Ирина её бы не назвала.

– Привет, Эйприл! Знакомься – это Ирина, наша гостья из России. Вчера она сказала, что любит «Битлз», и я решила познакомить её с тобой. Кто же в наших краях любит «Битлз», если не ты, – протараторила Энджел со своей привычной весёлостью.

При слове «Битлз» лицо Эйприл изменилось до неузнаваемости: из негостеприимного, замкнутого подростка она в один миг превратилась в самую доброжелательную девушку на свете.

– О, привет, девочки! Я так рада этой новости! Заходите скорее в дом.

И она поспешно провела их в свою комнату.

Комната Эйприл располагалась в мансарде дома. Лестница на второй этаж вела практически от входной двери, поэтому интерьеря самого дома Ирина почти не разглядела. Единственное, что ей сразу бросилось в глаза, это уже знакомое ковровое покрытие, которое устилало не только пол, но и саму лестницу.

Когда Ирина переступила порог спальни Эйприл, то на секунду потеряла дар речи. Повсюду – на стенах, на двери, на зеркале – были наклеены плакаты группы. В углу комнаты

стояла тумба, полная пластинок «Битлз». Ирина почувствовала, что сдувается, как воздушный шарик. Внезапно она поняла, что никогда не любила «Битлз», не была их фанаткой, ей просто понравились несколько песен этих ребят. Но что, спрашивается, ей делать теперь? Что говорить этой странной девочке, которая и на порог бы их не пустила без кодового слова «Битлз»?

– Ну, смотри на моё богатство! Какой альбом тебе больше нравится? – сразу же накинулась на гостью Эйприл.

– Я... Я не знаю... Мне нравится у них песня Yesterday и ещё одна Allyouneedislove.

В общем, через 10 минут невнятного бляения Ирина полностью потеряла уважение Эйприл. Доверительный тон хозяйки сменился на некую смесь высокомерия и презрительного снисхождения. У Ирины было только одно желание – бежать из этого дома куда подальше. К счастью, у Эйприл тоже не осталось желания терпеть у себя незваных гостей, и она быстро нашла причину, по которой ей требовалось куда-то срочно идти.

Оказавшись на свежем воздухе, Ирина на минуту остановилась, чтобы отдышаться. Ей казалось, что она только что побывала на невероятно трудном экзамене, который, несмотря на все старания, всё же с треском провалила.

Сердце бешено колотилось от страха, что она не знает правильных ответов, которые были единственным средством завоевать сердце этой странной девушки – одной из лучших

учениц класса, где ей предстояло учиться.

Интересным, однако, оказалось то, что Энджел вела себя так, будто не заметила всей стремительно разыгравшейся на её глазах драмы. Она продолжала о чём-то весело болтать, не обращая внимания на странные остановки и движения Ирины.

«Да, а ум-то у тебя птичий!» – глядя на Энджел, с досадой подумала Ирина.

Ей стало ясно, что откровения с этой сестрёнкой будут невозможны – она просто не сможет понять ни единого переживания, о котором могла бы ей поведать Ирина. И от этого Ирине стало ещё грустнее.

Вернувшись домой, Ирина увидела странную картину: Грэйс лежала на коврике посреди гостиной и невозмутимо качала пресс. Её совершенно не смутило появление девушек, и, не повернув головы на стук двери, она продолжала усердно поднимать ноги.

Энджел легонько толкнула Ирину в бок и показала на дверь своей спальни. Чтобы ненароком не помешать Грэйс заниматься важным делом, Ирина последовала за сестрой.

Плотно прикрыв дверь, Энджел почти шёпотом произнесла:

– Она такая правильная – эта Грэйс. Каждый день делает зарядку. А меня уже который год стыдит, что я не занимаюсь. – Потом вдруг посмотрела Ирине в глаза и добавила: – А я не виновата, что у меня нет силы воли. Ну, не могу я но-

ги поднимать по тридцать раз, как она. Не могу, и всё. Вернее, не хочу, и всё! – В последней фразе Ирина прочитала накопившуюся в душе Энджел злость, которую та, возможно, не находила, кому выплеснуть. – И вообще – я есть люблю. Ну, ты, наверное, заметила. – На её лице опять заискрилась улыбка, а в голосе зазвучал знакомый оптимизм.

Энджел не умела долго сердиться.

– Я тоже не могу заставить себя делать зарядку, – поделилась в ответ Ирина, а про себя подумала: «Однако воли мне не занимать. Если поставлю цель что-то выучить, то уж ко-
стыми лягу, а выучу». И громко вздохнула.

Энджел будто бы обрадовалась Иринуному вздоху.

– Здорово! – почти закричала она. – Выходит, я не одна такая безнадёжная!

Ирине одновременно было и грустно, и забавно наблюдать за непосредственными и какими-то детскими реакциями Энджел. Она ощущала себя совсем взрослой рядом с этой маленькой наивной девочкой, не скрывавшей своих чувств. Если бы только Ирина знала, НАСКОЛЬКО она ошибалась, но правда раскрылась ей гораздо позже. А пока она чувствовала себя взрослой и очень мудрой по сравнению с Энджел.

В гостиной послышалось шуршание и голос Грэйс:

– Я закончила.

– Как кстати, – сказала Ирина, – я хочу тебе что-то показать.

И она побежала в свою комнату. Через минуту Ирина сно-

ва стояла рядом с Энджел, спрятав руки за спиной.

– О! Что это с тобой такое? – выпучила на неё глаза Энджел.

Ирина и сама чувствовала, что сияет, как надраенный медный чайник, но ничего не могла с собой поделаться.

– Я было подумала, что русские вообще не улыбаются!

– Смотри, что у меня есть! – перебила её Ирина и показала привезённую с собой кассету.

– Музыка? – обрадовалась Энджел. – А вот и мой магнитофон! – Она перенесла магнитофон с комода на кровать. – Это русская музыка?

– Да, это я привезла с собой, чтобы не очень скучать по родине.

– Давай скорее послушаем – мне так интересно! – Глаза Энджел загорелись, но в следующую секунду снова погасли. – Но сначала кассету должен прослушать Керри.

– Что? – непонимающе уставилась на неё Ирина. – А, Керри... Так ведь это песни на русском языке. Он же ничего не поймёт. Какой же толк ему слушать?

– Точно! – опять ожила Энджел. – Давай её сюда.

Она вставила кассету в магнитофон и нажала «Пуск».

Ирина ожидала всего, но не того, что произошло в следующую секунду – внезапно тишину комнаты прорезал звук колокола.

Его появление здесь, в чужом мире, на чужой земле, показалось Ирине совсем неуместным. С каждой секундой он

звучал всё отчётливее и смелее, затопляя всё окружающее пространство, подчиняя и захватывая сознание девушки и унося его куда-то далеко-далеко – на родную землю.

Потом послышался знакомый хриплый голос Игоря Талькова:

*«Листая старую тетрадь расстрелянного генерала,
Я тщетно силился понять,
Как ты могла себя отдать
На растерзание вандалам...»*

Эту песню Ирина слышала впервые.

В недоумении читая названия песен альбома на цветной вставке из подкассетника, она не находила ни одного, которое могло бы подходить под льющиеся из магнитофона слова.

«РА-ССИЯ», – грянул припев песни.

Подкассетник выпал из рук Ирины, а из глаз вдруг градом хлынули слёзы.

Она будто ослепла, не замечая больше ничего вокруг.

Внезапно её обжёг представший перед внутренним взором зов Родины, устремившей свой луч прямо к её томившемуся от одиночества сердцу.

Эта песня не просто брала за душу, она рассказывала Ирине – кто она и где её место, она давала почувствовать ту самую сокровенную связь, какую, должно быть, чувствуют мать и сын, когда матери приходится провожать сына на вой-

ну.

Ирина будто провалилась в раскрывшееся сердечное пространство, и благодарное сердце вылилось наружу обильным потоком столь долго сдерживаемых слёз...

Энджел сидела на кровати не шевелясь, выпучив глаза, не понимая, что происходит.

– Тааак, и что вы тут у нас слушаете? – заглянул в комнату Керри.

Видно, он решил вмешаться в слишком вольное поведение девочек. Но стоило ему увидеть глаза Ирины, он тут же изменился в лице. Всезнающий Керри вдруг растерялся.

Да, да, просто растерялся. Он никак не ожидал увидеть подобную реакцию, и теперь, уже чувствуя себя неловко, как будто вторгся в чью-то запретную зону, он пытался найти вежливый способ покинуть комнату. Но в голову его явно ничего не приходило, и он просто сделал шаг назад и закрыл дверь.

Ирина увидела Керри, но ей было не до него. Её сознание словно парило на неведомых ей прежде высотах. Она жадно впитывала каждую каплю всепроникающей, сильной песни. Словно в её сердечной пустыне пошёл проливной дождь...

Песня закончилась, Ирина очнулась и выключила магнитофон. Она не желала больше сюрпризов. Если песни на кассете не соответствуют тем, что записаны на обложке, то она очень хотела бы прослушать их в полном одиночестве, чтобы снова пролился этот чудный тальковский дождь, чтобы

родина снова встала исполином в её сердце.

– Можно я возьму магнитофон? – спросила она у Энджел, вытирая слёзы.

– Конечно, возьми, – не найдя, что ещё добавить, ответила ошарашенная произошедшим Энджел.

Ирина взяла магнитофон и ушла к себе. До конца дня она слушала незнакомые песни, плакала и, как ей казалось, взрослела.

Что-то менялось в её сознании, в восприятии реальности, в отношении к новому миру, в который она прилетела с другого конца земли. Возможно, это прорастала в ней Родина, давая глубокие корни и оставляя кровоточащие раны.

Ирина не знала – ЧТО с ней происходит, но ни за что на свете не хотела выходить из состояния светлой грусти, вселенской тоски и глубокого чувства родства – как будто от этого зависел теперь смысл всей её будущей жизни.

Урок 2.

Родина – это не просто кем-то придуманное слово, это живая связь, которая даёт силы жить.

Глава 3. Путешествие по южному Орегону

Оставшиеся до школы дни каникул пролетели незаметно. Керри и Грэйс приобрели новый автомобиль – подержанный, но всё-таки в великолепном состоянии, блестящий синень-

кий Ford. На нём они устроили Энджел и Ирине поездку по южной части Орегона.

Прежде всего Джонсоны хотели показать Ирине озеро Кратерное (Craterlake) – пожалуй, самую известную на весь мир достопримечательность Орегона. Это озеро образовалось в кратере древнего вулкана, и чтобы добраться до него, необходимо было преодолеть довольно внушительный подъём по склону горы.

Дорога к озеру петляла среди насыпей из застывших комков лавы: по такой ужасающей сизо-чёрной пустыне. Ни растений, ни других горных пород – только угольно-чёрные, безжизненные комья бушевавшей когда-то стихии. Картина далеко не из приятных. Особенно когда из-за поворотов не видно других автомобилей.

Ирина смотрела в окно на мёртвый ландшафт, и ей представлялось, что произошёл конец света и они остались на всей земле одни – в своей маленькой машинёшке, одинокие и несчастные.

Ей поневоле хотелось, чтобы они поскорей миновали этот участок дороги.

Однако в одном месте вулканической трассы они даже задержались – остановились для памятного снимка. На возвышенном участке из крупных комьев было выложено некое подобие здания: когда-то здесь велись съёмки фантастического фильма.

Наконец подъём закончился, и автомобиль выскочил на

плоское плато, широкое и полностью заасфальтированное. Из объятий чёрной пустыни их внезапно вынесло в самое сердце цивилизации. Ирина с удивлением смотрела по сторонам. На редкость людное место кишмя кишело туристами: стоянка почти полностью была заставлена автомобилями; на краю плато в окружении худощавых елей возвышалась каменная четырёхэтажная гостиница, выстроенная неким подобием полукруга, вытянутого сообразно окружающему ландшафту; перед парковкой, зазывая гостей, красовался довольно крупный сувенирный магазин.

«Всё-таки умеют американцы удивлять! Сначала ни одного признака жизни на огромном промежутке дороги, а потом откуда ни возьмись все удобства цивилизации!» – подумала Ирина.

Однако девушку не интересовали предлагавшиеся удобства. Из-за огромного скопления народа найти уединённый уголок для снимка – без фотографирующихся на заднем фоне туристов – оказалось крайне сложно.

Озеро было одновременно диковинным и неприступным. Яркая, густая синева, утопленная в глубине горы, казалась натянутым гладким атласом, вызывающим у Ирины непреодолимое желание пробежаться по его ровной поверхности. Но спуститься к воде не представлялось возможным: острые зубцы скал и задравшие кверху нос утёсы с осыпающимися каменистыми склонами охраняли казавшуюся священной воду.

Ирина попыталась удалиться от обустроенной туристической зоны, огибая озеро по краю кальдеры. Она подошла к краю одного из выступов.

Выбеленный солнцем и дождями ствол погибшего дерева возвышался над грудой камней, будто древний страж, повидавший на своём веку всякое. Внизу, за ниспадающими шлейфами мелкой гальки, бирюзовое мелководье словно забирало яркую синеву озера в кольцо. Теснясь к одному из берегов, над поверхностью воды, подобно спине огромного кита, высился хребет покрытого зелёной растительностью острова.

Ирина повернулась и взглянула на окна гостиницы.

«Кажется, я начинаю понимать, зачем люди останавливаются в этой гостинице – должно быть, здесь можно наблюдать невероятно красивые рассветы или закаты», – пришла ей в голову неожиданная мысль.

Однако очарование озером длилось недолго. Дикие неприступные скалы не позволяли отойти от островка цивилизации далеко, а раскалённое солнце нещадно палило непокрытую голову девушки. Укрыться было негде. Ирина поспешила обратно, обнаружив семью Джонсонов в прохладном зале сувенирной лавки – они тоже спасались от жары.

– Вот это палит! – жаловалась Энджел, осторожно вытирая салфеткой пот, тонкими струйками стекавший по её тщательно нанесённому макияжу.

Энджел была верна своему правилу «не появляться на

улице ненакрашенной» даже на природе.

Ирина с любопытством стала рассматривать местные сувениры. Их было превеликое множество. И теперь девушка вполне понимала почему: на раскалённой солнцем, крошечной, обустроенной в диком ландшафте площадке было абсолютно нечего делать! Десяток-другой фотографий – и вот туристы уже изнывали от скуки. Ведь озеро далеко, в глубине – ни потрогать, ни искупаться, ни сменить ракурс для фотографий. И тогда они с удовольствием обращались к лавке с сувенирами! Тут тебе и кружки, и ложки, и тарелки, и футболки, и прочее, прочее, прочее – всё, чтобы развеять твою скуку. И конечно, будоражащие душу снимки озера: на закате, с высоты птичьего полёта, в окружении стаи белых облаков, в зимнем обрамлении, когда серые склоны покрывает шелковистая белизна...

И хотя красота озера неоспорима, место это, заключила Ирина, – больше бизнес, причём приносящий владельцам немалый доход.

Отдохнув в лавке, Джонсоны вернулись к машине. Теперь жара была им не страшна: в отличие от своего предшественника, почти что новенький автомобиль был оборудован кондиционером.

Испытав на себе действие высоких летних температур южного Орегона, Ирина не раз мысленно благодарила Керри и Грэйс за своевременное приобретение комфортабельного авто.

Переночевав в дешёвом отеле подальше от туристической зоны Кратерного озера, они отправились к следующей цели своего путешествия. Однако куда именно, Ирина не знала. Она намеренно не интересовалась маршрутом – ей хотелось, чтобы путешествие от начала до конца оставалось для неё сюрпризом.

Почти целый день они петляли по горному ландшафту штата, а потом неожиданно для Ирины выехали к Тихому океану... К бесконечному простору, перед которым человек теряет всякую значимость, сокращаясь до размеров едва заметной точки.

С самого первого мгновения океан завоевал любовь и восхищение Ирины – девочки, которая никогда до этого момента не бывала даже на море.

Он очаровал её необыкновенной мощью, абсолютно неподвластной чьей-либо воле; стремительной, уверенной волной, несущейся к известной лишь ему цели; и своей открытостью, как Ирина чувствовала, человеческому сознанию.

Они выехали на шоссе, вьющееся лентой вдоль морского побережья, уже под вечер, когда открывшаяся им громада воды тонула в летних сумерках.

Облака плотной ватой обложили надводное пространство, лишив Ирину возможности наблюдать закатный спектакль уходящего солнца.

Океан выл и стenal, заключенный в тесный бесцветный склеп, но Ирине казалось, что она видит самое прекрасное зрелище на земле. Её не смущало ни отсутствие солнца, ни бушующий ветер, грозивший перейти в ураган, ни тяжёлые, подступившие к самой воде тучи.

Семья остановилась на побережье, в доме с шикарными – во всю стену – раздвижными стеклянными дверьми, которые позволяли наблюдать за океаном в любое время суток при любой погоде.

Это было важно, потому что они сняли дорогой особняк всего на одну ночь.

Подъехали к дому Джонсоны затемно, поэтому их хватило только на то, чтобы занести вещи в дом и наскоро приготовить ужин.

На берег Ирину уже не пустили – неосвещенное побережье таило в себе непредсказуемость и опасность. Зато Ирине досталась комната с видом на океан, и, лёжа в кровати, она долго слушала звуки неугомонной волны и не верила своему счастью. Ей казалось чудом провести ночь на расстоянии лишь нескольких метров от самого большого океана на земле.

Рано утром Ирина уже сидела перед стеклянной стеной, замороженно наблюдая, как океан начинает свой день.

Было пасмурно. Солнце по-прежнему не могло прорваться сквозь густые, налитые свинцом тучи, затянувшие голубизну неба сплошным полотном. Будто почувствовав себя

полноправной хозяйкой, небесная мгла безмолвно диктовала свою волю, окрашивая волны в мрачную серую палитру. Но океан сопротивлялся. Пытаясь сбросить тяжелые серые оттенки, он яростно взбивал воду в сахарно-белую пену, меняя минорные тона на мажор.

Это была борьба: тяжёлая, но не безысходная.

Ирина чувствовала в этой борьбе надежду. словно океан учил её не сдаваться ни при каких, даже самых непреодолимых обстоятельствах.

Она смотрела на него не мигая, стараясь навсегда запечатлеть в своей памяти буйство сопротивляющейся стихии, ещё точно не зная, но будто предчувствуя, что ей пригодится неожиданно преподанный океаном урок.

А потом, несмотря на ветер и тучи, Ирина и Энджел побежали вниз по стальной лестнице на пустынное песчаное побережье, чтобы прикоснуться к суровому и сильному телу океана. Они носились по берегу, позабыв обо всём на свете, то и дело прямо в одежде забегая по колено в холодную тихоокеанскую воду.

В этих широтах океан оставался прохладным даже в самую жаркую пору – когда температура воздуха достигала сорока градусов. Но и прохладный, он вызывал к себе всё те же чувства – любви и восхищения.

Ирина вдыхала полной грудью свежий пьянящий воздух необъятного простора и чувствовала, что за спиной у неё вырастают крылья. И она летела вперёд не в силах остановить-

ся! Ветер спутывал её волосы, набрасывал пряди на глаза, словно играя и забавляясь своей игрой, а Ирина ощущала себя маленькой девочкой, которая превратилась в чистую искромётную радость.

Никогда до этого момента Ирина не испытывала такого всеохватного счастья. Каждая клеточка её тела ликовала от непонятно откуда вырвавшейся свободы.

Она бежала по берегу, но ей казалось, что ноги уже не касаются земли и она несётся прямо по воде к манящей магнитом ровной линии горизонта. И в этот момент, ей чудилось, что в жизни возможно всё! Стоит только поверить и устремиться к поставленной цели.

Керри тоже вышел на песчаное побережье. Он с улыбкой смотрел на девушек, и в его взгляде сквозила зависть к их молодости и буйной энергии, которую они могли позволить себе выплеснуть вот так: не думая ни о чём и ни о ком.

Потом на берегу появилась Грэйс. Она молча взяла Керри под руку, и они медленно побрели вдаль по береговой линии, разделяя общение с океаном друг с другом.

Последней остановкой в их недолгом, но насыщенном путешествии оказался дом родной сестры Грэйс. Он находился в стороне от селений, в густом лесу, в одной из долин, затерявшихся меж лесистых гор Орегона.

Одноэтажный домик стоял в самой гуще высокого лиственного леса, почти полностью скрытый от человеческих

глаз. Казалось, его строили, с поразительной точностью вписывая в окружающий ландшафт. Перед ним не было никакого двора в привычном смысле этого слова. Почти на расстоянии вытянутой руки от крыльца росло громадное дерево, ветви которого широким зонтом накрывали крышу. В нескольких шагах от дерева прямо из дикой, нетронутой травы выпирал тёмный кусок скалы, похожий на проросшую из земли большую шляпку гриба. Неровный деревянный заборчик неуверенно ограждал несколько высоких яблонь, на которых висели крупные зрелые плоды. В общем, абсолютно всё в этом обособленном уголке одновременно и удивляло, и забавляло Ирину.

Цель некоторых сооружений была ей непонятна: например, выложенная местным камнем невысокая стенка, подпиравшая одну сторону небольшой возвышенности, на которой всё так же густо росли деревья. Или же доходившие ей до пояса широкие столбы, сложенные из булыжников и огражденные железной сеткой.

В одном месте она наткнулась на большую кучу недавно наколотых дров.

«Надо же, люди отваживаются жить в полном одиночестве, вдалеке от общества, в самой чаще леса. Наверняка здесь и дикие животные встречаются!» – думала Ирина, обходя странное хозяйство и поёживаясь от холода – слишком густая тень вызывала у Ирины ощущение, будто она находится в холодном подвале. Перепад температуры между зате-

нёнными и залитыми солнцем участками был разительный.

На следующее утро Ирина, будто в подтверждение своих мыслей, увидела у дома оленей. Встав на задние ноги, они преспокойно лакомились крупными яблоками.

– Вот же напасть! – досадовала Бет, сестра Грэйс. – Житья от этих оленей никакого нет, того и гляди все яблоки съедят!

И она стала отгонять животных, махая на них руками и громко крича, видимо, изо всех сил стараясь испугать, однако это ей почти не удавалось – олени чувствовали себя полноправными хозяевами и не спешили уходить.

Только теперь Ирина поняла, что небольшой деревянный забор был призван охранять яблоневый сад именно от этих незваных гостей, однако, судя по всему, справлялся с этой задачей слабо.

В общем, путешествие удалось на славу, и на короткое время Ирина позабыла, что ей придётся учиться целый год в крошечной деревенской школе. Позабыла, что ей придётся перешагнуть через миллион своих страхов, встретить кучу незнакомых людей, научиться преодолевать препятствия, – и всё это без какой-либо поддержки со стороны, опираясь только на саму себя.

Урок 3.

Природа – источник радости и красоты, который исцеляет душу.

Глава 4. Первый день в школе

Но вот настал первый учебный день.

Энджел открыла перед Ириной тяжелую стальную дверь школы, за которой копошились ученики старших классов. Все они что-то складывали в свои кабинки, разместившиеся прямо в коридоре у входа.

Энджел начала представлять Ирину своим знакомым и ребятам выпускного класса. Все равнодушно улыбались и продолжали заниматься своими делами. И только одна девушка, испустив радостный вопль и лучась переполнявшими её эмоциями, стрелой бросилась к Ирине. Это была смуглая брюнетка с выразительными чёрными глазами и тоненькой изящной фигуркой, в ослепительно белой обтягивающей футболке. Небрежно собранные в хвост угольно-чёрные прямые волосы смотрелись стильно и придавали облику девушки уверенность. На фоне окружающих оплывших силуэтов американцев она выглядела диковинной жемчужиной. По сильному акценту девушки Ирина догадалась, что перед ней студентка по обмену из Испании.

– Меня зовут Белен, – частила испанка, сверкая белозубой улыбкой. – Я не очень хорошо говорю по-английски, но надеюсь, что выучу его через год.

И хотя испанке сложно было подбирать слова, а сильный акцент мешал понимать, что именно она говорит, Белен ни-

сколько не стеснялась, а продолжала бойко тараторить и всё время очаровательно улыбалась.

«Вот бы и мне так!» – завидовала ей Ирина.

Увы! Сколько ни старалась, она не могла улыбаться и вести себя раскованно. Напротив, всё её тело будто снова заковали в тяжёлые кандалы, и при каждом движении она чувствовала страшную неловкость.

Через некоторое время появился и брат Белен – красавец Хосе. Такой же жгучий брюнет с восхитительной белозубой улыбкой, однако совсем не похожий на сестру. В отличие от Белен, у него были мягкие волнистые волосы, спадавшие красивым каскадом до плеч, и светло-карие глаза. Бронзовое тело парня было хорошо сложено и накачено – похоже, он серьёзно увлекался спортом.

– Привет! – дружелюбно приветствовал он Ирину, пока Белен что-то усиленно объясняла ему по-испански.

В приветственной улыбке парня Ирина прочитала открытость и простоту.

Похоже, Хосе совсем не знал английского. Женская половина изо всех сил пыталась разговаривать парня, однако тот лишь улыбался, молчал и время от времени бросал вопросительные взгляды на Белен, которая с жаром выполняла роль переводчицы.

Наконец прозвенел первый звонок нового учебного года.

И вот Ирина оказалась в американском классе выпускников.

Девушка с любопытством разглядывала ровесников.

Девчонок оказалось намного больше, чем ребят. Взгляд невольно делил их на две группы. Одна группа, судя по всему, была равнодушна к спорту и по внешности напоминала Энджел: девушки с бесформенными тучными фигурами, полными лицами и завитыми в вертикальную химию волосами чуть ниже плеч. Вторая группа – ярые поклонницы спорта: ухоженные, с точёными фигурками, как правило, с длинными, до пояса, распущенными волосами, в обтягивающих футболках и джинсах. Ирина удивилась столь яркому, бросающемуся в глаза различию.

Мимо продефилировала Эйприл, одарив Ирину высокомерным взглядом, дававшим недвусмысленно понять, что та для неё не существует.

Некоторые девочки проходили мимо Ирины с равнодушным видом, как будто в классе и не было никакой новенькой. Другие, напротив, проявляли огромное любопытство, которое удовлетворялось только парой-тройкой ответов на их стандартные вопросы: как тебя зовут, откуда ты, на сколько приехала. После этого следовал возглас «Здорово!», и они погружались в разговоры друг с другом о прошедшем лете и о последних новостях городка (ведь Бьютт-Фолс был городком, а не деревней!).

Ирина чувствовала себя новой картиной – яркой и броской, повешенной на самом видном месте некоего жилища, которая, однако, не сумела вызвать ни капли интереса у его

законных обитателей. И эти самые обитатели занимались примитивнейшими делами, обходя стороной заморское сокровище, которое могло бы чудесным образом расширить их кругозор. По непонятной причине им совсем не было до картины никакого дела.

Поначалу Ирина недоумевала, видя такое поведение ровесников. В её родной школе все только бы и говорили, что о новичках из других стран. Вопросы сыпались бы как из рога изобилия, каждый норовил бы пригласить новичков если не к себе домой, то на какое-нибудь мероприятие – уж точно. Здесь же необычность её присутствия будто бы не замечали.

И... странная вещь – сознание. По прошествии какого-то времени Ирине самой стало казаться, что ничего необычного в её приезде действительно нет. Она просто новая ученица в классе, и ей нужно самостоятельно вливаться в коллектив. Она даже начала чувствовать неловкость, что не может поддерживать разговоры соседей, не может обратиться к кому-либо с пустяковым вопросом.

Белен находилась в этом же классе, однако ей повезло больше: в её принимающей семье была выпускница Мэган – общеизвестная красавица Бьютт-Фолса. Невысокая, подтянутая, с великолепной фигурой, длинными, завитыми в вертикальную стружку волосами, доходившими почти до пояса, – она представлялась Ирине некоторым идеалом, которого Ирина никогда не мечтала достигнуть. Теперь же Мэган рассказывала своим подружкам о том, как они провели по-

следние дни лета вместе с Белен.

А вот Хосе, брат Белен, находился классом ниже, так как был на год младше сестры, а значит, его ситуация, учитывая слабый уровень владения языком, могла быть ещё неприятнее, чем у Ирины.

Наконец пришла преподаватель, и в классе воцарилась тишина. Это был вводный урок, когда двенадцатиклассники первый и последний раз собирались все вместе.

Уже со следующего урока они разойдутся по разным классам, будут учиться с ребятами разных возрастов, разных классов, изучать разные предметы. Это одно из проявлений американской свободы: в старших классах ты волен сам составить себе учебную программу. Да, у тебя есть набор обязательных предметов, но это твоё дело – проходить их в 9-м, 10-м, 11-м или 12-м классе. Набор этот достаточно небольшой, так что каждому ученику предоставляется очень широкий выбор необязательных предметов. И здесь уж молодые люди творят кто, как говорится, во что горазд. Поэтому на каких-то предметах ты видишь ребят, которые намного младше тебя и выглядят «не в своей тарелке», зато на некоторых сам оказываешься в каком-то смысле посмешищем: эдакий пенсионер среди малолеток.

В общем, местный колорит ещё тот! Особенно если ты – студент по обмену и у тебя трудности с общением. Звонок – и ты в новом коллективе! Не то что имён – лиц запомнить невозможно.

Ирине тоже предоставилась возможность выбрать предметы на первое полугодие. Однако выбор оказался совсем невелик, поэтому она просто взяла все самые сложные предметы, надеясь на то, что они принесут ей хоть какую-то пользу.

Классную преподавательницу звали Джилл Саммерс. В школе она вела историю. Ей было около сорока пяти. Полная, почти круглая женщина, несмотря на лишний вес, производила очень приятное впечатление. Ирине сразу понравились её глаза. Это были глаза неравнодушного человека, доброго и жизнелюбивого, способного проникать в душу собеседника, что было бо-о-ольшой редкостью в Америке, как уже успела подметить Ирина.

Джилл Саммерс поприветствовала класс и пригласила Ирину и Белен выйти к доске.

– Ребята, наверняка вы заметили, что в классе у нас необычные новенькие. Они прилетели к нам издалека. Но если с представителями испанской национальности вам доводилось встречаться неоднократно, то студентов из России вы точно никогда не видели.

Её льющийся приятный голос успокаивал Ирину. Находиться рядом с миссис Саммерс было комфортно и легко. Ирина даже как-то выпрямилась от её слов.

– Вы даже не представляете, какие невероятные истории может рассказать вам Ирина. Да и Белен, я уверена, полна

загадок и тайн, поэтому не теряйте даром время и попробуйте разузнать у них что-нибудь новое. Может, об их быте, может, о природе, а может, об истории их стран. Вам повезло, девочки сэкономили вам кучу денег: вам не придется ехать в Испанию или Россию, чтобы узнать об этих странах. Эти страны сами отправили к вам своих представителей. Отнеситесь же к ним внимательно, помогите освоиться в новой культуре, расскажите, чем живёте именно вы. Садитесь, девочки, – закончила свою речь миссис Саммерс.

Ирина вернулась на место в приподнятом настроении. Она увидела, что речь учительницы пробудила от спячки несколько учеников, и теперь они с интересом рассматривали её, Ирину.

Но... прозвенел звонок, и уже через несколько минут ей предстояло идти на другой предмет, а значит – в совершенно новый круг разновозрастных подростков.

День пролетел стремительно. Ирина была выжата, как лимон. Волнение и постоянно сменяющиеся лица дали о себе знать.

В коридоре они встретились с Энджел.

– Ну, как прошёл твой день? – весело спросила её американская сестрица.

– Фу, – выдохнула Ирина, – наконец-то он прошёл.

– Ну, тогда побежали домой! – засмеялась Энджел так, что можно было подумать, что шесть уроков для неё – сушая

ерунда.

Ирина поверила Энджел и чуть ли не рванула в настоящий забег до дома, едва они оказались за порогом школы. Ей больше не хотелось ни пересекаться с учениками, ни заводить дежурных разговоров.

Но Энджел преспокойно шагала по тропинке, привычно переваливаясь с одной ножки на другую.

Ирина обернулась и с досадой сбавила темп.

«Это ж надо так тащиться, как черепаха! Зачем тогда «побежали» говорить? Издеваешься ты надо мной, что ли?!»

Ирина была почти в бешенстве. Она пристально посмотрела в глаза Энджел, но встретила лишь непробиваемую дежурную улыбку, за которой не было и намёка на понимание.

Ирина тяжело вздохнула и поплелась рядом с сестрой.

Надо сказать, Энджел вообще не признавала слово «быстро». Всё, что она ни делала, она делала о-о-очень медленно. Поэтому сто метров, которые им нужно было преодолеть, длились для Ирины целую вечность.

Наконец они всё же добрались до дома.

В доме была только Грэйс. Она равнодушно спросила, как всё прошло в школе, получила привычный ответ «Окей» и занялась своими делами.

Ирина прошла в свою комнату, переоделась и упала на кровать.

Её душили слёзы. Казалось, весь мир перевернулся с ног

на голову и перестал её замечать. Её – как человека. Никому не было до неё никакого дела. Никого не интересовало, что она чувствует, думает, хочет, боится...

В этой напомаженной, расцвеченной фальшивыми улыбками стране Ирине было чудовищно холодно. Беспросветное чувство одиночества и тоски снова навалилось на её плечи неподъёмной тяжестью. Ирине казалось, что её фигурку просто стёрли ластиком и она перестала существовать.

Вечером пришёл Керри. Он сразу заметил, что с Ириной что-то не так, но не стал задавать ей вопросов в присутствии Грэйс и Энджел. Когда же все пошли на привычную вечернюю прогулку, он задержал Ирину и попросил поговорить с ним.

Они присели в гостиной, и Керри начал говорить. Он сказал, что понимает, как, должно быть, трудно дался Ирине этот первый день в школе. Говорил про ребят, про учителей, про английский – в какой-то момент Ирина перестала понимать, о чём именно он говорил, она просто вдыхала тепло, которое исходило от единственного человека, который по-настоящему переживал за неё и старался искренне ей помочь.

Ирине хотелось рыдать, выговориться этому человеку, но она не могла: рыдать было стыдно, а выговориться не позволял уровень владения языком.

И она просто сидела на диване, опустив голову, закусив губу, и односложно отвечала на вопросы американского па-

пы.

– И ещё, – добавил Керри уже в конце разговора. – Я давно хотел тебе об этом сказать. У тебя какая-то невероятная кассета. Я никогда не слышал подобной музыки. Да, я не понимаю язык, но я не глухой. Энджел никогда в жизни не принесёт в дом ничего подобного. Можешь слушать любую музыку – всё, что считаешь нужным, всё, что захочешь, я не буду контролировать твой выбор. Я полностью доверяю тебе.

Ирина взглянула на него с благодарностью. Эти слова легли бальзамом на её израненное сердце. Она вдруг почувствовала в себе силы бороться, встать в полный рост и позволить себе быть самой собой, даже если никто вокруг и не заметит, чего ей стоит это движение.

Медленно потекли школьные дни.

Незнакомых слов и на уроках, и в домашних заданиях встречалось очень много. Ирине приходилось постоянно обращаться к словарю, а это занимало уйму времени. Особенно сложно было отвечать на уроке устно. Учителя были благосклонны к студентам по обмену и не требовали от них безупречных ответов, но Ирина не могла позволить себе отвечать двумя-тремя словами и готовилась к урокам серьёзно.

Девушка почти перестала видеться с Энджел. На уроках они не пересекались – у них были выбраны разные предметы, учиться часто заканчивали в разное время, домой приходили поодиночке. Да и вообще теперь у Ирины появилась

свобода возвращаться из школы в своё время и в своём темпе: насколько она уяснила, у американцев не было привычки ждать друг друга, поэтому Ирина чувствовала себя нормально, если ей вдруг случалось обгонять Энджел, разговарившуюся с кем-нибудь по дороге из школы.

Дома Ирина всё время училась, а Энджел встречалась с немногочисленными подругами и занималась бесконечными косметическими процедурами.

Грэйс полностью освободила девочек от домашней работы: пылесосила, мыла полы, готовила обед. Единственное, что Энджел и Ирина помогали ей делать, – они убрали со стола. Но поскольку девушки мыли посуду попеременно, то эта небольшая обязанность никак не могла обременить.

Чтобы поддерживать отношения с девочками своего класса, Ирина пошла в школьную волейбольную команду. Спорт – это было то самое, за что в школе уважали. Ирина знала про волейбол больше в теории, чем на практике, но всё же игра была ей знакома и нравилась.

Поначалу ей было неловко, что она новичок, но надо отдать должное девочкам: они никогда не смеялись над её слабыми подачами или же над неудачами, когда она пыталась отбить мяч. Ирина даже была удивлена, что это те же самые девушки, которые просто игнорировали её в школе. Видимо, когда кто-то приходил к ним в команду, они начинали относиться к этому человеку серьёзно и даже помогать ему, ведь конечный результат зависел от игры всей команды, а значит,

команда была настолько слаба, насколько слабым был её самый неопытный игрок. И девочки научились это понимать.

Так что с приходом в волейбольную команду жить в школе Ирине стало веселей. Теперь ей улыбались в коридоре, всегда здоровались – и делали это не формально, а по-настоящему.

Дни текли за днями, и Ирина всё больше и больше убеждалась в том, что уровень знаний в школе Бьютт-Фолса чрезвычайно низкий.

Предметы были ей по большей части неинтересны. Единственные уроки, которые она считала для себя по-настоящему полезными: слепая печать на компьютере и история.

На уроке слепой печати она была одна своего возраста, все остальные ученики учились в девятом классе. Навык овладения компьютерной грамотностью и слепой печатью американские ученики получали первым делом, что впоследствии значительно облегчало им процесс обучения.

Ирина же в свои семнадцать лет была знакома с компьютером мало. В России она видела компьютеры только у мамы на работе, да и то как нечто экзотическое.

Поэтому овладение слепой печатью давалось ей с большим трудом, тем более что в доме Джонсонов на компьютер налагался запрет, а значит, запоминать клавиши Ирина могла только в классе. И хотя ей было очень нелегко, она хорошо понимала, что этот важный навык позволит ей впоследствии

значительно сократить время на работу с текстами, а потому упорно работала на уроке, не обращая внимания на то, что была самой слабой из учеников.

История же увлекала её потому, что этот предмет вела Джилл Саммерс, в которую невозможно было не влюбиться. Она была единственной из преподавателей, интересовавшихся жизнью Ирины. Она спрашивала о России, о русской школе, о том, как в России преподают историю и, конечно, о том, что Ирина думает об Америке и американской школе. Часто они задерживались в кабинете Джилл после уроков, чтобы поболтать.

Сама Джилл была в не менее тяжёлой ситуации, чем Ирина. Она жила в туристическом городке Ашленд и добиралась на машине до Бьютт-Фолса целых два часа.

Учитывая, что уроки начинались в восемь утра, Джилл приходилось подниматься в пять. Мало того, после школы она ехала в обратную сторону всё те же два часа. По дороге неизменно останавливалась в кафе Макдоналдс, ужинала и возвращалась домой около семи часов вечера.

Постоянное употребление картошки фри, кока-колы и гамбургеров начало сказываться уже не только на фигуре, но и на здоровье. Джилл то и дело мерила давление и пила какие-то таблетки.

Однако состояние здоровья и повседневная тяжесть от четырёхчасового пути за рулём никак не сказывались на её оптимистическом настроении. Она всегда улыбалась и находи-

ла добрые слова для своих учеников.

Для Ирины миссис Саммерс была настоящей американской загадкой. По какой-то причине этот тяжёлый образ жизни поддерживала вся семья Джилл. Ужин готовил либо муж, либо одна из четырёх (!!!) её дочерей. А по выходным маме давали отсыпаться и занимались домашними делами без её участия.

Урок 4.

Будь готов к тому, что на чужой земле НИКТО не проявит к тебе внимания, сочувствия или понимания.

Глава 5. Дела семейные

Однажды Ирине показалось, что у неё заболел зуб. Она поделилась своими опасениями с Грэйс.

– Ну, ничего страшного в этом нет. У тебя есть медицинская страховка. Я запишу тебя на приём к стоматологу, – невозмутимо ответила Грэйс.

Упоминание о свидании с зубным врачом прозвучало для Ирины угрожающе – она боялась всего, что было связано с зубами. Однако деваться было некуда, тем более когда за дело взялась ответственная и непробиваемая Грэйс.

В назначенный день они с Грэйс отправились в Медфорд к уважаемому всей семьёй Джонсонов зубному доктору.

Здание бросилось Ирине в глаза ещё издали. Этаким до-

рогущий жилой коттедж, отделанный самыми высококачественными строительными материалами. Шоколадная плитка под гранит, крыша в стиле шале и затейливая архитектурная форма – красавец коттедж выделялся среди вереницы зданий на широкой прямой улице.

Увидев его, Ирина подумала: «Какое красивое дорогое здание! Интересно, что это?» И была крайне удивлена, когда Грэйс припарковалась на стоянке около коттеджа.

Вокруг здания был разбит идеальный газон, а у парадного входа красовались два огромных вазона с цветами.

Внезапно Ирина поймала себя на мысли, что дрожь, с которой она ехала все два часа в машине, куда-то пропала. Она больше не чувствовала, что идёт на врачебный приём. Ей казалось, что она попала в какое-то чудесное место, где приятно проведёт время.

По крайней мере, всё вокруг говорило ей именно об этом. Доктором оказался приятный высокий мужчина около пятидесяти. Он был полноват. На его макушке сквозь белые, как снег, волосы просвечивала лысина. В умных глазах светилась тихая улыбка; небольшие щетинистые усы, казалось, скрывали насмешку.

Почему-то он с первого взгляда вызвал у Ирины полное доверие. Повода для волнения у неё больше не осталось.

Доктор с нескрываемым любопытством смотрел на Ирину, одновременно слушая комментарии Грэйс.

– Ну что ж, проходите, – обратился он с улыбкой к Ирине

и распахнул перед ней дверь.

Из приёмной, которая ничем не напоминала больницу, Ирина неожиданно оказалась в зубо врачебном кабинете – белоснежные стены, медицинские шкафчики по углам, а в центре кабинета огромное раскладывающееся кресло.

Рядом с креслом стояла улыбающаяся медсестра.

– Смелее, – подбодрил доктор Ирину, – я лечу совсем немного. Правда, Бэт? – обратился он к молодой медсестре.

– Абсолютно! – с готовностью подтвердила медсестра.

Ирина уселась в кресло, невольно озираясь по сторонам.

А доктор вдруг начал вести непринужденную беседу о России.

– А где именно в России ты живёшь, Ирина? – начал он тоном закадычного друга.

К своему удивлению, Ирина почувствовала в словах мужчины живой интерес. Позабыв о цели визита, она начала подробно отвечать на его вопросы.

Тем временем медсестра разложила кресло, подготовила инструменты и стала объяснять, как будет проходить лечение.

Процедуру они осуществляли вдвоём: доктор лечил, а медсестра ловко осушала полость рта пациентки слюноотсосом. Обезболеваящее лекарство лишило Ирину чувствительности, и ей оставалось лишь спокойно наблюдать за точными движениями профессионально работающей пары.

Во время лечения доктор не прекратил вести с Ириной бе-

седу. Только теперь задавал вопросы, которые требовали от Ирины лишь кивка или отрицательного движения головой.

После того как доктор закончил и снял маску, он сказал:

– Ирина, возможно тебе придется заглянуть ко мне ещё пару раз. Надеюсь, ты не против?

Ирина замотала головой, уверенная, что её зубы в надёжных руках.

В приёмной доктор что-то подробно объяснял Грэйс, но так, чтобы Ирина не слышала.

В машине Грэйс передала девушке содержание их разговора.

– Ирина, доктору не понравились пломбы, которые у тебя стоят. Кроме того, он заметил несколько небольших дырок, которые нуждаются в лечении. Он оценил сумму твоей зубной страховки и предложил использовать её полностью: заменить русские пломбы и поставить пару новых. Я очень доверяю этому специалисту. Поэтому я думаю, что нужно согласиться.

– Хорошо, – кивнула Ирина.

Она тоже доверяла этому дяденьке, который походил скорее на доброго родственника, чем на строгого врача, и больше ничего не боялась.

Каждые две недели семья Джонсонов выезжала в Медфорд за покупками. Это было большое событие, так как из маленькой деревушки (Нет-нет! Что вы! Бьютт-Фолс – горо-

док!), которую можно было пройти пешком из одного конца в другой примерно за час, они выбирались в город с широкими дорогами, огромными торговыми центрами, множеством кафешек и красивых, по-настоящему «американских» домов.

Грэйс брала с собой длиннющий список продуктов, которые нужно было закупить, чтобы пополнить домашние запасы.

Поскольку доход семьи был небольшой, Грэйс расписывала расходы на целый месяц вперёд и никогда не отступала от запланированных трат. А в огромных продуктовых супермаркетах, полки которых ломились от товаров, можно было легко оставить целое состояние, поэтому список очень выручал.

Обычно женская половина семьи бегала с продуктовой тележкой из одного угла в другой в поисках строго определённых брендов и названий продуктов, при этом Грэйс не позволяла никому задерживаться у притягательных торговых витрин. А Керри в это время не спеша прогуливался перед входной зоной в супермаркет. Он не любил продуктовые магазины и старался избегать всего, что с ними связано. Видимо, Керри уже давно отдал эту сферу в полное распоряжение Грейс.

После покупки продуктов они шли в крупный торговый центр и обычно искали распродажи, чтобы недорого купить какие-нибудь вещи.

Согласно условиям программы, по которой Ирина приехала в Штаты, ей выдавали 100 долларов в месяц на личные расходы.

С первого дня в Америке Ирине стало ясно, что привезённый из России гардероб совершенно не подходит под здешние условия.

Ирина любила юбки, платья, классически связанные джемпера, здесь же все одевались проще: джинсы, футболки, толстовки, свитера, ботинки и кроссовки. Всего этого в 94-м году в России просто не было. Поэтому каждый раз, когда ей присылали стипендию, Ирина покупала для себя подходящие вещи. Грэйс и Керри не могли себе позволить тратить на неё семейный бюджет – у них и так всё было расписано до единого цента. Так что они лишь изредка покупали ей пару носков или дешёвую футболку на очередной распродаже. Но Ирина не обижалась, так как видела и понимала, как живёт семья. Не понимала она только одного: зачем они взяли студента по обмену, раз у них и самих было трудно с деньгами.

Ещё одним ярким событием выезда в Медфорд всегда становилось посещение какого-нибудь кафе. В Бьютт-Фолсе и сходить-то особо было некуда, да и Грэйс превосходно готовила – пусть и один раз в день – на ужин. Утром все завтракала сухими хлопьями с молоком, а на обед доедали остатки от вчерашнего ужина.

Когда семья оказывалась в городе, всем хотелось съесть чего-нибудь эдакого. Учитывая, что денег было немного, по-

ходы всегда ограничивались посещением фастфудов Тако Белл либо Макдоналдс. Но Тако Белл всем нравился больше. Это была сеть ресторанов быстрого питания мексиканской кухни. Там можно было отведать мексиканские тако или буррито.

Кукуруза, фасоль, авокадо, помидоры, говяжий фарш, сладкий соус чили и мягкий сыр – вот за что Ирина любила мексиканскую кухню. И не только она! Вся семья уплетала мексиканские тако за обе щёки.

Воскресенье было особым днём недели.

Вся семья наряжалась с особой тщательностью. Со стороны казалось, что они идут на праздник, потому что только в этот день женщины надевали платья и туфли, а Керри – свой единственный парадный костюм.

Нарядившись, все вместе торжественно шагали в протестантскую церковь.

К удивлению Ирины, здание церкви было маленьким и неброским. Понять, что это церковь, можно было лишь по небольшому деревянному кресту на его фасаде. В основном люди приходили туда семьями, с детьми, но из школы Ирина встречала там только одну девушку, и то – ровесницу Энджел.

Люди всегда приходили в церковь в приподнятом настроении, улыбались, шутили. После проповеди хором пели песни про Иисуса, забавно при этом пританцовывая на одном

месте. Прихожане явно подзаряжались, посещая это церковное мероприятие, но у Ирины сложилось впечатление, что их хорошее настроение было в первую очередь вызвано общением друг с другом. Здесь были люди, которые не пили, не курили, не сквернословили, а некоторые, так же как и семья Керри, не смотрели телевизор.

Ирине не очень нравились церковные мероприятия с песнями, но она с любопытством слушала проповеди и наблюдала за окружающими её людьми. Кроме того, в семье это была целая традиция, и ей нравилось, как все дружно готовились к походу в церковь и как после церкви приходили домой в особом расположении духа. Керри начинал беседовать о школе или же расспрашивал Ирину о России, на расслабленном лице Грэйс появлялась редкая улыбка, Энджел же выглядела абсолютно счастливой. Атмосфера в доме в этот день становилась заметно теплее.

Интересно, что о России в семье Джонсонов Ирину расспрашивал только Керри. Грэйс была полностью равнодушна к этой теме. Да и к Ирине, по правде говоря, она тоже была равнодушна.

Сначала это обижало девушку, но потом она поняла, что у Грэйс был непростой характер – замкнутая и строгая, она не всегда ладила даже с Энджел, чего уж можно было ожидать Ирине? Поэтому в какой-то момент Ирина смирилась и стала принимать ситуацию как есть.

Что касалось Энджел, то Ирина несколько бы не удиви-

лась, если бы та даже не смогла показать Россию на карте – настолько далека она была от других стран и континентов, довольствуясь ограниченными представлениями своего крохотного мира.

Когда в школе было объявлено про первую дискотеку, Энджел пришла в комнату Ирины с грустным лицом.

– Ирина, ты хотела бы пойти на школьную дискотеку? – спросила она.

– Конечно да! – ответила Ирина. – Это же интересно – сравнить дискотеку, к которой я привыкла дома, с местной.

– Тогда, может, ты попросишь Керри отпустить тебя? – с мольбой в глазах спросила Энджел.

– И ты правда веришь в успех? – Ирина вытаращила на неё удивлённые глаза.

Ей казалось, что эта тема давно исчерпана.

– Но ведь он разрешил тебе слушать твою кассету, – возразила ей Энджел.

Ирина в молчании уставилась на неё, не находя, что ответить.

Наконец, после затянувшейся паузы Ирина кивнула.

– Хорошо, я спрошу, мне нетрудно, но на положительный ответ я совсем не рассчитываю.

– Тогда иди прямо сейчас в гостиную. Он там один и в хорошем настроении. Вдруг нам повезёт? – В глазах Энджел затеплилась надежда.

Ирина со вздохом отправилась к Керри.

– Привет, – с улыбкой сказал ей американский папа. – Что-то хочешь спросить?

– Да, не спросить, а попросить, – начала с подступившим волнением Ирина. – Керри, у нас скоро будет в школе дискотека. Не мог бы ты разрешить мне сходить хотя бы один раз, чтобы сравнить, насколько она отличается от того, к чему я привыкла дома.

Керри как будто подменили. Улыбка тотчас сошла с его лица.

– Я уже не раз говорил тебе, что там абсолютно не на что смотреть! – в голосе обычно доброго Керри теперь звучали жёсткость и непреклонность. – Наркотики, разврат и алкоголь! Ни за что на свете я не пушу тебя на это дьявольское сборище! Кроме того, если бы я разрешил пойти тебе, то должен был бы разрешить и Энджел, а это абсолютно исключено! Прости Ирина, но я не могу тебе этого позволить!

Ирина не собиралась настаивать. Она и сама отлично понимала, что просить Керри о дискотеке значило просить его изменить своим принципам, а этого он сделать не мог. Поэтому она спокойно встала и пошла обратно к Энджел.

– Я же говорила, – сказала Ирина, пожав плечами.

– Очень, очень жаль, – огорчилась Энджел и вдруг заплакала.

– Ты чего? – испугалась Ирина.

Она никогда не видела вечно жизнерадостную Энджел в

слезах.

– Как я устала от всего этого! – говорила та, всхлипывая. – Постоянный контроль, ничего не разрешают. Даже поговорить не с кем. Я ведь тоже человек! У меня есть право на личную жизнь!

– Да, наверное, это нелегко, – попыталась утешить её Ирина. – На дискотеках бывает здорово. Но скажи, там что, действительно так опасно, как описывает Керри? Наркотики, там, и прочее.

Внезапно Энджел прекратила рыдать и подняла на Ирину прозрачные голубые глаза. Теперь вокруг них красовались разноцветные пятна поплывшей косметики.

– Я должна тебе кое-что рассказать, – в голосе Энджел сквозила несвойственная ей серьёзность.

– Да, – с готовностью откликнулась Ирина и приготовилась внимательно слушать.

– Только обещай, что ты ни за что на свете не расскажешь это Керри! Даже если он будет очень просить тебя об этом. Да вообще никому в Бьютт-Фолсе не расскажешь.

Ирине показалось, что Энджел выглядит теперь лет на десять старше – настолько изменились её взгляд и осанка.

– Обещаю! Не расскажу ни единой душе в Бьютт-Фолсе, – глядя американке в глаза, пообещала Ирина.

– Я влюбилась, – откровенно призналась Энджел. – Вернее влюбилась не сейчас, а уже давно. Мы встречаемся около полугода. Его зовут Майк. И он... Он живёт в том самом

диком районе, который Керри строго-настрого запретил тебе посещать. Майк... Он наркоман.

От неожиданности Ирина уронила стакан, который незадолго до этого взяла с тумбочки. Стакан с грохотом упал на пол, вдребезги разлетевшись на осколки. Но Ирина не бросилась лихорадочно убирать стекло – она отстранённо смотрела перед собой, пытаясь осознать то, что только что услышала.

– Наркоман? Да где же ты его нашла? – наконец спросила она с опешившим видом.

– Как где? В школе, разумеется! Я ведь больше никуда не хожу. Мы встретились с ним в прошлом семестре на уроке литературы. Он сначала мне улыбался, потом начал записки писать. И как-то всё незаметно закрутилось.

– Закрутилось? – Ирина недоумевала, она медленно опустилась на колени и стала осторожно собирать на листочек крупные стеклянные осколки. – Что ты этим хочешь сказать? Ведь ты же не встречаешься с ним? Иначе бы Керри с тебя три шкуры спустил!

– Встречаюсь. Папа не знает, – почти шёпотом произнесла Энджел.

Ирина застыла с очередным осколком в руке.

– Но как это возможно? – медленно произнесла она вслух. – Ты же всё время на виду!

– Мы встречаемся по ночам. – Энджел опустила глаза.

– Что??? – Ирина не поверила своим ушам.

Осколки перестали её интересовать. Она швырнула тот, что держала в руках, в сторону и выпрямилась.

– Да, – снова начала всхлипывать Энджел. – У меня же окно очень низко. Я открываю его и спокойно вылезая на улицу. Он ждёт меня под окном, а потом везёт на своём байке к себе.

– К себе? – Тут мозг Ирины вообще перестал соображать – будто уровень кипения превысил допустимый порог.

Вот уже два месяца все вокруг говорили ей о строгой пуританской морали Джонсонов, о правильно воспитанных ими детях, о высоких идеалах, так редко встречающихся в американских семьях, о том, какая чудесная дочь Энджел, и много о чём ещё в подобном ключе. И вот теперь весь этот выстроенный в воображении Ирины мир обрушился, как гигант на подкосившихся тоненьких ножках.

Прекрасная дочь, посещающая церковь, слушающая проповеди о добродетели и распеваящая во весь голос песни об Иисусе, оказалась лицемерной лгуньей, обманывающей отца, который по-своему очень её любил.

Но и этого мало, она убегала по ночам, и было очевидно, что влюблённые встречались не для того, чтобы беседы беседовать...

Всё это было слишком вразрез с тем, к чему Ирина привыкла за эти два месяца, во что искренне поверила и на что стала опираться здесь, в чужом ей мире. Теперь она чувствовала себя так, будто кто-то резко и безжалостно выбил опору

из-под её ног и она вдруг очутилась одна в пустоте – беспомощная и жалкая.

Ирина была не в силах представить, что смогла бы ежедневно обманывать своих близких, да ещё и так долго.

Энджел что-то рассказывала о Майке – какой он внимательный, симпатичный, заботливый, но Ирине было совсем не интересно, скорее даже противно слушать подробности истории, которая разрушала её лишь недавно построенный мир.

Ирине стало ясно, что она не могла больше верить ни единому слову Энджел: слишком уж просто давалась той ложь близким ей людям.

Во всём рассказе американки не прозвучало ни единого слова сожаления о том, что она не может поделиться своими чувствами с отцом, о том, что ей приходится лгать.

Всё, о чём она сожалела, – было то, что она не может беспрепятственно встречаться с наркоманом посреди бела дня и танцевать с ним на школьной дискотеке.

Ирина поспешила найти предлог, чтобы поскорее выйти на улицу.

Ей хотелось на воздух.

Семья, которую она, по крайней мере, считала высоко нравственной, хотя и со странностями, оказалась жалкой иллюзией, лишённой всякой морали.

На улице Ирина с жадностью вдыхала чистый горный воздух и с благодарностью провожала солнце, которое быстро

опускалось за голубые вершины гор Орегона.

И вновь с остротой вонзённого в сердце кинжала она почувствовала своё одиночество: не с кем было делить свои настоящие мысли, не с кем было растворить эту боль холодно-сти и отчуждения, которую она ощущала здесь постоянно, но которая иногда затихала на фоне загруженности учёбой, изучения языка или же смягчалась, когда она время от времени разговаривала с Керри.

Керри... Её вдруг пронзила острая мысль о том, что она больше никогда не сможет чувствовать теплоту и душевную близость с ним. Ведь теперь она должна будет хранить в своей душе чужую грязную ложь.

Вновь и вновь к Ирине возвращалась мысль, что ей нечего делать в Америке целый год. Впервые эта мысль родилась в её голове, когда она увидела свою комнатёнку в семье Джонсонов. Тогда она боролась с сильным искушением тут же позвонить координатору программы и попросить отправить её домой. Но тогда её остановили мысли о маме, о том, как она будет переживать этот побег дочери от трудностей, и Ирина пересилила захватившее её желание, заставила себя собраться, быть смелой и найти то положительное, ради которого стоило бы остаться. И одним из положительных моментов, за который она уцепилась, как цепляется утопающий за спасательный круг, была принимающая семья. Её остановили добрые, хорошие люди, которых не хотелось обижать и которые были достойны всякого уважения.

И вот теперь удар был нанесён по главной Ирениной ценности всего американского опыта.

«Что теперь делать?» – спрашивала она себя и не находила ответа.

В деревушке быстро темнело, как обычно происходит в горах.

И незаметно Ирина оказалась одна в крошечной темноте.

«И вот в такой темноте, под покровом ночи, Энджел сдвигает вверх своё окно и бежит к байку, который уносит её подальше от чрезмерно строгого отца, – думала Ирина. – Эх ты, дурочка, не понимаешь, какой у тебя прекрасный, заботливый отец! Он пытается уберечь тебя от зла, от глупых ошибок, которые могут сломать твою жизнь. А ты бежишь от него, того, кто всей душой стремится к идеалу, бежишь к другому – тому, кто смеётся над всем духовным, кто и книжки-то ни одной не прочитал в своей жизни и кто уже сделал выбор, сказав наркотикам «да». Что же ты делаешь, Энджел? Как же горько ты будешь плакать после... Как же горько...»

Ветер обдувал слёзы, катившиеся градом по щекам Ирины.

Ей вспомнился её собственный отец. Большой, сильный, надёжный. Она доверяла ему абсолютно во всём. Даже когда он тактично пытался вмешаться во что-то очень личное для неё. Каждое сказанное им слово Ирина бережно хранила в своём сердце – обдумывала, пересматривала своё отношение к миру, и уж ни за что на свете она не смогла бы предать

своего отца – самого родного человека. Ни за что!

Судьба оказалась жестока. Незадолго до отъезда Ирины отцу стало плохо. Его отвезли в больницу, сделали операцию, но по глупой врачебной ошибке отец впал в кому, из которой уже не вышел...

В Америку Ирину провожала мама с одиннадцатилетним братишкой.

Пришла пора возвращаться.

Ирина нехотя зашагала к ставшему ненавистным дому, который теперь вызывал в ней только отвращение и тоску. Будь её воля, она тотчас бы покинула его без раздумий и сожаления.

Урок 5.

Нет ничего хуже лжи.

Глава 6. Чудеса случаются

Ирина почти перестала разговаривать с домашними. Отшучивалась, отделивалась односложными ответами, открещивалась большим количеством домашних заданий, улыбалась натянутой улыбкой и ускользала в свою комнатушку.

По мере отчуждения с принимающей семьёй её отношения с Джилл становились всё ближе и откровеннее.

Миссис Саммерс была очень умной женщиной и понимала то важное, что Ирина не хотела, а временами и не мог-

ла, в силу недостаточного владения английским, ей рассказать. Она навела справки о принимающей семье Джонсонов и примерно представляла, из чего складывалась ежедневная жизнь Ирины. Ей было откровенно жаль маленькую яркую звёздочку, которая волей слепого случая попала в богом забытую глушь развитой Америки. В силу своей глубокой доброты и сердечности и будучи многодетной мамой, Джилл не могла пройти мимо чужого страдания и вопиющей несправедливости.

И вот однажды она попросила Ирину задержаться после уроков и начала неожиданный разговор.

– Ирина, скажи, тебя устраивает твоя принимающая семья?

Ирина напряглась. Она не знала, зачем учительница начала интересоваться её семьёй, но понимала, что при всём желании не может рассказать ей всей правды.

– Да, они – очень хорошие люди и относятся ко мне хорошо. – Ирина невольно опустила глаза.

Это не ускользнуло от внимательного взгляда Джилл.

– Хорошо-то хорошо. Но разве тебе удаётся жить полной жизнью в семье Джонсонов? Полной жизнью обычного американского подростка? Разве они не требуют от тебя выполнения строгих правил?

– Правил? Да, правила у них есть. Но что с этим поделаешь? Я разговаривала с координатором программы – та сказала, что семьи бывают разные, и когда ты приезжаешь в

принимаящую семью, то должна принимать их стиль жизни целиком.

Ирина вспомнила свой разговор с Элисон Бретт.

– Ирина, – строго говорила координатор, – у тебя прекрасная семья. Посмотри, какие у них замечательные взаимоотношения, как они хорошо относятся к тебе. Видно, что ты им не безразлична. Поверь, не в каждой семье такое отношение к студенту по обмену. И потом, я не могу вечно искать семьи и перевозить студентов с места на место. У всех людей есть недостатки. Часть вашего опыта и заключается в том, чтобы научиться строить отношения с принимающей семьёй, научиться ладить с ними.

Потом перед глазами Ирины возник Зиновий.

Этим странным именем звали русского парня из Подмосковья. Он был единственным студентом по обмену из России, который тоже оказался в южном Орегоне. За полтора месяца пребывания в Штатах он сменил целых три принимающие семьи. И миссис Бретт попросила Ирину встретиться с ним, чтобы «промыть мозги».

– Если Зиновий не переменит своего отношения к принимающей семье на этот раз, он полетит домой. Пожалуйста, постарайся донести до него эту мысль, – попросила Элисон Ирину.

Зиновий был немного странным, щупленьким на вид, совсем не симпатичным пареньком, лицо которого было неприятно усыпано угрями. Жирные, давно нестриженные

волосы настойчиво требовали шампуня. На ногах парня почему-то до сих пор красовались сандалии советского пошива. Весь его внешний вид вызвал отвращение Ирины с первых секунд их встречи.

– Привет, – улыбнулся Зиновий Ирине. – Ну, и как тебе эта вылизанная, глянцевая страна? – В глазах парня читалась насмешка.

Странно, но он был абсолютно уверен в том, что Ирина придерживается именно его, нелестного мнения об Америке, даже не удосужившись поинтересоваться её точкой зрения. Это вызвало у девушки раздражение.

– Хорошая страна, – как можно спокойнее ответила Ирина. – А ты почему до сих пор кроссовки не купил?

– Специально! Пусть видят, что меня не купить их дешёвыми тряпками, – с гордостью заявил Зиновий.

Ирину передёрнуло.

– А ты думаешь, здесь кому-то есть дело до твоих мыслей по поводу Америки? – Этот самоуверенный, глупый выскочка начинал её бесить.

Она поняла, почему за полтора месяца он успел с треском вылететь из трёх американских семей.

– Конечно есть, – невозмутимо ответил Зиновий, – моей американской семье, например. Они достали уже со своими правилами. Я вот не привык принимать душ каждый день и не собираюсь. Пусть требуют, сколько хотят. – Он победоносно посмотрел на Ирину.

– А что ты имеешь против душа? Разве это не приятная процедура? – удивилась Ирина.

– Да плевать, что приятная. Они должны понимать, что у меня есть своё мнение и я не собираюсь подстраиваться под их глупые правила.

– Не поняла – почему глупые? – спросила Ирина.

– Разве ты не видишь, что американцы глупые? Терпеть не могу их детей – просто дебилы. Не знают НИЧЕГО. Но при этом считают, что они – короли мира. Да меня тошнит от их куриного самолюбия! Разве ты со мной не согласна?

Зиновия словно прорвало, в глазах мелькнула не то злость, не то презрение. Было видно, что он давно хотел высказать эту мысль вслух, но не находил подходящие уши.

Ирина смотрела в его глаза, в которых светилось одно – «другой правды быть не может», и думала: «Ты приехал в их мир. Они гостеприимно приняли тебя, разделили с тобой кров, а теперь ты раздаёшь им ярлыки? И это твоя благодарность?»

Однако Ирина понимала, что как бы она ни пыталась что-либо втолковать этому узколобому зазнайке, у неё не получится.

– Послушай, люди бывают разные, – попыталась она прорваться сквозь возведённые им линии обороны. – И ты, я уверена, не можешь сделать стопроцентные выводы за две недели пребывания в семье. Но скажи, если ты такой умный: почему у тебя не получается наладить отношения ни с одной

семьей? Ведь с помощью ума это сделать было бы нетрудно.

– А не хочу, – вызывающе сказал Зиновий.

– То есть если тебя выгонит и четвёртая семья, ты готов обратиться восвояси? – не поверила Ирина.

– Меня этим не испугать! – торжествующе ответил Зиновий.

Ирина поняла, что дальнейшие разговоры бесполезны – человек уже сделал выбор. А потому она поспешно свернула беседу, а потом сказала Элисон, что Зиновий безнадежен.

– Жаль, – вздохнула миссис Бретт, – я надеялась, что он одумается. Это его последняя семья. Если они выгонят его, он полетит домой. Плохо, что он не ценит того, что ему предлагает жизнь.

– А кто у тебя координатор?

Слова Джилл вывели Ирину из задумчивости.

– Миссис Бретт, Элисон Бретт.

– Элисон? Да это же моя давняя подруга! Вот это удача! Хорошо, я поговорю с Элисон, объясню ей, что к чему. Ирина, я давно наблюдаю за твоей учёбой. Дело в том, что я думаю, ты не получаешь в Америке опыта, за которым приехала. Ты – очень умная девочка, и школа Бьютт-Фолса слишком мала для тебя. Здесь тебе не хватает ни глубины программы, ни количества предметов. Вдобавок тебе попалась семья, которая и шага не даёт ступить. Подумать только – у тебя нет возможности даже с американским телевидением

познакомиться. Я уже не говорю про дискотеки. Я считаю, что это неправильно.

– Но тогда им пришлось бы разрешить посещать дискотеки и Энджел, – возразила Ирина вслух, однако внутри почувствовала себя попугаем, повторяющим чужую фразу.

– Да, да, я слышала об этом. Энджел не раз жаловалась мне, что не может приходить на школьные дискотеки. Но это её родная семья, она обязана им подчиниться, а ты преодолела половину земного шара, а теперь вынуждена сидеть дома и изучать Америку по книгам. Согласись, это можно было сделать и в России! – Джилл участливо смотрела на Ирину.

– Да, наверное, вы правы, – робко сказала Ирина, однако глаза её засияли.

Впервые за всё пребывание в Америке она осмелилась взглянуть правде в глаза. Вернее, ей помогли назвать вещи своими именами. И от этого она почувствовала необъяснимую радость, будто оказалась на свободе после долгого плена.

– Конечно права, – засмеялась миссис Саммерс. – Ладно, беги домой. Я поговорю с Элисон, и мы что-нибудь придумаем.

Ирина летела домой как на крыльях.

Наконец-то она обрела хоть какую-то надежду на перемены! У неё появился один взрослый защитник, вернее защитница, которая поняла, в каких условиях Ирина живёт. Никому из своих друзей и родственников Ирина никогда бы не ре-

шилась пожаловаться, да и кто смог бы понять её ситуацию? Вряд ли это было бы возможным. Но Джилл оказалась очень внимательной женщиной, умеющей глубоко проникать в чужое сердце.

Ирина была на седьмом небе. Она снова смеялась, откликаясь на шутки Керри, снова беспричинно улыбалась, как будто с её плеч упал огромный, никому невидимый груз.

Керри, который уже начал было волноваться, вздохнул с облегчением.

Прошло несколько дней.

Как-то после школы Ирина была в доме одна: Энджел задержалась на занятиях, а Грэйс ещё не пришла с работы.

Позвонил телефон. Ирина взяла трубку.

– Алло, Ирина? – раздался в трубке знакомый голос Элисон. – Слава богу, ты взяла трубку. Ты одна в доме?

– Да, – удивлённо ответила Ирина.

Обычно миссис Бретт звонила вечером и разговаривала с Керри.

– Скажи, это правда, что тебе не разрешают ходить на школьные дискотеки? – спросила Элисон.

– Да, правда.

– Тогда быстренько собирай вещи, я заеду за тобой через 20 минут. – Элисон будто заторопилась.

– То есть как это «собирай вещи»? – не поняла Ирина. – Совсем?

– Да, ты переезжаешь, – как ни в чём не бывало ответила миссис Бретт.

– Но как же моя принимающая семья? Их ведь нет дома? – недоумевала Ирина, представив себе на секунду, какой переполох поднимется в доме.

– За семью не переживай – это моё дело. Они не имеют права лишать тебя опыта жизни среднестатистического американского подростка. Скорее собирайся, обсудим всё позже, – голос Элисон звучал твёрдо и уверенно.

Ирина стремглав побежала в свою комнату. Она понимала, что таким образом избежит многих объяснений и тяжёлых переживаний. Энджел могла прийти с минуты на минуту, поэтому Ирина быстро достала чемодан, наскоро побросала туда немногочисленные вещи, и уже через 15 минут её комнатёнка стояла пустой, будто никто и не жил в ней целых три месяца.

Она ещё раз оглядела все углы – не забыла ли чего – и почти вприпрыжку помчалась к входной двери.

Элисон уже стояла на пороге.

– Готова? Молодец! Поехали. – Лицо Элисон было сосредоточенным.

Они молниеносно закинули чемодан в багажник, будто какие-то воры, убегаящие с места преступления, а потом автомобиль резко сорвался с места.

Уже через минуту Элисон свернула на шоссе, ведущее к Медфорду, и Ирина навсегда покинула Бьютт-Фолс – испа-

рилась, будто там её никогда и не было.

Она сидела в машине не шелохнувшись, не в силах сказать ни слова – ей казалось, что всё происходит во сне. Она ничего не понимала, да и не хотела понимать. В её сознании крутилось только одно слово – «СВОБОДА!».

Миссис Бретт посмотрела на свою пассажирку и захохотала:

– Вот это мы дали газу! Прямо как в кино! И ты-то так быстро вещи собрала – я на такую скорость не рассчитывала! Думала, всё равно придётся столкнуться с кем-нибудь из семьи. Но теперь всё хорошо. Всегда лучше объясняться по телефону – меньше скандалов.

Глядя на заразительный хохот Элисон, Ирина тоже весело рассмеялась.

Однако после приступа смеха Ирина неожиданно ощутила укол лёгкого беспокойства.

– Может, объясните, что происходит, – нерешительно попросила она координатора.

– Со мной говорила Джилл Саммерс. – Элисон стала серьёзной. – Она рассказала мне, как ты учишься и какие условия у тебя в семье. – Элисон замолчала, будто сосредоточившись на очередном повороте горного шоссе, а потом продолжила: – Я знаю Джилл много лет. Она не будет просить за кого-нибудь просто так. Если просит, у неё есть для этого веские основания. По требованиям программы семья обязана обеспечить тебе посещение школьных мероприятий. А

дискотека – это мероприятие. И это законное основание для меня отказать семье в приёме студента по обмену, в данном случае – в приёме тебя. Когда я приняла решение увезти тебя от Джонсонов, то обратилась за помощью к Джилл – она рассказала мне, в какой день ты приходишь домой раньше Энджел. Мне только оставалось подъехать в Бьютт-Фолс в нужное время.

Элисон замолчала.

– А куда мы едем? – словно опомнившись, с испугом спросила Ирина.

– Пока едем ко мне. Ты, главное, не переживай. Переезды из семьи в семью хоть и нечасто, но всё же случаются. Пока поживёшь у меня, а я постараюсь найти тебе другую семью. Только должна тебя предупредить – у меня уже живёт студент по обмену из Великобритании. Его зовут Гарри. Он твой ровесник.

Ирина вспомнила последнюю встречу студентов по обмену, которую организовывала Элисон.

Со дня прибытия Ирины в Америку их было две. Гарри был только на первой, но успел произвести на неё глубокое впечатление.

Это был высокий красивый парень, который с первой минуты повёл себя так, будто является членом королевской семьи и считает ниже своего достоинства общаться с плебеями из других стран. В отличие от других студентов по обмену, за которых отвечала Элисон, Гарри был единственным, кто

говорил на безупречном английском, ведь он прибыл из самой Великобритании! А это, как известно, колыбель аристократического английского языка! Где уж тут американскому английскому сравниться с британским – упрощённый, исковерканный, да вдобавок разбавленный сленгом. А если язык проще, то и мозги должны быть слабее. Очевидность данного факта Гарри показывал всем своим видом. Ему только высокого цилиндра не хватало для завершения образа.

И вот с этим парнем, возомнившим себя английским лордом, Ирине предстояло какое-то время пожить под одной крышей.

Радость от освобождения из ловушки стала тихо улетучиваться.

– Вижу, тебя не очень обрадовала новость о Гарри, – прочитала её мысли миссис Бретт. – Да я ведь не в друзья тебе его предлагаю. Думаю, уже завтра смогу определиться с семьёй. Есть у меня одна на примете.

Ирина с облегчением вздохнула.

Компания Гарри устраивала её меньше всего. Рядом с ним хотелось просто умереть от сознания собственной ничтожности, а этого чувства Ирине точно хотелось бы избежать.

Миссис Бретт перевела разговор на достопримечательности Орегона, богатую природу, рассказывала какие-то истории из своей жизни – она была отличным собеседником.

Однако надо сказать, что эта женщина вызывала у Ирины двойственное впечатление. Элисон Бретт была женщи-

ной около пятидесяти, невысокого роста, с нестандартной, непропорциональной фигурой: узкие плечи неожиданно переходили в высокую грудь, а потом в круглый, выступающий живот, а крупные бёдра вдруг заканчивались очень стройными худенькими ногами. Из-за этого издалека миссис Бретт напоминала большой шар, ходячий на непомерно худых ножках. У неё была густая шевелюра седых вьющихся волос. Она совсем не красилась. И в дополнение ко всему вместо белозубой американской улыбки, к которой Ирина уже попривыкла в этой стране, у миссис Бретт было 32 вставных зуба – явление, которое Ирина видела здесь впервые.

– Ты, наверное, недоумеваешь, откуда у меня вставные зубы? – неожиданно спросила Элисон.

Ирина покраснела. Она никогда бы не решилась задать этот вопрос напрямую.

Миссис Бретт опять засмеялась.

Характер этой женщины совсем не соответствовал её возрасту – она очень много смеялась.

– Да ты не стесняйся так. Это всем интересно. Так уж устроены люди. И здесь нет никакого секрета. В 18 лет я попала в автомобильную катастрофу. Я была за рулём непристёгнутая, и это обстоятельство спасло меня от смерти – я вылетела из лобового окна, пролетела несколько метров, упала на асфальт, сломав несколько рёбер и лишившись абсолютно всех зубов. Но зато я осталась жива. Позже мне пришлось перенести несколько операций: мне пытались выпра-

вить грудную клетку и сместившиеся челюсти. Это был тяжёлый период моей жизни. Но он многому меня научил. Научил жить своим умом, не полагаясь на общепринятые нормы. Меня спасло то, что я была не пристёгнута, а по закону каждый сидящий в автомобиле должен пристёгиваться. С тех пор я не соблюдаю закон, который мог бы лишить меня жизни.

Элисон рассказала трагическую историю своей жизни на одном дыхании, будто говорила о чём-то незначительном, мелком, не стоившем внимания. Она явно не требовала к себе никакого сострадания. Это озадачило Ирину. И только позже она нашла разгадку такому поведению Элисон: американцы не любят горевать, не в их характере тащить на себе бремя несчастий через всю свою жизнь; они не признают жалости к себе и никогда не жалеют других. Дух оптимизма знаком этой нации гораздо больше, чем русским.

Ирина только теперь заметила, что миссис Бретт и впрямь сидела за рулём без ремня.

– Но это же невозможно, – вырвалось у Ирины, – вас же оштрафуют!

Смех Элисон снова затопил салон автомобиля.

– Девочка моя, когда тебе грозит смерть, не время думать о штрафах. Теперь я верю, что если со мной что-то случится на дороге, то шансов у меня больше, если я буду оставаться без ремня. Да, и, кстати, ты заметила, что я всё время смеюсь? – Она подмигнула. – Это тоже результат той аварии. Я

стала по-другому относиться к жизни, жизнь вдруг развернулась ко мне своей светлой стороной, и я стала находить уйму поводов для смеха. Так-то вот...

Она замолчала.

На какое-то мгновение её лицо переполнилось грустью и болью пережитой трагедии.

Но только на мгновение – она снова взяла себя в руки и приняла прежний жизнерадостный вид.

Ирина чувствовала, что перед её глазами на миг открылась настоящая душа Элисон, в которой навсегда запечатлелся след той злополучной аварии, жестоко изменившей жизнь юной девушки.

Теперь Ирина понимала, почему у неё такая смешная фигура и такой странный темперамент, – страшная авария оставила шрамы как на теле, так и в душе этой мужественной женщины.

За разговорами они незаметно въехали в Медфорд. Теперь Ирина смотрела на город совсем иначе. Её больше не интересовали ни местные торговые центры, ни кафе – она приехала сюда жить, учиться в новой школе, найти интересных людей. Поэтому теперь Медфорд казался Ирине настоящим американским раем.

А когда они подъехали к дому Элисон, ей и вовсе почудилось, что она попала в волшебное королевство – перед ними возвышался великолепный двухэтажный коттедж с причудливыми выступами и высокими арочными окнами. По

обе стороны от парадной лестницы, благородно выступающей белым полукругом, росли огромные раскидистые ели.

– Ух ты, – не сдержалась Ирина.

– Да уж, совсем тебе не Бьютт-Фолс, – согласилась миссис Бретт. – Добро пожаловать в нашу крепость! Чувствуй себя как дома.

Дом был старый, но какой-то величественный и необычайно красивый.

Внутри Ирину особенно поразил большой камин, отделанный мрамором, и полукруглая лестница, ведущая на второй этаж. Всё было подобрано со вкусом, будто какой-то мастер подгонял один к другому материалы, фактуру, цвета – весь дом был как один оркестр, играющий монументальный концерт известного композитора.

А впрочем, это было лишь впечатление русской девочки, которая никогда не бывала в подобных домах.

Не успели они переступить порог, как посыпались многочисленные звонки.

Звонила семья Джонсонов.

Что именно они говорили, Ирине услышать не удалось – желая уберечь девушку от ненужных эмоций, Элисон унесла телефон в дальнюю комнату и плотно закрыла дверь.

Ирина лишь слышала, что телефонный звонок раздавался несколько раз.

Гарри вышел из своей комнаты только к ужину. Он вёл

себя так, будто ничего необычного не приключилось. Одарив Ирину едва заметным кивком, он подошёл к Элисон и начал что-то живо рассказывать о школе. Его непринуждённость, раскованность и откровенность с Элисон наглядно демонстрировали полное безразличие к присутствию в столовой третьего лица.

В другой ситуации Ирина стусевалась бы, почувствовала себя глупо и нелепо, теперь же она смотрела на Гарри отстранённо и даже с некоторым любопытством, оценивая, насколько далеко в своей гордыне тот сможет зайти.

Ужинали втроём. Муж Элисон был в отъезде. Кухня-столовая представляла собой светлый просторный зал: два больших, почти в пол окна, каменный пол и специальная каменная ниша, куда были встроены плита с вытяжкой. Посередине помещения стоял большой обеденный стол, за которым с лёгкостью помещалось шесть-восемь человек. Ирина чувствовала себя как во дворце.

За ужином миссис Бретт сказала:

– Всё хорошо, моя милая. Всё идёт по плану. Я сказала им про дискотеки. Они и слышать о них не желают. В этом случае препятствий у меня нет. Единственное – они попросили ещё раз встретиться с тобой. Они не верят, что ты сама согласилась на переезд. Как думаешь, сможешь с ними встретиться?

Элисон устремила на Ирину вопросительный взгляд.

Ирину захлестнули смешанные чувства.

С одной стороны, она была благодарна Джонсонам за то гостеприимство, которое они ей оказали, с другой же – боялась лицом к лицу встретиться с напором убеждений в три голоса о том, что ей нужно вернуться.

Ирина колебалась. После некоторого раздумья она всё же нашла в себе мужество и сказала:

– Да, я встречусь с ними ещё раз. Я должна поблагодарить их за всё, что они для меня сделали.

– Я так и знала, – довольным тоном сказала Элисон. – Джилл не зря выбрала тебя. Она всегда видит людей насквозь. Хорошо, тогда завтра часов в пять встретимся с ними где-нибудь в кафе. Я не допущу, чтобы ты опять поехала в Бьютт-Фолс. Хотят – пусть приезжают сами. Да, кстати, о школе. Теперь ты пойдёшь в новую большую школу Медфорда. В ней учатся около полутора тысяч человек. И среди них все мои студенты по обмену, которых ты уже знаешь. И конечно, Гарри. – Элисон одарила парня почти материнской улыбкой.

Гарри расплылся в ответной улыбке и что-то хмыкнул, видимо, принимая слова Элисон за комплимент, но Ирине было не до него.

«Новая школа! Ура! – пронеслось в её голове. – Наконец-то!»

Она почувствовала себя на пороге нового мира, который ласково открывал свои объятия. Ирине очень хотелось верить в то, что теперь жизнь её станет абсолютно безоблач-

ной, что всё получится и что впереди её ждут необыкновенные встречи.

На память пришли лица других студентов по обмену.

Да, она познакомилась с ними на организованных Элисон мероприятиях, но на самом деле это было шапочное знакомство. Все они учились в одной школе и потому держались большой дружной компанией, весело шутили, обменивались репликами, обсуждали общие школьные события, а она чувствовала себя лишней на их празднике жизни.

Белен тоже не принадлежала этой компании, однако в силу своей общительности быстро нашла с ними общий язык, отчего Ирина расстроилась вдвойне.

Во время последней встречи Ирина почти всё время провела, беседуя с одним американцем, который оказался принимающим отцом в семье польки. Он очень интересовался Россией, и для Ирины это был повод уйти от любопытных взглядов успевших подружиться сверстников.

Следующее утро прошло в приятных хлопотах по оформлению в новую школу. Ирина заполняла необходимые документы, выбирала предметы, знакомилась с основными учителями.

Сама школа показалась ей огромным живым городом, в котором жизнь кипела через край.

Оказалось, что здесь можно было выбрать специализацию: бизнес, гуманитарные науки, искусство. Это обрадова-

ло Ирину вдвойне: теперь она сможет пройти бизнес-специализацию, а значит, и в институте сдать экзамены за первый курс ей будет легче.

Новая школа, новые знакомства, новые предметы – весь этот дух нового кружил ей голову, и она чувствовала, что словно влетает в распахнутые настежь ворота заново начинающейся истории. И в этом окрылённом состоянии, опьянённая внезапно свалившимся на её голову счастьем – уже зачисленная в школу(!), – она вернулась в дом Элисон.

– Да, вот это тебя распирает! – заметила её состояние миссис Бретт. – Надо было давно тебя увезти из этой глуши. Прости, что не сделала этого раньше.

– Ничего, главное – теперь я буду учиться в отличной школе! – сияла Ирина.

– Да, конечно, но не забудь, что сегодня мы едем встречаться с твоей бывшей семьёй. Нужно будет поставить точку в этом деле. Ты готова?

Ирина уже давно забыла про Бьютт-Фолс. Ей не верилось, что ещё два дня назад она жила там в семье, ходила в местную школу. Её сознание просто мгновенно переключилось на новую волну, и теперь ей было странно вспоминать о принимающей семье – назад дороги уже не было. Что-то внутри неё уже закрыло дверь в прошлое. Но Элисон была права – точку действительно нужно было поставить.

– Не могу сказать, что я жажду этой встречи, но так будет правильно, – кивнула Ирина.

– У нас есть ещё пара часов, так что можешь пока отдохнуть, – сказала в ответ Элисон.

Ирина закрылась в комнате, которую Элисон выделила ей в своём замке, и упала на мягкое покрывало. Ей нужно было набраться сил.

Она лежала, глядя на бирюзовые стены и слушая шелест листьев из приоткрытого окна.

Комната располагалась на втором этаже и выходила окнами на задний двор. Почти вплотную с этой стороны дома рос огромный клён. Резные золочёные листья волновались на ветру, тихо перешёптываясь друг с другом.

На какой-то миг Ирина задремала, а когда открыла глаза, пришло время собираться.

И вот они вместе с миссис Бретт уже ехали на место встречи.

– Ирина, предупреждаю тебя, что эмоции у них могут быть разные, – настраивала девушку Элисон, – не поддавайся! Стой твёрдо на своей позиции. Не разрешаете ходить на дискотеки – я переезжаю. Они будут убеждать тебя вернуться, будут приводить массу доводов: что дискотеки тебе не нужны, что цепляться за них – большая глупость. Стой на своём! Сейчас не время определять ценность дискотек в жизни девушки. Нам главное – переехать на полном основании, которое даёт тебе программа. Ты поняла? – Лицо Элисон было серьёзным и сосредоточенным.

– Да. Да, я и не хочу возвращаться ни при каких условиях.

Теперь я уже видела новую школу! – Ирина улыбнулась.

– Ну и хорошо, – засмеялась Элисон. – Вот мы и прибыли.

Джонсоны приехали на встречу вчетвером, захватив по дороге ещё и Кейт, – один этот факт заставил Ирину насторожиться. Они явно не понимали всей серьёзности случившегося; они думали, что произошло какое-то недоразумение, которое будет скоро улажено, и их русская гостья вернётся, как заблудшая овца, обратно в их уютный домик.

Керри мягко улыбался Ирине, всем видом показывая, что совсем на неё не сердится. На лице Грэйс застыло каменное выражение, по которому Ирина заключила, что от неё пощады не будет. Энджел поздоровалась с Ириной так, будто между ними никогда и не было никаких откровений – в её голосе Ирина прочитала лёгкое отчуждение, будто Энджел даже радовалась тому, что Ирина внезапно покинула их дом. И только на лице Кейт было привычное выражение – равнодушия и лёгкого любопытства.

Когда все расселись вокруг стола и заказали каждый по напитку, лицо Керри приняло официальный вид. Он развернулся в сторону Элисон и очень уверенно начал свою речь. Было видно, что они с Грэйс заранее обсудили, как и что будут говорить.

Обращаясь к Элисон, Керри пытался обвинить её в том, что та сбила Ирину с толку: внушила что-то, чего в действительности Ирина не хотела. В его голосе слышались нотки

гнева, который он, казалось, изо всех сил старался сдерживать.

Элисон приняла удар на себя. Она слушала спокойно, не перебивая, глядя собеседнику в глаза. Когда Керри закончил, миссис Бретт не стала ни оправдываться, ни спорить. Спокойным, уверенным тоном она обстоятельно привела аргументы и твёрдо заявила о том, что Ирина остаётся в Медфорде.

На лицах обоих супругов появилась некоторая растерянность. Они явно не были готовы к такому решительному отпору координатора.

Пока Керри в недоумении смотрел на Элисон, думая, что ей ответить, к игре подключилась Грэйс. Она не стала притворяться и сдерживать накопившееся возмущение, а прямо набросилась на Ирину, обвиняя её на чём свет стоит.

Казалось, праведный гнев Грэйс должен был снести девушку с ног. Но Ирина с удивлением обнаружила, что взбуряющие эмоции женщины не долетают до неё, словно она окружена прочной, непроницаемой стеной, – все претензии, возражения и обвинения американки звучали будто из далёкого прошлого, к которому Ирина уже не имела отношения.

Она подождала, пока Грэйс прервёт поток излияний, а потом вежливо поблагодарила семью за всё, что они для неё сделали, и сказала, что будет помнить о них всегда.

От удивления глаза Керри округлились, а движения замедлились. Для него это был настоящий удар в спину – он

считал, что они с Ириной стали друзьями.

Минуту он раздумывал, как поступить, а потом обратился с просьбой к Грэйс.

– Давай разрешим ей посещать дискотеки. Это не такое уж большое отступление от наших правил.

Сердце Ирины на мгновение перестало биться.

Теперь всё зависело от решения Грэйс. Если она скажет «да», то все надежды, которые Ирина уже поселила в своём сознании, рухнут и ей придётся возвращаться в ненавистную каморку.

Опасность подступила к девушке вплотную, тело её напряглось, будто готовясь к отражению внезапной атаки.

Спокойствие Ирины улетучилось как не бывало. Все обвинительные слова, которые Грэйс ещё несколько минут назад бессильно бросала, словно пушечные ядра, не достигавшие цели, теперь обрели новую силу и стали прорывать заметно дрогнувшую оборону Ирины.

«Только бы она не согласилась!» – заклинала про себя девушка. Под столом она крепко сжала руки в кулаки.

Теперь Ирина чувствовала себя подвешенной в пустоте на одном тонком волоске чужого решения. От неё больше ничего не зависело.

На счастье Ирины, Грэйс была тверда, как камень.

– Керри, мы много раз обсуждали с тобой подобную ситуацию. – Она говорила громко, и в её голосе слышалась нескрываемая гордость, словно она с лёгкостью смогла пре-

одолевать неожиданно возникшее перед ней препятствие, перед которым Керри спасовал. – У нас три ребёнка, к которым мы должны относиться абсолютно одинаково, в противном случае ни о каком равенстве и речи быть не может. Если мы разрешим Ирине посещать дискотеки, то это автоматически должно коснуться и наших девочек. А это абсолютно, я повторяю, **АБСОЛЮТНО** недопустимо.

Миссис Бретт не дала Керри ответить.

– Тогда считаю, что вопрос решён окончательно, – поспешно заключила она.

Ирина не верила своему счастью! Она облегчённо вздохнула и еле-еле сдержала победный крик – ей всё ещё нужно было держать лицо, чтобы Джонсоны не почувствовали себя оскорблёнными. Ирина дождалась, когда они с Элисон окажутся в машине, и от души засмеялась, готовая расцеловать Элисон.

– Победа! – Ирина вскинула руки вверх в жесте победительницы.

– Ура! – миссис Бретт широко улыбалась. – Поздравляю тебя с победой! Мы были на грани поражения. Честно сказать, я не ожидала, что Керри может пойти на попятную по поводу дискотеки. Был момент, когда меня неожиданно прошиб пот. – Она засмеялась. – Но мы выиграли! Теперь всё будет хорошо! И ты – большая молодец!

Элисон по-дружески похлопала Ирину по плечу и нажала на газ.

Итак, с лёгкой руки Грэйс Ирина была вырвана из объятий маленькой бедной семьи, живущей на самом краю земли обетованной.

И теперь у Ирины начиналась новая глава американской жизни.

Урок 6.

Даже в самой беспросветной ситуации должна оставаться надежда на лучшее, потому что ЧУДЕСА СЛУЧАЮТСЯ!

Глава 7. Польша и Россия – сойдутся ли однажды?

С первой минуты, как Ирина увидела Гарри в доме Элисон, она, в дополнение к жуткому высокомерию парня, всей кожей ощутила его недовольство. Он будто бы расширил энергетическое поле до размеров всего дома, пометив таким образом свою территорию.

Если смотреть со стороны, его нельзя было ни в чём упрекнуть: он был надменно вежлив и холодно учтив. Однако на лице его была всего лишь английская маска непроницаемости и равнодушия, скрывавшая подлинные человеческие эмоции.

Ирина не дождалась от него ни слова дружеской поддержки, ни понимающей, сочувствующей улыбки, но зато она прекрасно приняла его бессловесное послание: «Убирайся

отсюда поскорее, это МОЯ территория!»

Поэтому Ирина очень надеялась, что вопрос с семьёй решится как можно скорее. Но она никак не ожидала, что Элисон и здесь преподнесёт ей сюрприз.

Вернувшись домой после встречи с Джонсонами, миссис Бретт наскоро приготовила ужин и позвала Ирину к столу. Гарри в доме не было. Куда он подевался – Ирина спрашивать не стала. Как только они уселись за огромным обеденным столом, Элисон начала разговор.

– Ирина, я хочу тебе объяснить всю ситуацию, чтобы ты могла принять окончательное решение. На днях я случайно столкнулась в маркете с Джейсоном Зальтц – у них живёт Ханна, студентка по обмену из Польши, – так вот он оказался очень расположенным к общению, и я рассказала ему о твоём случае. На моё удивление, он очень обрадовался и сказал, что был бы не против взять тебя вторым студентом в свою семью. Что ты думаешь по этому поводу?

– Мистер Зальтц? Такой высокий мужчина в больших очках и ковбойских сапогах? – спросила Ирина, вспоминая встречу студентов по обмену.

– Да, – улыбаясь, кивнула миссис Бретт.

– На последней встрече мы с ним очень долго беседовали: он живо интересовался Россией, задавал много вопросов.

– Вот, наверное, и ответ! – воскликнула Элисон с неожиданно бурным всплеском радости на лице, что неприятно бросилось Ирине в глаза. – Он познакомился с тобой, и ты

ему понравилась, – зачастила миссис Бретт, будто куда-то заторопилась. – Одним словом, они не прочь взять тебя на время. Почему – на время? По условиям нашей программы два студента по обмену не должны проживать в одной семье. Тогда культурный опыт становится неполным. Да и вы будете разговаривать между собой на плохом английском, а это не пойдёт вам на пользу. Я должна буду подыскать тебе новую семью. Однако сейчас самый разгар учебного года и найти подходящую семью будет не так-то просто. Поэтому не могу сказать точно, как долго ты у них задержишься.

Последнюю фразу Элисон почему-то произнесла медленно.

– Я за, – сказала Ирина, а про себя подумала: «Лишь бы не оставаться с Гарри в одном доме ни минуты». – Мне Джейсон показался приятным мужчиной. У нас был довольно содержательный разговор. Думаю, всё сложится хорошо.

– Правда? Я так рада это слышать. Тогда быстренько додай и иди собирайся, поедем прямо сейчас, – опять заторопилась миссис Бретт.

– Сейчас? – чуть не поперхнулась Ирина. – А почему сейчас?

– Видишь ли, – натянуто улыбнулась Элисон, – причин тянуть нет. К тому же завтра тебе нужно будет идти в новую школу. Пойдёшь из своего нового дома. Я думаю, это будет лучший вариант.

– Хорошо, как скажете, – согласилась Ирина.

«Наверняка Гарри ей что-то наплёл, – думала девушка, быстро доедая спагетти, – боится, что я могу задержаться здесь надолго».

На сборы у неё ушло десять минут.

Через полчаса они уже парковались около дома семьи Зальтц.

Это был разборный щитовой дом. Таких в унылом районе Медфорда стояли десятки. Он был выкрашен в противный коричневый цвет, и всё, что его окружало, неприятно отталкивало Ирину: скошенная наспех трава на невыровненном участке земли перед домом; отсутствие кустов и деревьев; разбросанные по территории старые игрушки.

Сам дом был пыльным, грязным, и даже окна его казались прозрачными лишь наполовину. Это был резкий контраст в сравнении с замком миссис Бретт, который только что покинула Ирина.

Настроение у неё заметно упало, однако она подбодрила себя тем, что это временное жилище и на короткий срок с ним можно смириться.

Вскоре входная дверь открылась и на пороге показался знакомый Ирине мужчина. Он улыбался и жестом приглашал в дом. Ирина вышла из машины.

– Привет, Ирина, – весело сказал Джейсон, подходя к автомобилю. – Где твои вещи? Я помогу занести всё в дом.

– Привет, – застенчиво сказала Ирина и указала ему на сумку и чемодан.

Элисон так и не заглушила мотор.

Джейсон энергичным движением подхватил багаж и, обогнав Ирину, гостеприимно распахнул перед ней дверь. Увидев это, Элисон дала задний ход и, помахав из окна автомобиля, быстро скрылась за поворотом.

«Странно, – мелькнуло в голове девушки, – почему Элисон не познакомила меня с новой семьёй?»

С этой мыслью Ирина шагнула внутрь безликого, непривлекательного дома.

Входная дверь открывалась прямо в гостиную, в которой творился настоящий кавардак: на полу, на диване, на потёртых и уляпанных пятнами креслах валялись детские игрушки и предметы детской одежды, а в центре гостиной, оседлав детский самолёт и крепко держась за штурвал, сидел маленький мальчик с кудрявой чёрной шевелюрой и блестящими, как тёмное стекло, глазками. Лицо его было вымазано в каком-то лакомстве, чего никто, кроме Ирины, похоже, не собирался замечать. Взглянув на гостью, мальчишка с гиканьем оттолкнулся ножками от пола и покатил на самолётике по комнате, явно пытаясь произвести впечатление.

– Знакомься, это Джейк. Ему только что исполнилось три года.

Будто в подтверждении этих слов Джейк нажал на кнопки штурвала, и гостиную огласил дикий рёв взлетающего боинга.

В коридоре слышались шаги. В комнату вошёл долго-

вязый парень в бейсболке, очень похожий на Джейсона.

– Это Джефф. Ему шестнадцать, он учится в десятом классе, – прокомментировал Джейсон.

Джефф молча кивнул и прошёл в угол комнаты.

Шум в коридоре послышался снова. На этот раз в комнату влетела смеющаяся кудрявая девчушка лет семи.

– Папа, папа, – закричала она, – это и есть Илина, плохотолую ты лассказывал? Она тепель будет зыть с Ханной?

Вопросы сыпались из неё подобно тому, как сыплется крупа из порванного тряпичного мешка.

Глаза Ирины округлялись всё больше.

Она бы не удивилась, если бы в эту резиновую гостиную набилась ещё пара-тройка детей. Но тут в коридоре снова слышались шаги, и в комнату переваливающейся, утиной походкой «вкатилась» миссис Зальтц – большая грузная женщина в толстенных очках.

– Здравствуй, Ирина, – приветствовала она девушку. – Как тебе наш небольшой зверинец?

Не зная, что ответить, Ирина только глупо улыбалась и тарасилась на Джеффа, который яростно пытал какую-то газетёнку, по несчастью угодившую к нему в руки.

– Ну, пошли, я покажу тебе твою комнату, – сказал весело Джейсон и свернул в таинственный коридор, из которого появилась вся эта разношёрстная команда.

Коридор был узкий, глухой и создавал очень безрадостное впечатление.

Первая же комната от гостиной была детская, где теперь решили поселить студенток по обмену.

Ирина и Джейсон вошли в комнату.

На первом этаже двухъярусной кровати сидела красавица-полька. Она продолжала заниматься маникюром, не одарив вошедших ни единым взглядом. Роскошные длинные светлые волосы были небрежно рассыпаны по плечам, придавая облику польки невозмутимый и гордый вид.

– А вот и Ханна. Ну, вы уже знакомы, девочки, – как-то заискивающе теперь пролепетал Джейсон. – Вот твоя кровать, Ирина. – Он показал на верхний ярус. – Располагайся, отдыхай, поговорим позже.

И мистер Зальтц с заметной поспешностью ретировался из комнаты.

Ирина тяжело опустилась на стул, стоявший возле окна.

– Вэлкам, – с усмешкой промолвила Ханна, не поднимая головы. – Ты ещё не решилась бежать что есть силы из этого дурдома?

Последнюю фразу полька сказала по-русски, несколько коверкая слова, но достаточно понятно. При этом слово «дурдом» она явно смаковала.

Ирина промолчала.

– Элисон уже смылась? – насмешливо прозвенел второй вопрос польки.

Ирина вспомнила, с какой скоростью Элисон отъехала от дома семьи Зальтц.

«Похоже, она всегда покидает семьи поспешно, – отметила про себя Ирина. – Теперь понятно, почему Гарри так нервничал и не хотел, чтобы я оставалась у Элисон в доме. Он прекрасно осведомлён, в каких домах живёт большинство «обменников» (так Ирина про себя стала в шутку называть студентов по обмену), а у миссис Бретт просто английский замок по сравнению с этими картонными коробками».

– Похоже, да, смылась... – ответила Ирина вслух.

– Вот же сучка! – нисколько не стесняясь, бросила полька.

Надо сказать, что из всех студентов по обмену она была самой импульсивной и не стеснялась в выражениях.

– Ну а ты-то чем думала? – теперь полька набросилась на Ирину, повернувшись в её сторону всем корпусом и пристально глядя ей в глаза.

– Я... – Ирина не нашлась что ответить.

– Я, я! Думать своей башкой надо, прежде чем переезжать в семью, где живут трое детей и студентка по обмену. – Полька кипела, как пузатый самовар.

– А кто мне об этом рассказал? – наконец взяла себя в руки Ирина. – Мне было сказано только про тебя. Джейсон тоже ни слова не проронил про семью, когда мы с ним разговаривали на встрече.

Ханна испытующе посмотрела на Ирину, а потом произнесла:

– Вот кто после этого Элисон, если не сучка? Я у неё два месяца прошу перевезти меня из этой долбанной семьи. А

она мне назло присылает ещё и тебя.

– Ну так это временно, – попыталась успокоить её Ирина. – Она мне будет искать постоянную семью. Согласно правилам программы, мы не можем жить в одной семье.

– Что? – ещё больше разозлилась Ханна, – это она ТЕБЕ будет искать семью, а я, значит, застряла здесь на веки вечные?! – С досады она швырнула ножницы в угол комнаты.

«Вот больная! Повезло же мне с соседкой, нечего сказать! – подумала про себя Ирина. – А Элисон? Та ещё хитрая лисица! Сбагрила меня в многодетную семью без лишних объяснений и была такова!»

Позже Ирина много думала, что представляет собой работа координатора программы, и пришла к выводу, что Элисон делала всё, что от неё зависело, но найти каждому иностранному студенту состоятельную американскую семью было невозможно, поэтому хочешь не хочешь, а ей приходилось идти на компромисс: где-то недоговаривать, где-то преувеличивать – в общем, балансировать на грани тонких человеческих эмоций.

– Завтра буду звонить маме. Хватит терпеть эту дрянь. Она заплатила за эту грёбаную программу круглую сумму, а меня поселили в какой-то хлев! – продолжала возмущаться полька.

Слово «хлев» Ханна опять произнесла на русском языке. – А ты что – платила за программу? – удивлённо спросила Ирина.

– А ты разве нет? – Ханна выпучила на неё огромные светло-карие глаза.

– Н-нет, – нерешительно сказала Ирина и с опаской посмотрела на пилочку, которая оставалась в руках польки.

– Такое, что, возможно? – уже спокойнее спросила полька.

– Да... И мне вдобавок платят стипендию – 100 долларов в месяц, – откровенно призналась Ирина.

Полька вскинула руки и извергнула длинное ругательство на польском языке.

Ругательств, как выяснила позже Ирина, Ханна знала пре-великое множество, причём в её арсенале оказывались словечки из разных языков мира. По-видимому, она любила их коллекционировать, чтобы при случае можно было чем-нибудь неожиданно «блеснуть».

– А ты говоришь по-русски? – чтобы сменить тему, задала вопрос Ирина.

– Заговоришь тут, – огрызнулась Ханна. – У нас в школе русский стоял обязательным предметом с 4-го класса. Я его ненавижу!

Ирина уже засомневалась – способна ли Ханна на нормальный, человеческий разговор.

«Как при такой сногшибательной внешности можно быть столь злой и пессимистичной?» – подумала Ирина.

Помимо шикарных волос полька обладала завидной фигурой: красивая грудь, длинные стройные ноги, открытое, круглое славянское лицо. Её запросто можно было бы при-

нять за русскую красавицу. Она любила белые свободные блузы с глубоким вырезом, короткие джинсовые шорты и высокие жёлтые ботинки. Такая комбинация одежды всегда подчёркивала красоту её фигуры и выделяла Ханну из любой толпы.

– Мы даже в Одессу ездили с классом, чтобы русский язык потренировать. Какие же вы, русские, свиньи. До сих пор вспоминаю ту поездку с содроганием. – Польку передёрнуло. – Никогда не понимала, как можно жить в России. Мне и Польша-то не нравится. Меня сюда мама только с тем и отправила, чтобы я язык выучила, а потом поехала учиться в Европу.

Странное дело, в польке совсем не было такта. Она могла оскорблять человека каждым вторым словом и при этом спокойно улыбаться ему в лицо.

Ирина не могла понять, это шутка такая или она действительно не понимает, как больно делает сейчас ей – своей подруге по несчастью, с кем ей придётся делить небольшую комнатку следующие несколько дней.

– Я не собираюсь сейчас обсуждать недостатки России, – сказала резко Ирина. – Ты бы лучше мне что-нибудь про школу рассказала или про семью. Всё было бы полезнее.

– Да, что-то меня понесло, – на удивление быстро согласилась полька. – Ну, вот такая я эмоциональная. Ничего не напишешь. Что тут рассказывать? Семья – ужасная. Ты видела Ребекку? В ней все 120 килограмм! Когда она прихо-

дит с работы, то падает от усталости на кровать. Ужин часто приходится готовить нам с Джейсоном. Поэтому мы готовим всякую гадость. Например, сухое картофельное пюре в пакетиках. Не пробовала? – Она с издёвкой посмотрела на Ирину.

– Нет. А что, такое бывает?

– В Америке всё бывает. Здесь что угодно можно купить в полуготовом виде, чтобы не париться. Но качество будет соответствующее. Как это на русском... – наморщив гармошкой высокий лоб, она пыталась подобрать нужное слово. – Вспомнила! Хрень!

Ирине пришла на память кухня Грейс – та была первоклассной домохозяйкой и к тому же любила готовить. На ужин она предлагала разнообразные блюда из овощей, мяса или рыбы, обычно запечённые в духовке, а к ним всегда подавала большую чашку салата.

Грэйс строго следила за своей фигурой, поэтому избегала всего жареного, жирного и мучного. И конечно, она ни разу не использовала полуфабрикаты! Поэтому Ирине только предстояло узнать, что это такое.

– Что ещё?.. – раздумывала полька. – Джейк – тот ещё подарок: начнёт орать, уши глохнут. Я вообще детей терпеть не могу. А мне тут ещё предлагают с ним время от времени сидеть. Правда, недолго, слава богу! Джейсон – ничего себе мужчинка, единственный, с кем в этой семейке можно поговорить. Но о чём он думает? Притащил в этот табор ещё и

тебя! Мозгов совсем нет! – В польке опять поднималось раздражение.

– Ладно, понятно. А школа? – перебила её тираду Ирина.

– Школа, как школа. Много дебилов. У меня в школе люди умнее были.

Ирина поняла, что спрашивать Ханну бесполезно. Та видела мир через свои мутно-серые очки и ни за что на свете не согласилась бы признаться, что в этом мире ей хоть что-то нравится.

– Куда можно вещи положить? – переменила тему Ирина.

– Да вон шкаф. Клади на свободное место, – равнодушно бросила полька и взяла в руки журнал.

Ирина стала разбирать вещи и осваиваться в новом пространстве.

Надо сказать, что дом не был богат на цветовые оттенки. Везде доминировал коричневый цвет в разных вариациях, отчего атмосфера в любой комнате создавалась удручающая. Окно в детской почему-то тоже было сделано под потолком, поэтому в комнате было темно и угрюмо.

Всё это Ирина подметила, раскладывая в шкаф свои вещи.

«Зато хотя бы шкаф есть, – подумала она, – и кровать, опять же. Да и вообще, мне здесь жить недолго. Все эти неудобства можно и потерпеть. Зато завтра меня ждёт НОВАЯ ШКОЛА!»

От этих раздумий настроение у неё снова поднялось, она

заулыбалась и даже начала напевать тихонько какую-то мелодию, чем окончательно взбесила польку.

Урок 7.

Лучшая защита от чужого пессимизма – УЛЫБКА!

Глава 8. Знакомство с новой школой

Итак, Медфорд...

Из предыдущего повествования могло сложиться впечатление, что Медфорд – крупный красивый американский город. Однако всё познаётся в сравнении.

После того как Ирина пожила в крошечном горном посёлке с населением пятьсот человек, Медфорд превратился для неё в город мечты, которую она считала недостижимой. На самом же деле этот небольшой городок был всего лишь восьмой (!) в штате Орегон по количеству населения – здесь насчитывалось чуть больше восьмидесяти тысяч человек.

Если бы раньше Ирине сказали, что она будет жить в городе такого размера, она вряд ли приняла бы подобную новость с радостью: в её родном городе проживало около миллиона человек, и любой населённый пункт, меньший по размеру, воспринимался ею как маленький, а значит, недостойный внимания. Но теперь всё изменилось, и Медфорд казался ей настоящим райским уголком, жить в котором означало большую удачу.

В городе находились целых две государственные школы для старшекласников*, в каждой из которых училось более полутора тысяч человек, – какое уж тут сравнение с горсткой учеников в школе Бьютт-Фолса! Учитывая тот факт, что ученики младших и средних классов учились отдельно – в других школах, – можно представить дух, который царил в здании, где находились полторы тысячи молодых людей от пятнадцати до восемнадцати лет! Это была абсолютно непередаваемая атмосфера буйной юношеской энергии и бросающей вызов дерзкой уверенности. Находясь там, Ирина чувствовала необъяснимый внутренний подъём, будто в ней на полную мощность загорались все лампочки, отвечающие за работу её тела и сознания.

Кроме того, оказалось, что климат в Медфорде был намного мягче.

Бьютт-Фолс находился выше в горах. По утрам там бывало очень холодно, и когда Ирина шла в школу, её всегда пробирало до костей. Надевать же тёплые куртки у подростков было не принято – после полудня становилось жарко, и когда ученики возвращались из школы домой, никто не хотел вместе с тяжёлым школьным рюкзаком тащить ещё и тёплую одежду. Выделяться Ирине не хотелось, и она одевалась как все – в лёгкую ветровочку, – и откровенно мёрзла по дороге в школу.

Выйдя из дома в своё первое школьное утро, Ирина почувствовала, что в Медфорде гораздо теплее. Даже от одно-

го этого наблюдения она ощутила неожиданный прилив радости.

Джейсон завёл пикап, чтобы подвезти их с Ханной до школы. Ирина благодарно взглянула на яркое утреннее солнце и забралась в машину.

К своему удивлению, девушка чувствовала себя расслабленно: не было напряжения и тревожного страха, которые она всегда ощущала перед встречей с новым коллективом. Ей было легко и радостно, и она улыбалась, что называется, «во весь рот». Душа её пела и летела вперёд, обгоняя тёмно-синий старенький автомобиль Джейсона.

Джейсон чувствовал настроение девушки и постоянно смеялся. Ему тоже было хорошо. И только Ханна, судя по её ядовитым ремаркам, не могла взять в толк – чему могут радоваться «эти двое придурков», когда ничего хорошего, по её мнению, не произошло.

Ирина смотрела на скривлённые недовольством губы польки и удивлялась: как можно быть такой ворчливой, когда тебе всего семнадцать? Как можно не радоваться солнцу, ветру, тёплому осеннему дню?

Даже проучившись рядом с полькой до конца учебного года, Ирина так и не смогла понять её, а тем более в то первое школьное утро, когда сама Ирина неслась навстречу новому, лучшему, испытывая приятное трепетное волнение. Но, по всей видимости, все переполнявшие Ирину чувства были для польки сфинксовой загадкой.

В школе их пути с Ханной разошлись. По счастливой случайности ни одного одинакового предмета у них не было. А это означало, что хотя бы здесь Ирина была свободна от её назойливого пессимизма.

Первые четыре урока Ирины проходили в бизнес-школе. Это было выделенное крыло здания, в котором располагалось несколько учебных классов. Один из классов был полностью укомплектован компьютерами – лекции, проходившие здесь, можно было набирать на клавиатуре и сохранять на дискете.

Первым уроком, на который Ирина попала, был загадочный для неё предмет под названием «Маркетинг». Его вёл руководитель бизнес-школы Майк Нельсон. Приятный мужчина лет сорока, всегда приветливый и обходительный с учениками, он вызывал чувство глубокого уважения и доверия. Дело своё он очень любил, и ученики остро чувствовали эту любовь, подсознательно перенимая его отношение к предмету с самых первых уроков.

Внешность мистера Нельсона не вызывала особых симпатий: он был лысоват, толстоват и носил усы, вызывавшие невольную улыбку. Одевался мистер Нельсон всегда просто, предпочитая джинсы, бесформенные толстовки и трикотажные рубашки свободного покроя.

Любили преподавателя не только за знание предмета. Он покорял сердца ребят своим добродушием и неподражае-

мым искромётным юмором. Все в классе знали, что любой их выпад или выходку мистер Нельсон способен высмеять на самом высоком уровне, обернув оружие умника против него самого, потому на его уроках стояла непривычная тишина.

– Доброе утро! – приветствовал мистер Нельсон свой класс. – Сегодня у нас необычная новенькая. Она студентка по обмену из России. Знакомьтесь, Ирина Синицына. – Он попытался выговорить имя вместе с фамилией.

В классе послышались возгласы «Вау», многие из ребят буквально очнулись от сна, в котором ещё пребывали до последней минуты.

– Из России? Правда? – полетели вопросы. – А там действительно медведи по улицам ходят?

Почему-то упоминание о России не оставило равнодушными этих ребят.

– Давайте не будем говорить глупости, – прервал многочисленные возгласы мистер Нельсон. – А то наша гостья решит, что вы совсем ничего не знаете ни по истории, ни по географии.

Возгласы прекратились, но ученики до конца урока продолжали бросать любопытные взгляды в сторону Ирины. Здесь Ирина ощущала себя настоящим заморским дивом, которое будоражило умы сверстников и вызывало их неподдельный интерес. Это ощущение было для неё новым и необычайно приятным.

Вторым уроком в бизнес-школе был английский язык. Его

преподавал немного замкнутый и несколько суетливый мистер Ди. Он не обладал такой харизмой, как руководитель бизнес-школы, но дело своё, безусловно, знал. Мистер Ди был невысокого роста, щуплого телосложения, всегда носил очки в чёрной, слишком громоздкой для своего небольшого лица оправе, и кроме всего прочего, показался Ирине несколько занудным и простоватым.

А вот преподаватель третьего предмета шокировал Ирину на все сто.

Когда прозвенел звонок, учительское место пустовало. Все заняли свои парты.

Ирина тоже села на свободную парту и несколько отвлеклась, отыскивая в рюкзаке ручку. Когда же она подняла глаза, то от неожиданности выронила рюкзак.

В класс вплыла не толстая, а очень-очень-очень толстая женщина на непомерно коротких ножках. В её фигуре было непропорционально всё – маленькая, коротко стриженная голова, необъятное тело, короткие ножки и почти крошечные ступни. Ирина никогда в жизни не видела вызывающую столько отвращения внешность. Однако остальные ученики не выказывали к учительнице никакой неприязни. Более того, они никогда не шутили ни по поводу её веса, ни по поводу особенностей её внешности, а, напротив, как позже выяснилось, даже любили миссис Форестер за её поистине доброе сердце.

Преподавателей было всего трое. Они вели по несколько

предметов, что показалось Ирине очень удобным.

И – важно! – целых четыре урока подряд Ирина видела перед собой один и тот же коллектив учеников! Уже за одно это она готова была расцеловать Джилл Саммерс!

«Спасибо!» – ликовало Ириново счастливое сердце.

На переменах к Ирине обязательно подходил кто-то из ребят и задавал очередной вопрос. Здесь она была отнюдь не пустым местом, как в школе Бьютт-Фолса.

После бизнес-школы Ирина посетила уроки литературы и математики. Там её никто не представлял всему классу, и ученики отнеслись к ней, как к обычной новенькой, поэтому удивлялись, когда слышали её незнакомый акцент.

Но в действительности Ирина слабо походила на обычного американского подростка, как бы сильно ни старалась. Печать другой культуры крепко держалась на её юном лице. И кроме того, ей было интересно абсолютно ВСЁ, тогда как на лицах местных ребят читалась откровенная скука.

Хотя особого внимания на последних уроках ей не уделили, это было неважно, отличное начало положено: у Ирины стали появляться друзья, и впервые за два месяца учёбы в Америке она не чувствовала себя одинокой.

Помимо неё в этой школе оказалось ещё шесть студентов по обмену. Во время большой перемены, когда все ученики устремились в столовую, студенты по обмену заняли отдельный стол, без лишних слов принимая Ирину в свою небольшую «семью».

Несколько слов о самих обедах.

Как таковой столовой в школе не было. Каждый ученик приносил из дома ланч в специальном пакете. На большой перемене все собирались в огромном зале для школьных мероприятий, где стояло большое количество столов и стульев. Там и проходил обед. У большинства ланч состоял из бутылки кока-колы или сока и пары бутербродов. Особенно в ходу были бутерброды с арахисовой пастой, сыром и джемом и бутерброды с тунцом и майонезом.

Наконец уроки закончились.

Ирина вышла из школы счастливая и довольная – теперь она знала, что у неё всё будет хорошо и год в Америке пройдёт весело и с пользой.

Ханна уже стояла в том месте, где их должен был подождать Джейсон.

– Ну, и что ты опять такая довольная? – раздражённо спросила она Ирину. – Умных американцев встретила?

Ханна рассмеялась над собственной шуткой.

– Представь себе, встретила! – простодушно ответила Ирина. – По крайней мере, точно умнее, чем в Бьютт-Фолсе.

– Господи, я даже боюсь представить, кто тогда живёт в этом самом Бьютт-Фолсе, – ухмыльнулась Ханна.

Стоял конец октября, но погода в южном Орегоне всё ещё была чудесной: она по-прежнему баловала теплом и ласко-

вым солнечным светом. Многоцветная осенняя палитра делала любую поездку по Медфорду и его окрестностям просто волшебной.

Идеально подстриженные зелёные газоны превращались в гладкий мольберт, на котором разноцветная осенняя листва выписывала причудливые картины.

По краям дорог красовались остролистные клёны. Вспыхнувшие ярким осенним пламенем, они гордо роняли на землю пятипалые багрово-красные или ярко-жёлтые листья.

Каждый день яркие осенние картины вызывали в душе Ирины бурю эмоций. Ирина любила осень, любила её за красоту, за лёгкую грусть от предстоящего расставания, за солнечные лучи, которые ещё согревали, ласково касаясь щеки. И когда радость от соприкосновения с осенней природой захлёстывала её, Ирина слышала внутри мелодию – нежную мелодию осени, танцующей романтический балет.

Вот и теперь, ожидая Джейсона, Ирина задумчиво смотрела на кружащуюся в воздухе разноцветную листву, вслушивалась в её тихое шуршание, растворяясь в осенней музыке и чувствуя необыкновенную радость.

Колкие слова Ханны долетали до неё словно из другого мира.

Вскоре подъехал Джейсон. Всю дорогу до дома он спрашивал Ирину про её первый день. И она весело рассказывала ему про преподавателей, учеников, сами классы бизнес-школы, говорила, как ей всё понравилось и в каком она

восхищении.

– Ну, вот и славненько! – радовался вместе с ней Джейсон. – Я так рад, что тебе понравилась новая школа!

Ирина чувствовала, что его радость была чистой и искренней.

– Слушайте, меня уже просто тошнит от ваших сладеньких словечек: «я так рад», «я так рада», – передразнила их Ханна. – Давайте вы продолжите радоваться без меня – когда приедем.

– Ты неисправима, – расхохотался Джейсон. Он был в слишком хорошем настроении, чтобы обращать внимание на поддёвки Ханны. – Она у нас всегда такая суровая. Прямо фурия!

Теперь они уже хохотали вместе с Ириной, не обращая внимания на яростное поблёскивание глаз польки.

Дни летели за днями.

Ирина бежала в школу, как на праздник. Ей нравилось абсолютно всё! В бизнес-школе все уроки были очень интересными. После теории всегда давалось практическое задание. Ирине нравилось изучать рекламные буклеты, составлять маркетинговый план для какой-нибудь фирмы, и даже просто печатать некоторые лекции на компьютере.

Все ребята были с ней приветливы и внимательны, однако настоящих друзей в бизнес-школе у неё появилось немного. А точнее – всего три. Все трое – американцы.

Первого звали Роберт, Роб. Он был о-о-очень высокого роста, с невероятно, как ей казалось, большим размером ноги. Глядя на него, она всегда вспоминала стихотворение Сергея Михалкова «Дядя Стёпа»:

«...Лихо мерили шаги

Две огромные ноги:

Сорок пятого размера

Покупал он сапоги...»

Роберт всегда помогал Ирине разбираться с компьютером, если у неё что-то не ладилось, а также любил объяснять ей слова, которые она не знала.

– Кеерапеуе? Ну, это значит «внимательно наблюдать, не терять из поля зрения, не спускать глаз». Поняла? – Роб в очередной раз объяснял Ирине новое понятие.

– Нет, – смеялась Ирина. Иногда она притворялась, что не понимала, заставляя Роберта приводить десятки синонимов.

Она видела, что ему нравится объяснять слова, будто в этот момент он не столько помогал ей, сколько тестировал сам себя: сколько же синонимов ему удастся найти для одного и того же понятия. Поэтому для них обоих это превратилось в своего рода игру, а игра переросла в хорошие дружеские отношения.

Кроме Роберта, Ирина часто разговаривала с одной парочкой: Максом и Мэри. Ребята дружили уже не первый год. Однако природу этой дружбы Ирина искренне не понимала.

Ребята были буквально приклеены друг к другу: всегда и

езде их видели вместе. То они держались за ручку, то сидели друг у друга на коленях, то слишком откровенно обнимались и даже целовались прямо в коридорах школы! Создавалось впечатление, что они – молодожёны и живут в законном браке. Когда озадаченная Ирина задала ребятам этот вопрос, они расхохотались и сказали, что не собираются пока жениться, но очень любят друг друга, поэтому и проводят столько времени вместе.

Но что удивляло Ирину больше всего – преподаватели не возражали! Они полностью игнорировали чересчур темпераментные отношения парочки и воспринимали ребят как единое целое, а потому если давали какое-то групповое задание, то по умолчанию ставили их в одну группу.

Но чаще всего Ирина, конечно же, общалась с другими студентами по обмену.

Они гораздо лучше понимали друг друга, а значит, могли поддержать в трудную минуту. Кроме того, когда они общались между собой, ни у кого не возникало напряжения – ведь английским в совершенстве никто из них не владел.

А ещё им было интересно узнавать что-то новое о чужих культурах. Они видели, насколько не похожи, и им нравилось задавать вопросы и вглядываться в незнакомые черты друг друга, будто сквозь эти черты проступали и сами чужедальные страны, до которых им, возможно, никогда в своей жизни не удастся добраться.

Особенно близко Ирина сдружилась с мексиканкой, япон-

кой и бразильянской. Они стали чаще отделяться на ланче от других студентов по обмену, а позже стали собираться вместе и после школы, чтобы прогуляться по магазинам, посмотреть какой-нибудь фильм или просто поболтать.

Самой близкой подружкой для Ирины стала Камила – девушка из Мексики. Оказалось, что Камила живёт в доме у Джилл Саммерс. Разумеется, Джилл упоминала Ирине о Камиле, но Ирина была так погружена в собственные переживания, что не совсем осознавала этот факт, а потому была несколько удивлена, когда Камила начала говорить ей про Джилл, семью Саммерс, и про то, что она знает всё о жизни Ирины в Бьютт-Фолсе.

*Школа для старшекласников – в Америке обучение в школе проходит ступенчато: сначала ребёнок поступает в начальную школу (с 1 по 4 класс), потом переходит в среднюю (с 4 по 8 класс), а потом в старшую (с 9 по 12 класс). Таким образом, в школе ребята находятся среди своих сверстников. Количество учеников в школах варьируется в зависимости от размера населённого пункта.

Урок 8.

Не стоит бояться нового, новое – это ВОЗМОЖНОСТЬ!

Глава 9. Накануне праздника Хеллоуин

Ирина переехала в Медфорд незадолго до одного из любимых праздников американцев – праздника Хеллоуин*. Теперь её теоретические познания об этом празднике приобрели физическую форму. Перед продуктовыми маркетами выставили огромные спелые тыквы, чтобы каждый мог купить рыжую красавицу и украсить свой двор, вырезав в ней пугающую рожицу и поставив внутрь зажжённую свечу; в торговых центрах в продаже появились костюмы всякой нечисти. А школа бурлила в преддверии предстоящего парада, который должен был состояться накануне праздника.

– Интересно, кто же всё-таки будет на параде принцессой от класса выпускников в этом году? Как думаешь, Роб? – спрашивала черноглазая Тиффани, свободно закинув ноги на парту и что-то помечая в тетради, – до звонка оставалось несколько минут. – Джессика или Джули?

– Нашла кого спросить, – ухмыльнулся Роберт, бросая на парту толстый скоросшиватель, с грохотом ударившийся о поверхность.

От внезапного стука Ирина вздрогнула.

– Так всё-таки, Роб: Джессика или Джули? – Тиффани насмешливо повторила вопрос, держа во рту кончик ручки.

– Плевать я хотел на обеих, – беспечно заявил Роберт, усаживаясь на стул и вытягивая свои длинные ноги в проход. – И что ты ко мне привязалась? Вон Анжелу спроси: та тебе мигом расскажет все последние сплетни и кто, по последним

слухам, нацепит в этом году корону.

Тиффани улыбнулась.

– Роб, я в курсе про Анжелу. Но, видишь ли, мне очень интересно, какой тип женской красоты ближе именно тебе. – Она шутливо подмигнула.

– Так я тебе и рассказал, Тиффани! – фыркнул Роберт. – Единственное, что могу тебе открыть: к этим двоим я полностью равнодушен.

Тиффани засмеялась. Она была одной из первых учениц класса: остроумной, общительной и определённо «с мозгами», однако внешностью особой не выделялась. Но про себя Ирина отметила, что её открытый ясный взгляд тёмно-карих глаз действовал на парней как магнит.

– Роб, а про какую принцессу она говорит? – шёпотом спросила Ирина парня, легонько ткнув его в спину ручкой.

Роберт обернулся:

– Каждый год перед Хеллоуином у нас проходит праздничный парад. Желаящие наряжаются в костюмы всякой нечисти, а от каждой из четырёх параллелей выбирают принца и принцессу. Четыре принца и четыре принцессы. Парад проходит на машинах. Коронованная пара едет в какой-нибудь крутой красной тачке, типа кабриолета. Ну знаешь, чтобы можно было в нём встать и покрасоваться на весь город. А остальные едут в открытых грузовиках. И каждый год разгорается спор, кто будет надевать корону в этом году – будто больше заняться нечем! – Роберт скривил губы в презри-

тельной усмешке.

– А как их выбирают? – Ирина не отставала.

– Да как-как, очень просто. Принца выбирают за какие-нибудь спортивные заслуги. Обычно это футбольная звезда школы этого года. А девчонок выбирают из команды Cheerleaders**. Типа там всегда самые красивые и активные, – объяснил Роберт.

– А ты тоже будешь наряжаться в костюм, – с любопытством спросила Ирина, хотя звонок уже прозвенел.

– Ага, держи карман шире! – усмехнулся Роберт. – На мой рост и костюма-то не найти. Ты представляешь себе двухметрового скелета?

Ирина засмеялась – картина и впрямь рисовалась забавной.

28 октября в школе творилось что-то невообразимое: вся парковка была запружена открытыми грузовиками, на которые нескончаемым потоком поднимались ведьмы, гоблины, франкенштейны, парни с оранжевыми тыквами на головах, скелеты и прочая невиданная нечисть. Ирина не могла узнать никого: на лицах одних был чёрно-белый грим, на других – скрывающая маска. Принцы и принцессы служили ярким контрастом в этой разнаряженной толпе: на девушках были надеты чёрные вечерние платья в пол, а на парнях – классические костюмы, белые рубашки и даже бабочки (!). Два красных, белый и ярко-синий новенькие кабриолеты, на ко-

торых разместились «коронованные особы», блестели среди гущи неприметных грузовиков, как свалившиеся с неба огромные драгоценные камни, будто подтверждая своим видом статус выбранных пар.

Наконец вся толпа загрузилась, и транспортная колонна с разряженными школьниками выехала на одну из центральных улиц Медфорда. Зрелище было необыкновенное! Сотни учеников в костюмах кричали и махали с грузовиков, медленно ползущих по городу.

Горожане высыпали на улицу и весело махали в ответ. На некоторых машинах красовались тыквы со свечами внутри, будто приветствуя своих собратьев, расставленных по всему городу.

Студентам по обмену тоже достался небольшой пикап. Они следовали в хвосте праздничной колонны. В отличие от остальных школьников все они были без костюмов.

Глядя на их лица, было понятно, что они из разных стран, поэтому из остальных грузовиков до них долетали крики «Привет студентам по обмену!».

Ирина вместе со всеми кричала что-то в ответ на многочисленные приветствия, махала руками и веселилась от души. Она не понимала ни цели, ни смысла этого праздника, но ей было всё равно – ей просто было по-настоящему весело.

Вся огромная школа будто слилась в одну праздничную массу, от которой исходило ощущение грандиозного торжества. Все смеялись, шутили, а кое-где даже пели зажигатель-

ные песни.

После торжественного шествия Ирина должна была отправиться в гости к Джилл Саммерс – та пригласила её в свой дом с ночёвкой.

Семья Джилл жила неподалёку от другого городка южного Орегона – гостеприимного Ашленда, который считался по праву туристической жемчужиной этой части штата. Он находился в 18 километрах от Медфорда.

В школу подруга Ирины, Камила, добиралась вместе со своим американским папой – Рэнди Саммерсом. Он тоже работал учителем: преподавал право.

Рэнди Саммерс выделялся среди других американцев и очень нравился Ирине. Это был высокий, под два метра, стройный мужчина с белыми как снег волосами, светлой кожей и вечно смеющимися глазами, которые обычно скрывались за широкой оправой очков.

Иногда у Ирины складывалось впечатление, что Рэнди совсем не умеет разговаривать серьёзно: шутки срывались с его уст произвольно, вызывая невольные улыбки окружающих. Он обладал настоящей магией превращать самый унылый, безрадостный день в яркий беззаботный праздник, заставляя забыть собеседника о своих проблемах и неудачах. В школе его любили все.

В списке предметов Ирины права не было, поэтому ей оставалось только догадываться, как с таким характером

Рэнди удавалось вести такой серьёзный предмет.

После парада Рэнди отвёз Камилу и Ирину в ресторан со шведским столом. Там их уже ожидали трое дочерей Джилл. И только сама Джилл и её старшая дочь отсутствовали: Джилл задержалась на работе, а Деви уже училась в колледже и находилась далеко от Медфорда.

Однако и без Джилл Ирина чувствовала себя очень комфортно. Рэнди не умолкал, создавая между девочками непринуждённую атмосферу.

Все дочери мистера и миссис Саммерс, как одна, походили на папу: блондинки с прямыми волосами до плеч, с голубыми прозрачными глазами и белой аристократической кожей – они были похожи на двойняшек, которые по непонятной причине немного различались по возрасту. У двух младших девочек стояли брекеты, что делало их ещё более похожими друг на друга.

– Ну что, теперь ты понимаешь, Ирина, в каком цветнике я живу? – шутил Рэнди, с довольным видом обводя глазами свой женский батальон. – Знакомься: это Мэгги, ей 18, это Криста, ей 14, а это Марта, ей всего 12. А ещё у нас есть старшая Деви, правда, Камилла? Вот Камилла не даст соврать – нас действительно так много. Деви недавно исполнился 21 год, она учится в колледже, в Портленде. Поэтому с ней тебе познакомиться не удастся. По крайней мере, в этот раз.

Они весело болтали о школе, о мелких происшествиях, о планах на предстоящие выходные – в общем, обо всём на

свете. По всему было видно, что девочки любят отца и очень с ним близки. Они без колебаний рассказывали ему о своих маленьких бедах, тревогах, неудачах, равно как и о своих победах, успехах и достижениях; делились смешными историями, которые произошли с ними в школе.

Рэнди внимательно слушал их рассказы, давал советы, снимал излишнее напряжение своими шутками, и было похоже, что он часто выступает в роли и папы, и мамы одновременно.

Ресторан, в котором они сидели, был милым, уютным местом. Вход сюда стоил 18 долларов с человека. За эту сумму гостю представлялась возможность выбрать «что только душе угодно» из большого ассортимента салатов, мясного, гарниров и десертов.

Еда была вкусной и свежей, а у Ирины, помимо всего прочего, появилась возможность попробовать что-нибудь новенькое.

Заведение, похоже, пользовалось спросом, потому что почти все столы были заняты. Среди обычных посетителей ресторана двое выделялись особенно – их чересчур массивные тела невольно привлекли внимание Ирины.

Заметив, что она не в силах оторвать от них глаз, Рэнди прокомментировал:

– Видишь ли, в Америке очень много людей, которые не могут удержаться от соблазна вкусно поесть. Обильная еда плюс малоподвижный образ жизни – и вот тело расплыва-

ется до необъятных размеров. Человек перестаёт быть себе хозяином. Теперь ему всё время хочется есть. И чтобы не тратить на еду слишком много денег, такие люди ищут дешёвые кафе. А что может быть лучше для такого любителя, чем шведский стол, где за те же 18 долларов можно съесть намного больше, чем в любом другом месте? Поэтому здесь всегда встречаются супертолстые люди.

– Удивительно, – ответила Ирина, – в Америке я впервые вижу таких толстых людей. Даже в голове не укладывается, как им удаётся двигаться при такой массе?! И где они берут одежду таких гигантских размеров?

– Ну, с этим в Америке проблем нет. Это прибыльный бизнес. Существуют целые сети, торгующие для этой категории покупателей, – улыбнулся Рэнди.

Ирина ещё долго украдкой наблюдала за мужчиной, который с бешеной скоростью съедал одно блюдо за другим. Он занимал практически всю скамейку, рассчитанную на двоих. Широкие коричневые джинсы, казалось, трещали по швам, плотно сжимая объёмные бёдра, больше напоминавшие массивные конечности бегемота. Талии не было – огромный, обвисший, подобно сдувшемуся наполовину парашюту, живот тяжёлым бременем покоился на ногах. Пуговицы фланелевой клетчатой рубахи, напрягаясь из последних сил, еле держались на складках вздымающейся при дыхании плоти. Щёки надулись, превратив глаза в две бессмысленные щели, рот блеснул бесстыдной красной впадиной, не имеющей дна. На

голове мужчины была засаленная красная кепка, которую он даже не потрудился снять.

Весь стол обжоры был уставлен тарелками с разными яствами, но, судя по скорости, с которой еда исчезала из его тарелок, толстяк был уже не в состоянии получить удовольствие ни от одного из блюд. Болезнь поглотила его целиком, управляла и нещадно манипулировала им, и временами Ирине казалось, что лицо его переставало напоминать человеческое.

Вскоре ужин закончился, и вся компания перебралась в две машины: у Мэгги были права и старенький, но зато личный автомобиль.

Ирина не ожидала, что дом Саммерсов находится за городом, и была удивлена, когда машина Рэнди свернула с дороги, ведущей в Ашленд.

– Разве нам не в Ашленд? – Ирина удивлённо посмотрела в зеркало заднего вида, где ей хорошо было видно лицо Рэнди.

– Нееееет, – засмеялся Рэнди. – Разве Камила не сказала тебе, что мы живём в лесу?

– Не сказала, я хотела, чтобы это был сюрприз! – улыбнулась Камила.

– Ваша семейка полна сюрпризов, как я погляжу, – с улыбкой заметила Ирина.

– Совершенно верно! – кивнул Рэнди. – Надеюсь, ты об-

наружишь ещё уйму сюрпризов в нашем доме!

По обеим сторонам от дороги рос лес, уже ставший для Ирины привычным. Лиственные деревья перемежались с соснами и пихтами. Позади леса плавным изгибом вставали лесистые склоны орегонских гор.

Ирина гадала, каким же окажется дом Саммерсов. «Должно быть у них большой дом. Попробуй-ка разместить столько народу!» – думалось ей, но картинка в воображении никак не рисовалась, словно что-то заклинило в мозгу.

Вскоре машины свернули с основного шоссе. Дорога сузилась, и широченные лапы деревьев потянулись к окнам автомобиля, словно желая поздороваться с путниками. Под шинами зашуршала мелкая галька.

Через пару минут за невысоким решётчатым забором показался невероятных размеров особняк. Ирина попыталась сосчитать количество окон на одном из этажей, но не успела. Особняк больше походил на замок и был оформлен в голубых и белых тонах. Эркеры, колонны, арочные окна, балконы и массивная парадная лестница делали его совершенно неотразимым.

Вход громадного дома смотрел в противоположную от дороги сторону, и было понятно, что Рэнди направляется мимо богатого владения. Не успела Ирина насладиться необыкновенным зрелищем, как особняк оказался уже позади. Она обернулась, пытаясь продлить зрительный контакт с поразившим её объектом.

– Кто здесь живёт? – спросила Ирина.

– Что, нравится? – засмеялся Рэнди, – Это дом одного местного миллионера. Мы с ним знакомы, кстати! – и, повернувшись к Ирине, Рэнди заговорщицки подмигнул.

– Ничего у вас соседи! – только и смогла воскликнуть Ирина.

Через пару минут они подъехали к дому семьи Саммерс.

На Ирину смотрел компактный трёхэтажный коттедж в голубовато-серых тонах.

Поскольку цокольный первый этаж выглядывал из земли лишь наполовину, а крыша здания была почти пологой, дом не казался большим – напротив, он создавал ощущение скромного уютного помещения, выросшего из земли, словно лесной гриб.

Однако, несмотря на кажущуюся скромность, дом был очень оригинален. Второй этаж, куда вела высокая парадная лестница, был сделан преимущественно из стекла: фронтальная стена гостиной от пола до потолка представляла собой единое стеклянное полотно, разделённое на равные секции стальными рамами. Сквозь это окно уже с улицы можно было различить металлическую винтовую лестницу, проходившую через центр гостиной. По всему периметру второй этаж был опоясан широкой верандой, над которой нависала крыша, геометрически повторяющая контуры крыши дома.

Третий этаж был по площади меньше второго, поэтому выглядел, словно верхний ярус двухуровневого празднично-

го торта.

В окружении величественных порыжевших пихт дом смотрелся необычайно гармонично. С черепичной крыши шоколадного цвета свисали пучки хвои, будто вписывая его в окружающий ландшафт.

«Как хорошо, должно быть, жить в таком доме! – подумала Ирина. – И в таком месте!»

Джилл уже вернулась с работы. Услышав шум приближающихся автомобилей, она выбежала на улицу.

– Здравствуй, моя дорогая! – Она ласково обняла Ирину. – Наконец-то ты вырвалась из смертельной хватки Бьютт-Фолса!

На глаза Ирины навернулись слёзы.

– Добрый вечер, Джилл! Я так благодарна вам за то, что вы помогли мне перебраться в Медфорд!

– Ну что ты? Не надо плакать, милая, всё уже позади. Теперь тебя ждёт весёлое времечко в новой школе, правда, Камила?

Камила подошла к Ирине и тоже обняла её за плечи.

– Да, теперь ты среди друзей.

Камила очень отличалась от американцев, да и, по правде говоря, и от других студентов по обмену. Она была очень чуткой, отзывчивой и внимательной к своим друзьям. Её открытое круглое лицо всегда светилось тихой согревающей улыбкой. В отличие от Ханны, она не была красавицей: пол-

новатая фигура из-за плотной широкой кости; густые, толстые, как пружина, кудрявые волосы, собранные в неприметный хвост; некоторая скованность в движениях и совершенно безликий гардероб. Но Ирине было неважно, как выглядела её подруга. Единственным недостатком, который Ирина замечала в Камиле и который очень мешал ей, было слабое знание английского.

Все свои разнообразные эмоции Камила укладывала в очень скудный английский словарь, и Ирине очень часто не хватало глубины и оттенков переживаний, которые возможно прочувствовать, только когда человек выражает свои мысли богатым образным языком. По этой причине Ирина не могла делиться с Камиллой своими самыми глубокими переживаниями – она бы просто не получила той отдачи, на которую обычно рассчитываешь при общении с близким другом.

– Пойдёмте скорее в дом, – пригласила Джилл.

По удобной стальной лестнице они поднялись на второй этаж, к парадному входу.

Ирина с любопытством вошла в дом. Весь второй этаж представлял собой открытое пространство, поделённое на отдельные зоны небольшими перегородками. Здесь были выделены мягкая зона гостиной, кухня и столовая. Из-за отсутствия стандартных стен почти неперегороженное обширное пространство создавало ощущение простора и свободы. Здесь было много зелени: горшки с комнатными растения-

ми стояли на полу и в специально устроенных нишах перегородок. Винтовую лестницу, проходящую крупным серпантинном в центре помещения, украшали стальные элементы, напоминающие лианы. Из огромного панорамного окна на Ирину смотрел густой ашлендский лес.

«Этот дом прекрасно подошёл бы писателю, – подумала Ирина. – Здесь абсолютно всё побуждает к творчеству».

Весь вечер девочки рассказывали Джилл о школе, а та делилась с ними новостями из Бьютт-Фолса. Атмосфера настолько располагала к чему-то необычному, что Ирина в знак благодарности Джилл вызвалась приготовить русское блюдо.

– Вот так сюрприз! – воскликнула не ожидавшая ничего подобного Джилл. – Конечно, я буду счастлива, если ты что-нибудь приготовишь!

Хорошенько поразмыслив, Ирина остановила выбор на рогаликах с изюмом и шоколадной крошкой. Джилл предоставила девушке необходимые продукты, и вскоре та уже раскатывала замешенное тесто на каменной поверхности кухонного гарнитура.

Камила с любопытством наблюдала за её движениями.

– Я тоже люблю готовить. В мексиканской кухне есть много необычных блюд, – сказала она Ирине.

– Да, знаю, – ответила Ирина. – Я обожаю мексиканскую кухню!

– Наше счастье, что Камила умеет готовить, – похвалила

мексиканскую дочку Джилл, – она нас такими вкусностями иногда кормит!

И она потрепала девушку по голове, совсем как бы это сделала родная мама.

Увидев это, Ирина невольно почувствовала укол зависти.

После ужина Рэнди ушёл смотреть телевизор, а сёстры Саммерс разбрелись по своим комнатам.

В большом гостеприимном доме каждый легко находил себе уголок по душе, не боясь помешать кому-то другому.

Ночевать Ирину определили в одной из гостевых комнат на первом этаже. Когда она спустилась вниз вместе с Камиллой, на неё пахнуло затхлым воздухом, сильно отдававшим плесенью. На первом этаже были расположены две гостевые комнаты, ванная и техническое помещение для стирки, сушилки и хранения вещей. В одной из гостевых комнат и ночевала Камила. Все остальные спальни находились на третьем этаже и были заняты членами семьи Саммерс.

«Всё-таки не бывает идеальных условий в принимающих семьях! – подумала Ирина и печально вздохнула. – Вот тебе отличный дом, в отличном месте, а на первом этаже какие-то проблемы с вентиляцией. И надо же (!), именно здесь расположена комната, которую семья может тебе предложить...»

На следующее утро после стандартного американского завтрака – хлопья с молоком и тост с клубничным джемом – девочки отправились на улицу.

– Пойдём, покажу тебе кое-что интересное, – предложила Камила.

Девочки обогнули дом и пошли вдоль высокого сетчатого забора, за которым находился теннисный корт. На корте в снежно-белом спортивном костюме разминалась Мэгги.

– У них что, ещё и корт есть? – удивилась Ирина.

– Представь себе, есть, – подтвердила Камила. – И не только корт.

За кортом располагался огромный вольер, в котором бегали собаки породы далматин. Зрелище напоминало сцену из мультфильма «101 далматинец». Собак было много, по крайней мере две из них были взрослыми.

Щенки, увидев посетителей, опрометью ринулись к металлической сетке.

– Вот это да! – только и смогла выдохнуть Ирина.

Теперь многодетная семья Саммерс казалась ей ещё больше.

– И как они успевают управляться с таким огромным количеством собак? – спросила Ирина первое, что пришло в голову.

– Собак в семье обожают все. Так что сёстры убирают здесь по очереди, – ответила Камила.

Будто в подтверждение её слов к ним подошла младшая из дочерей Саммерс. Она открыла калитку и вошла внутрь вольера. Со всех сторон её тут же окружили щенки, радостно заливаясь лаем и смешно виляя хвостиками. Она будто

в одно мгновение очутилась в центре чёрно-белой, живой, копошащейся клумбы.

Марта засмеялась и начала одного за другим поднимать щенков на руки, ласково называя каждого по имени, целуя и прижимая к себе. В какой-то момент Ирине даже показалось, что Марта с ними похожа: такие же светлые волосы и чуть-чуть на выкате глаза...

Внезапно Ирина услышала, что Джилл ищет их, и позвала Камилу к дому.

– Предлагаю отправиться в небольшое путешествие по Ашленду, – предложила Джилл девочкам.

Через пару минут они втроём уже ехали по направлению к туристической Мекке южного Орегона.

Ирина влюбилась в Ашленд, как только показались его кленовые аллеи, взрывающиеся к небу ярким пожаром.

Городок был небольшим, уютным, со множеством кафе и сувенирных магазинчиков.

В центре Ашленда начинался огромный парк, который простирался почти на 400 тысяч квадратных метров – парк Лития (на берегу реки, протекающей по территории парка, нашли оксид лития). Парк был знаменит своими японскими садами, которые в это осеннее время года создавали ощущение удивительного волшебства. Многочисленные тропы манили посетителей нырнуть в самую глубь парка, и, видя необыкновенную красоту осенних нарядов на высоченных

деревьях, люди сдавались, позволяя себе затеряться в осенней сказке.

Ирина с Камиллой тоже устремились в глубь разноцветных зарослей.

Ветви рослых деревьев сомкнулись высоко над их головами, скрывая небо за причудливой вязью осенней листвы.

Ирина с любопытством разглядывала узловатые ветви, тянувшиеся ввысь и обнимавшие пространство, словно огромные руки экзотического животного, то были многолетние старцы, имён которых Ирина не знала. Ветер дружелюбно трепал их загривки, и деревья, будто в оплату его ласки, бросали в воздух золотые монеты, напоминавшие собой многолучевые блестящие звёзды.

Выложенные серым природным камнем тропинки изгибались, словно гигантские змеи, уводя путников в гущу парка. На смену деревьям-старикам приходили разновеликие кустарники, то затаившиеся исполинскими шарами, словно свернувшиеся клубочком громадные ежи, то бесцеремонно развалившиеся густыми ветвями, словно отдыхавшие фривольно принцы.

Сердце Ирины то и дело замирало: никогда ещё в своей жизни ей не приходилось видеть такой красоты.

Увядающие деревья источали тончайший аромат, наполняя воздух пьянящим торжеством. Ирина дышала и не могла насытиться; глядела и не могла наглядеться. Ей чудилось, что она превратилась в осеннюю фею и теперь находится в

своём собственном королевстве – самом прекрасном на земле.

Неожиданно тропа резко вильнула, выбросив Ирину на берег горного ручья. Серые угрюмые валуны, кое-где тронутые мхом, с важностью подпирали его берега. Вдоль водных береговых линий тянулись длинные оранжево-красные дорожки из опавших листьев. Ручей бежал по широким каменным ступеням, будто специально вырубленным для него древним каменотёсом, срываясь с каждого широкого выступа небольшим упругим водопадом.

По обе стороны от ручья росли здоровенные клёны. Их ярко-рыжие шевелюры отражались в хрустальной воде, превращая её в жидкое золото.

Ирина застыла. Ей больше не хотелось двигаться, не хотелось говорить. Словно все её органы чувств объединились вдруг в одно целое – острое, всепроникающее зрение, и она изо всех сил старалась сохранить необыкновенное ощущение, которое переживала впервые.

До японских садов они так и не дошли.

Теперь Ирина понимала, почему это место привлекало столько туристов. Сюда съезжались жители не только со всех окрестностей южной части штата, но и гости из других уголков страны, и, конечно, иностранцы.

В парке было полно мощёных дорожек, каменных мостиков, вписывающихся в ландшафт детских игровых площадок, удобных чистых туалетов. Несмотря на огромное число

посетителей, его нежную траву не топтали и не оскверняли мусором. Чистая, будто девственная, природа благодарно дарила свою чарующую красоту людям. И Ирина благодарила этих людей, создавших и сохранивших чудесный парк будто бы для неё одной.

Когда девочки вдоволь нагулялись по парку, Джилл предложила:

– А теперь, Ирина, хочу показать тебе свой небольшой бизнес.

Ирина удивлённо посмотрела на миссис Саммерс.

– Да, да! Видишь ли, мы с мужем – предприниматели и содержим здесь кафе. А ты думала мы живём только на учительскую зарплату? – и, будто бы довольная произведённым впечатлением, она засмеялась.

Вскоре они подъехали к небольшому кафе, часть столиков которого стояла прямо у дороги. Внутри вкусно пахло кофе и свежее испечёнными булочками.

– Ну, я надеюсь, вы проголодались? – весело спросила девочка Джилл.

– Ещё как! – улыбнулась Камила.

Они заняли свободный столик.

Вскоре Джилл принесла им по чашке кофе и по огромному куску обалденно пахнущего яблочного пирога.

Ирина с удовольствием пила горячий напиток и с любопытством смотрела по сторонам. За стеклянной стеной кафе она разглядела небольшой прилавок, где можно было приоб-

рести кондитерские изделия и сувениры Ашленда.

«Какие ещё сюрпризы можно ожидать от этой загадочной семьи?» – думала Ирина, а сама с удовольствием уплетала фирменный пирог Джилл.

*Хеллоуин – канун Дня Всех Святых, популярный праздник в Америке (и других англоязычных странах), отмечается в ночь с 31 октября на 1 ноября. Это старинный кельтский праздник. Когда-то кельты делили год на две половины: лето и зиму. 31 октября заканчивалось лето и начинался зимний период. В эту ночь, по древнему поверью кельтов, миры живых и мёртвых открывали свои двери, и обитатели потустороннего мира пробирались на землю. Среди основных символов праздника: тыквы-светильники, на которых вырезают зловещие лица, внутрь помещают зажжённые свечи; костюмы персонажей фильмов ужасов или другой нечистой силы; цвета чёрный и оранжевый.

**Cheerleaders – женская группа поддержки на спортивных мероприятиях.

Урок 9.

Идеальных условий не существует, даже когда кажется, что кому-то другому повезло больше.

Глава 10. Нам бы только день простоять да ночь

продержаться

Ирина быстро втянулась в новый темп жизни. Школу она полюбила, поэтому на многие недостатки домашнего быта просто не обращала внимания. А недостатки были, ещё какие...

Если в семье Саммерс все вели активный образ жизни и постоянно куда-то спешили, то в семье Зальтц всё было наоборот – после работы и учёбы все, за исключением разве что Джеффа, бесцельно прозябали дома.

Ребекка работала в клинике рентгенологом. По возвращении с работы она падала от усталости на кровать и оставалась в спальне по меньшей мере час или два. Иногда дети проводили время с матерью, а иногда начинали бешено носиться по гостиной, устраивая разгромные догонялки. В этом случае их никто не останавливал.

Джейсон никогда не ругал жену и не говорил о ней плохо. Каждый раз он удалялся к ней в спальню, беседовал, а потом приходил с готовым вердиктом: готовят ли они ужин самостоятельно или могут рассчитывать на то, что сегодня Ребекка появится на кухне.

Иногда Ирине казалось, что Джейсон был даже рад, когда им выпадало готовить ужин самим, ведь тогда у него оказывалось больше времени для общения со студентками по обмену. Он очень любил слушать истории про школу – будто на какое-то время сам выпадал из реальности собственной

жизни и погружался в бурю всего происходящего в школьном мире.

Ирина и Ханна приносили совершенно разные версии своего взгляда на школьную жизнь, однако и та и другая были очень эмоциональными, и Джейсону доставляло огромное удовольствие слушать их рассказы. Часто он заливался самым настоящим юношеским смехом. Казалось, что Джейсон даже помолодел, общаясь с девочками. Его собственный сын делился с ним крайне мало, в эмоциях был сдержан и часто отсутствовал из-за занятий спортом: Джефф занимался американским футболом.

Немного об американском футболе. Это прямо-таки краеугольный камень любой американской школы. Кажется, что вся жизнь вращается именно вокруг него. В школе не ценят ни умников, ни отличников, и только в одном случае всеобщая слава и признание становятся доступны – если ты звезда американского футбола!

Битвы команд между школами, такими, в какой училась Ирина, по накалу страстей вполне сопоставимы с чемпионатом мира, скажем, по хоккею. Игры происходят на школьном стадионе, который ничем не уступает спортивному сооружению мирового уровня. Многочисленные зрительские трибуны заполнены битком на каждой игре. Приходят не только школьники. На такие игры приходят семьями, особенно если сын играет в команде. Вся огромная толпа зрителей гро-

могласно ликует каждый раз, когда родная команда забивает гол или совершает удачный тачдаун.

Во время перерывов матча на стадион выбегает полуобнажённая женская команда поддержки – это первые красавицы школы, снискавшие такую же известность, как сами футболисты.

Хочешь быть крутым? Что ж! Рискни стать звездой американского футбола своей школы! Если тебе хватит смелости, конечно. Ведь американский футбол – занятие не из безобидных. Это очень жёсткая, подчас беспощадная игра. Однако зрительские ряды предпочитают не замечать этого факта и взрываются бурными овациями, в то время как молодые парни на арене не играют, а бьются, подобно толпе разъярённых быков.

Ирине очень не нравилась эта жестокая игра, однако ничего не поделаешь – для того, чтобы сблизиться с американцами, ей приходилось регулярно посещать школьные футбольные матчи.

Итак, Ребекка появлялась на кухне крайне редко, а потому процесс приготовления ужина часто превращался в дружеские посиделки Джейсона, Ирины и Ханны. Основным блюдом их вечернего меню стали спагетти с мясным соусом. Чего уж проще: поджарил готовый фарш из пакетика на сковороде, потом добавил в него готовый соус из баночки, отдельно отварил спагетти, перемешал всё вместе – и готово!

Иногда они добавляли к этому блюду размороженную кукурузу или горох: ставили на пару минут в микроволновку – и тоже готово.

Для каждого из них главным было не приготовить еду, а хорошо провести время: посмеяться, пошутить друг над другом, послушать чужие истории, поэтому они никогда особо не возились на кухне, а готовили по принципу «что бы такое сварганить побыстрее».

Стоило ли удивляться, что холодильник ломился от полуфабрикатов? Ирину удивляло только одно: как Ребекка, работая в клинике и страдая от лишнего веса, упорно продолжала не обращать внимания на меню семьи? По какой-то причине ей было абсолютно наплевать, что ест её муж и её дети. Ирина ни разу не видела, чтобы кто-нибудь хоть однажды воспользовался духовкой. Зато микроволновка была постоянно в ходу! И это при том, что утром вся семья питалась хлопьями с молоком и тостами, а на обед в ход шли бутерброды.

Ещё одним убийственным для Ирины фактором в этой семье был катастрофический беспорядок. Помимо маленьких детей, которые постоянно что-то пачкали и портили в доме, у Зальтц была собака. Не маленькая и безобидная – с такой Ирина ещё бы могла смириться, – а огромный, доходивший ей почти до пояса чёрный дог.

На задний двор дома, где держали пса, вели стеклянные раздвижные двери, которые открывались прямо из малень-

кой тесной кухни. Пёс постоянно вставал на задние лапы и отчаянно скрёбся в стекло, чтобы его пустили внутрь. От этого пыльная стеклянная дверь выглядела ужасающе – с чёрными земляными разводами от больших собачьих лап. За всё то время, что Ирина прожила в семье Зальтц, она не видела, чтобы дверь хоть раз мыли. Но хуже всего было то, что на просьбы пса впустить его в дом отзывались довольно часто: открывали дверь и впускали его в кухню. В такие моменты Ирина брезгливо жалась в угол, чтобы он ненароком не уткнулся ей в колени. Это суетливое, почти паническое движение девушки всегда вызывало хохот Джейсона – он считал, что Ирина боится собаку, и всячески убеждал её, что пёс безобиден. Объяснять американцу своё отношение к пребыванию собаки внутри дома, и тем более в кухне, девушка не собиралась.

Однако, несмотря на грязь и отвратительное питание, Ирина была полна оптимизма – ведь она верила, что задержится здесь ненадолго.

Но время шло, а Элисон не звонила.

Через две недели Ирине стало казаться, что о ней забыли. Она хотела было предложить Джейсону связаться с координатором, но та неожиданно объявилась сама.

Где-то часа в четыре, когда Ирина была дома одна, Элисон позвонила на домашний телефон и предложила встретиться в кафе на следующий день.

– Только у меня к тебе большая просьба: не говори Ханне, что идёшь на встречу со мной – она не переживёт такого удара.

Ирина согласилась. Они с Джейсоном придумали какую-то правдоподобную версию для Ханны, и на следующий день Ирина оказалась с Элисон тет-а-тет.

– Ну, как поживаешь? – как ни в чём не бывало начала миссис Бретт.

Ирина опешила. Она никак не ожидала подобного вопроса, ведь сама Элисон убедила её в том, что она задержится у Зальтц ненадолго, а теперь вела себя так, будто у Ирины всё хорошо и проблема с постоянной семьёй уже решена.

– Да вот, всё жду, когда меня перевезут в постоянную семью, – помолчав, ответила девушка.

– Да-да, Ирина, как раз об этом я и хотела поговорить, – с некой суетливостью, переменив тон разговора, продолжила Элисон. – Видишь ли, разгар учебного года, я никак не могу найти тебе подходящую семью.

Ирина не совсем понимала, какая связь между разгаром учебного года и поиском семьи, поэтому продолжала смотреть на Элисон с недоверием.

– Но мне показалось, что ты прекрасно поладила с семьёй Зальтц! По крайней мере, Джейсон убеждал меня в этом неоднократно!

«Ах, вот, оказывается, как! Я жду от тебя звонка, а ты втихомолку беседуешь с Джейсоном, и тот поёт тебе радужные

песни о нашей счастливой жизни? А меня ты спросила? И Джейсон тоже хорош: хоть бы раз упомянул свои разговорчики с Элисон!» – Ирина была в ярости и еле сдерживала себя, чтобы не нарушить приличия.

– Да, у нас неплохие отношения с Джейсоном, но с Ханной просто невозможно жить в одной комнате. Она со своим пессимизмом меня в гроб вгонит, – как можно спокойнее проговорила Ирина.

– Да, Ханна – совсем не подарок, согласна, – кивнула Элисон.

– И вы же сами говорили, что мы не можем по условиям программы жить в одной семье.

– Да, говорила. – Было видно, что миссис Бретт что-то недоговаривает. – Но пока другого выхода нет, и я искренне надеялась, что ты будешь рада пожить подольше в этой семье.

Внезапно в памяти Ирины вспыхнула картинка: горы постельного белья в узком проходе дома. По субботам Ребекка начинала было предпринимать шаги по уборке, но очень быстро её силы истощались, и она в изнеможении падала на кровать. За это короткое время она успевала снять постельное бельё с кроватей и выбросить его в коридор. Новые силы возвращались к ней лишь к вечеру, а зачастую только на следующий день, так что горы грязного постельного белья громоздились по краям узкого коридора непростительно долго.

– Миссис Бретт, если вы хотите знать моё мнение, то мне

НЕ нравится эта семья и я НЕ хотела бы остаться в ней до конца года, – в голосе Ирины прозвучала неожиданная твёрдость.

– Хорошо, Ирина, я поняла. Это твоё право. Я просто надеялась, что тебе там понравилось. Честно говоря, Ханна давно просила меня перевезти её из этой семьи. И я подумала, может, тогда я перевезу от них Ханну, а ты останешься... – в глазах Элисон читалась почти мольба.

Ирина устала на координатора в немом удивлении.

Теперь девушка поняла, что Элисон с самого начала не собиралась искать для неё семью. Она хотела пристроить Ирину у Зальтц и вывезти оттуда сварливую польку, которая давно прожужжала ей все уши про вечную грязь в доме и некачественную еду. В глубине души Ирина почувствовала глухой удар, будто её предали, обманули. Находясь вдалеке от родного дома и не имея защиты родителей, она полностью зависела от воли координатора и хотела ей верить. Но теперь Ирина видела, что та лишь пытается решить собственные проблемы и сделать так, как ей самой будет легче, на чувства же подростков ей откровенно наплевать.

Осознав всё это, Ирина ощутила головокружение – будто стремительно падает вниз, потеряв почву под ногами и не зная, насколько далеко под ней снова окажется земля.

Некоторое время она была не в состоянии говорить, но потом всё же взяла себя в руки.

– Миссис Бретт, мы договаривались с вами о том, что вы

подыщите мне другую семью. Я не желаю оставаться в этом доме. – Эти слова Ирина произнесла громко и уверенно, глядя Элисон в глаза и давая понять, что не собирается уступать.

Элисон тут же поменялась в лице. Будто перестала играть, сняла ставшую ненужной фальшивую маску.

– Договорились. – Её голос стал нарочито серьёзным и несколько угрожающим. – Но предупреждаю, поиск займёт какое-то время. Будь готова к тому, что тебе придётся остаться у Зальтц ещё пару-тройку недель. И прошу тебя – не говори Ханне, что мы встречались. Поверь, от этого будет хуже и тебе, и мне.

Домой Ирина пришла в дурном настроении. Ей не хотелось видеть ни Джейсона, игравшего в игры за её спиной, ни Ханну, которой придётся врать о причине своего отсутствия.

Но ей повезло. У Джейсона в этот день была ночная смена, и он спешно собирался на работу.

Джейсон работал в складских ангарах: перевозил на погрузчике упаковки с товаром. График его варьировался, и часто он работал в ночную. Так было и на этот раз. Ханна же, видя, что Ирина не в духе, не стала лезть к ней с расспросами.

«Что же делать? – думала Ирина, лёжа в своей постели. – Нельзя больше жить, будто на перевалочной станции. Невозможно продолжать ежедневно ждать чуда. Надо как-то упо-

рядочить жизнь и на этом месте».

Ханна, например, работала – сидела с детьми. В Америке это широко распространённая практика. Почему? Потому что по закону родители не могут оставить своих маленьких детей одних дома. Даже на час. Даже если одному из них уже одиннадцать, а второму, скажем, три. И только 14-летний подросток имеет право присмотреть за младшими детьми. Поэтому спрос на подобные услуги всегда существует. Подростки постоянно подрабатывают, получая таким образом карманные деньги – примерно около четырёх с половиной долларов в час.

Ирина тоже решила, что попросит Джейсона помочь ей найти работу. По крайней мере, таким образом она сможет сократить время нахождения в доме.

На следующее утро Ирина поговорила с Джейсоном и Ребеккой, и те пообещали поспрашивать своих знакомых, не нужны ли им услуги Ирины. Так, Ханна регулярно сидела с детьми женщины, которая работала директором по маркетингу в клинике Ребекки.

Помимо этого, Джейсон предложил разместить объявление в местной газете.

Ирина загорелась новой надеждой. Для неё это было целым событием, и ей не терпелось попробовать заработать свои первые деньги.

Прошло несколько дней после подачи объявления в газете. Наконец, раздался первый телефонный звонок. Звонил

пожилой мужчина и просил об уборке дома. Джейсон обсудил с ним детали и сказал Ирине, что предложение неплохое и рассмотреть его стоит.

На следующий день они поехали по указанному адресу.

В доме жил глубокий старик. Когда Ирина вошла, ей сразу захотелось чихнуть: так много пыли скопилось в воздухе старого, неухоженного дома. Вся гостиная, в которой они оказались, была до отказа забита ветхими, никому не нужными вещами. Старик проложил между ними тропинки и передвигался по дому, как по некоему лабиринту. Было видно, что не убирали здесь давно.

– Ну как, Ирина, ты согласна поработать в этом доме? – спросил Джейсон.

– Да-а-а... Работы здесь невпроворот, – озадаченно ответила Ирина, оглядывая заваленное хламом пространство.

– Ну, ты совсем не обязана убирать здесь всё целиком, – успокоил её Джейсон. – Мы ведь договорились на два часа и обсудили основные работы, так что не пытайся тут мир спасать, просто выполняй то, о чём был уговор. – Джейсон ободряюще подмигнул.

– Хорошо, – согласилась успокоенная Ирина.

Джейсон ещё немного поговорил с хозяином и уехал ровно на два часа.

Уборка не была внове для Ирины. В России ей не раз приходилось убирать квартиру в одиночку, поэтому она переделась, засучила рукава и начала борьбу с пылью и грязью,

которые, как видно, копились здесь годами.

Старик был неразговорчив. Это радовало Ирину и упрощало её работу. Два часа пролетели незаметно, однако Ирина почувствовала отчётливую боль в спине.

«Всё-таки деньги зарабатывать – это тебе не на диване лежать!» – усмехнулась она про себя.

И вот в своей ладони Ирина сжимала первые заработанные в своей жизни деньги. Судьбе было угодно, чтобы это оказались доллары.

– Поздравляю! – торжественно произнёс подъехавший Джейсон. – Ну, как всё прошло?

– Хорошо, – сказала сияющая Ирина. – Буду приходить к нему раз в неделю по четвергам. Сегодня, конечно, было трудновато, но думаю, что каждый следующий раз будет легче.

Через пару дней знакомые знакомых Ребекки нашли для Ирины работу: нужно было три часа приглядывать за пятилетним мальчишкой.

Безотказный Джейсон вновь повёз Ирину по нужному адресу.

Дом находился на окраине Медфорда и был выстроен на склоне высокого холма. Пикап Джейсона с усилием пытался, пытаясь взять нужную высоту.

– Вот это они забрались! – прокомментировала Ирина.

Дорога по склону вела к единственному коттеджу, который здесь находился. А значит, владельцы дома проложили

её за свой собственный счёт. Дорога была узкой, слишком крутой, а потому – очень неудобной. В конце она упиралась в огромные железные ворота, которые были накрепко заперты.

После звонка показалась хозяйка и впустила машину Джейсона внутрь.

Семья была состоятельной. Это читалось в каждой детали двора и дома. Однако на рассмотрение местных красот времени не было – хозяйка, она же мама ребёнка, очень торопилась. Женщина поспешно пригласила гостей в дом, наскоро познакомила Ирину со своим пятилетним сынишкой и исчезла.

Джейсон последовал за ней.

Мальчишку звали Боб. Это был симпатичный мальчик со светлыми, красиво подстриженными, аккуратно расчесанными волосами и небесно-голубыми глазами.

Как только Ирина увидела его, она выдохнула с облегчением: «Ну, уж с таким-то ангелочком три часа пролетят весело!»

Однако стоило только машинам скрыться за поворотом, ангелочка точно подменили. Извергая нечеловеческие звуки, он вдруг начал носиться вокруг Ирины со скоростью взбесившейся собаки.

Ирина пыталась ему что-то сказать, отвлечь игрой, но всё было бесполезно. Мальчишка действовал так, будто хотел досадить ей как можно больше: прыгал на диване, кидался

подушками, разбрасывал игрушки и называл её обидными прозвищами.

Всё, что бы Боб ни делал, он делал слишком быстро и резко.

Тогда Ирина ещё ничего не знала о гиперактивных детях, каким, очевидно, и был этот мальчик, а потому её сильно шокировало его поведение.

Девушка безрадостно поглядывала на часы – время безнадёжно застыло на месте.

Больше всего Ирина опасалась, что мальчик свернёт себе шею или получит какую-нибудь другую травму за время отсутствия родителей, а в этом случае она совсем не знала, что делать. Наблюдая за бешеными движениями мальчишки, Ирина думала об одном: как мать, зная характер своего сына, может вот так запросто оставить его с незнакомым человеком? Неужели она нисколько не переживает за возможные последствия?

Наконец попытка закончилась – во дворе послышался шум открывающихся ворот.

Боб тут же соскочил с дивана, наспех поправил растрёпанные волосы и уселся перед телевизором, как подобает мальчику-паиньке. По всему было видно, что он проделывал подобную процедуру не единожды.

От всего происходящего Ирина на минуту лишилась дара речи. Она поспешно подобрала с пола игрушки, разбросанные подушки и, обалдевшая, присела на диван. Её больше

не интересовал ни очаровательный вид из окна, откуда весь город был виден как на ладони, ни дорогая мебель хозяев, ни красивый, разбитый под окнами сад. Единственная мысль, которая завладела ей совершенно, была: никогда и ни за что больше не оставаться с этим бешеным ребёнком наедине.

После этого опыта Ирина задумалась над тем, насколько сильно она хотела бы зарабатывать деньги, сидя с детьми. Теперь она знала, что дети бывают настоящими монстрами, а потому не торопилась давать согласие на родительские просьбы и старалась предварительно выяснить, каков у ребёнка характер.

Между тем дни текли незаметно, Элисон долго не объявлялась, но вот однажды в доме снова раздался телефонный звонок.

– Алло, Ирина? Здравствуй. У меня для тебя хорошие новости. Мы можем поговорить в машине? Я буду у вашего дома минут через десять, – бодрый голос Элисон звучал многообещающе.

– Конечно, – ответила Ирина, надеясь, что теперь вопрос с семьёй будет наконец-то разрешён.

Через десять минут Ирина сидела в машине вместе с миссис Бретт.

– Ирина, я очень рада! Мне наконец-то удалось найти тебе подходящую семью, – Элисон улыбалась. – Только – предупреждаю – есть одно НО!

– И какое же? – Ирина напряглась, прекрасно понимая, что сюрпризов в новой семье может оказаться «хоть отбавляй».

– Они живут на ранчо, за городом... И у них двое маленьких детей: два и четыре года.

Совмещённые вместе два фактора – «маленькие дети» и «ранчо» показались Ирине ужасающими. Перед глазами промелькнула страшная картина: остаток года она сидит взаперти, на удалённом ранчо в окружении сопливых малышей, готовых прыгать ей на голову.

– Нет-нет-нет! – Она отрицательно замотала головой, прогоняя видение. – У меня есть дела в Медфорде! Я не хочу опять быть запертой где-то за городом, отрезанной от друзей и городской жизни. Я не поеду!

Элисон понимающе кивнула.

– Ирина, конечно, это твой выбор, но ты должна осознать, что я не могу вечно искать тебе семью. Я и так потратила на это несколько недель. Если ты не согласна, я предложу эту семью Ханне.

– Как вам будет угодно, Элисон, – согласилась Ирина.

– Но тогда ты останешься в семье Зальтц до конца года... – медленно проговорила Элисон, как бы стараясь донести до сознания Ирины важную мысль.

На минуту Ирина засомневалась, взвешивая за и против, а потом уверенно заявила:

– В таком случае лучше жить у Джейсона, чем на ранчо с

детьми. Джейсон, по крайней мере, точно не заставляет нас возиться с малышами.

– Что ж, на том и порешили. Позови, пожалуйста, Ханну. – Элисон тряхнула головой.

Разговор с Ханной был коротким – полька выскочила из машины, как ужаленная, хорошенько хлопнув на прощание дверцей.

Потом громынула и парадная дверь.

– Нет, ну надо же быть такой дурой! Вместо одного сарая предлагать другой, только ещё и за городом, в чистом поле! – Ханна была вне себя от злости. – А я-то, наивная, надеялась, что она вытащит меня из этой дыры! – Далее последовали ругательства на польском. – Постой, она и тебе предлагала этот вариант? – внезапная догадка огорошила польку.

Ханна повернулась к Ирине – та сидела теперь на диване и задумчиво смотрела в окно.

– Да, я ведь вроде как нелегально здесь живу, вот она и предложила новую семью сначала мне, – безразлично ответила Ирина.

– Ах вот, значит, как?! А когда ты отказалась, она решила всучить эту семью мне??? Я, что, похожа на идиотку? – глаза польки яростно сверкали.

Ханна ещё долго извергала праведный гнев, и даже пошла звонить матери во Францию, та переехала туда из Польши на заработки.

На улице похолодало. Наступил декабрь.

Урок 10.

*Если ситуация зависла и ничего не меняется, стоит предпринять какое угодно **ДЕЙСТВИЕ**: любой шаг вперёд принесёт новую струю энергии.*

Глава 11. Wow! Yay!

Время шло, Иринин английский становился всё более уверенным и разнообразным, а акцент всё более смягчался. Но чем больше она погружалась в глубины языка, находила красивые обороты и образные выражения, тем больше её удивляла та скудость английского, с которой она ежедневно сталкивалась в среде ровесников.

Уже через месяц пребывания в Штатах ей стало ясно, что для выражения всей гаммы человеческих эмоций обычному подростку достаточно всего пяти слов: wow – «супер», cool – «класс, круто», sucks – «отстой», yuck – «фу, гадость», fun – «здорово».

И всё! Можно не учить сложные выверты и заумные речевые обороты. Понимаешь немного смысл того, о чём говорит собеседник, вставляешь вовремя нужное слово с правильным эмоциональным окрасом – и ты в доску свой! Cool! И париться не надо!

Не это ли наблюдаем мы в России сегодня (или уже около десяти лет?), когда родной язык стал схлапываться у моло-

дых людей от мелкого «круто» до бесцветного «отстой»?

Но в том далёком, 94-м году Ирина видела большущую разницу между речью русских и американских сверстников и понимала, что народ, который сужает свой язык до пяти слов, вряд ли можно назвать продвинутым и развитым. Дома её друзья говорили гораздо интереснее, сложнее, неосознанно разукрашивая свою речь образными метафорами, неожиданными сравнениями, поговорками...

Друзья... только вдали от всего, что тебе дорого, начинаешь понимать истинную цену возможности встретиться с человеком, который способен тебя понять. Истинную цену возможности выговориться близкому человеку.

Каждое письмо, которое Ирина получала из России, она берегла, как сокровище, которое невидимыми нитями соединяло её с домом – местом, где её понимали.

Ирина всегда любила читать, а поскольку излить душу было некому, то, достигнув определённого языкового уровня, она решила прочитать самую важную книгу американской литературы. Какую? Она справедливо рассудила, что на этот вопрос правильно ответить смогут только сами американцы. Поэтому однажды во время перемены она подошла к мистру Нельсону, директору бизнес-школы.

– Мистер Нельсон, скажите, пожалуйста, какую бы американскую книгу вы посоветовали мне прочитать? – обратилась Ирина к любимому преподавателю, которому доверяла.

– А какие книги ты любишь? – задал Майк встречный во-

прос.

– Нет, вы меня не совсем поняли, – смутилась Ирина. – Я хочу прочитать лучшее, ну, или одно из лучших произведений американской литературы. Какая это книга? Есть у вас произведение, которое отражает дух страны, её суть, характеры её людей?

– Ах, вот ты о чём, – теперь почему-то смутился преподаватель. – Ты знаешь, я не задумывался над этим вопросом, поэтому не могу вот так сразу на него ответить.

У Ирины округлились глаза. Ей казалось, что вопрос – один из самых простецких. В России, пожалуй, она не задумываясь ответила бы: Л.Н. Толстой «Война и мир». Может, отправила бы к Достоевскому или Пушкину, но точно не краснела бы в неловком напряжении, почёсывая затылок. А тут человек с высшим образованием, преподаватель, пусть не литературы, но всё же, не мог ответить на пустяковый вопрос.

Раздался спасительный звонок, и Майк устремился на учительское место, оставляя вопрос висеть в воздухе.

Этот показательный эпизод заставил Ирину по-другому взглянуть на американское образование в целом. До этого момента ей очень нравился тот факт, что в расписании школьников присутствовали практические предметы, польза от которых ощущалась не завтра, не через год или годы, а сразу же. Примеров можно было привести множество, вот

только некоторые из них:

1. Метод слепого набора на клавиатуре – жизненно необходимый навык, если вы работаете с компьютером и текстами (а кто сегодня с ними не работает?). Самостоятельно его приобрести довольно сложно: надо себя дисциплинировать, заставлять, мотивировать. А в школе – милое дело. Программа отлаженная, задания дают, проверяют, и всё бесплатно (!).

2. Вождение автомобиля. Да-да! Каждый подросток получает права* в школе. И опять – как удобно! Обычный школьный предмет, ездить никуда дополнительно не надо, процесс организован, экзамены примут. Всё бесплатно!

3. Курс газосварки. Можно долго смеяться, крутить пальцем у виска, не понимая – зачем подростку подобный курс. Но американцы идут на него с энтузиазмом, понимая, что это, по сути, готовая профессия. Ирина познакомилась с одной девушкой, среди предметов которой был и этот. На вопрос: «Зачем?» – девушка в ковбойских сапогах и потёртой широкополой шляпе недоумённо пожала плечами и сказала: «Просто нравится. И может сильно пригодиться в жизни. Я живу на ранчо за городом. Мне нравится такая жизнь. А она в корне отличается от городской. Там сварка часто бывает нужна».

4. Бизнес-школа. Знакомит с широким кругом экономических понятий, а также даёт ряд практических навыков, которые могут пригодиться при организации малого бизнеса.

5. Бодибилдинг/спорт. В Америке нет размытого понятия «физкультура». Спорт там очень конкретен. Поэтому в списке предметов ты выбираешь название спорта, каким будешь заниматься. Можно выбрать занятия в тренажёрном зале, а можно заняться баскетболом. Каждая школа предлагает свою спортивную специализацию. Но в любом случае школьные занятия спортом дают конкретные результаты.

Что же касается классического образования: литературы, математики, географии, химии и прочих предметов, без которых невозможно представить российскую школу, здесь у американцев откровенные пробелы.

Знания, которые предлагаются, очень поверхностны, и зачастую вызывали у Ирины смех сквозь слёзы. На уроке математики, например, выпускники пыхтели над смешными уравнениями, с которыми в России справился бы любой девятиклассник. А на уроке литературы самого высокого уровня, который включали в свой набор предметов выпускники, готовившиеся к поступлению в колледж, весь год изучали одно произведение – «Приключения Гекльберри Финна». По одной главе из книги читали вслух на уроке, а на дом

задавали прочитать следующую и ответить на ряд вопросов по содержанию прочитанных глав. Ирина просто не могла без смеха смотреть, как восемнадцатилетние парни читают вслух роман Марка Твена. Это больше смахивало на анекдот. Тогда как о нормальных сочинениях, где бы предлагалось осмыслить произведение, описать характеры героев, привести аналогии, – даже и речи не шло. Здесь о подобных заданиях и слыхом не слыхивали.

А однажды произошёл вообще комичный случай. В бизнес-школе на уроке английского мистер Ди задал написать небольшую работу. Слово «сочинение» здесь совсем отсутствует как категория задания. Так вот, он задал написать страницу-полторы о том, как можно самостоятельно подготовиться к поступлению в колледж.

Дома Ирина увлеклась и написала на эту тему довольно объёмное сочинение. Сочинение рождалось у неё на русском языке, она попутно его переводила, а те слова, которые не знала, тут же смотрела в словаре и выписывала.

Надо было видеть лицо преподавателя, когда он на следующий день проверил листки с заданием! Он подозвал Ирину к себе и сказал, что НИ РАЗУ в своей преподавательской практике не встречал такой «сильной, глубокой работы, с ярко выраженным стилем и богатым словарным запасом».

Это признание до глубины души поразило Ирину! Как, скажите пожалуйста, неноситель языка может соревноваться в изложении своих мыслей на английском языке с американ-

цами?! Это был просто нонсенс. Это могло означать только одно: никаких мыслей в написанных американскими учениками работах просто не было. Школьников не учили осмысливать получаемую информацию, а давали задания на голое воспроизведение определённых фактов. И как с таким образованием, скажите, возможно стать изобретателем? Талантливым писателем? Большим учёным? Да просто человеком, способным думать? Это НЕВОЗМОЖНО.

После этого случая мистер Ди проникся к России глубоким уважением, хотя ранее совсем не проявлял интереса к далёкой стране.

Но вернёмся к Майку Нельсону, которого Ирина озадачила своим вопросом про книгу. Подумав ночь, а может, и посоветовавшись с кем-то ещё, Майк подошёл к Ирине на следующее утро.

– Ирина, я нашёл ответ на твой коварный вопрос. Если ты хочешь узнать об Америке, то прочитай книгу *Tokill a mockingbird* («Убить пересмешника» Харпер Ли). – На его лице сияла довольная улыбка, будто он разрешил сложную дилемму. – Вот возьми, у меня оказался дома экземпляр.

В России Ирина училась в одной из сильнейших гимназий города, и у неё даже был предмет «американская литература», но ни об этой книге, ни об этой писательнице Ирина никогда не слышала. Этот факт её заинтриговал. Как же так – такая важная книга в глазах американца и осталась незаме-

ченной для профессиональных преподавателей, какими она считала своих любимых литераторов?!

Книга оказалась не простой для прочтения, однако Ирине не понравилась. В ней много говорилось о расизме, об особенностях жизни семей чёрной расы, однако для Ирины эти темы оставались абсолютно абстрактными. В южном Орегоне и в самом Медфорде афроамериканцев не было. В огромной школе на полторы тысячи человек учился только один парень, который был чёрным. Он был настоящей экзотикой в здешних краях. Более того, в 94-м в Медфорде и мексиканцев-то практически не было. Так что Ирина искренне не понимала, почему Майк решил, что она должна была прочитать именно эту книгу.

В общем, в обмене культурами не всегда присутствовала гармония, а иногда происходящее и вовсе напоминало юмореску.

Однажды Майк предложил Ирине устроить день русской культуры. Для этого девушка должна была приготовить сладкое русское блюдо и подготовить небольшой рассказ о России. После выступления ей предлагалось ответить на вопросы ребят, а потом планировалось совместное поедание сладостей (чаепитием это мероприятие назвать было нельзя – ведь американцы не пьют горячий чай).

Для такого события Майк собирался пожертвовать двумя последними уроками в бизнес-школе.

Всем в классе такая идея понравилась. Решили, что и ре-

бьята принесут какие-нибудь вкусности. И всё бы ничего, но Ирине захотелось приготовить что-нибудь эдакое. Все домашние рецепты, с которыми она была знакома, казались не совсем хороши, поэтому на торжественный случай она запаслась отменным, как она считала, рецептом своей близкой подруги детства. Это был рецепт пирога с лимоном. Она никогда не пробовала его прежде, но верила, что подруга не подведёт.

И вот в назначенный день она пришла в школу с огромным лимонным пирогом, который занимал целый лист из духового шкафа.

Ребята организовали для Ирины импровизированную трибуну, расставили стулья полукругом в несколько рядов – и она начала говорить.

Поначалу это было трудно. Она смотрела на улыбающиеся американские лица и чувствовала, что не знает, как рассказать им о разности двух столь полярных культур.

С одной стороны, Ирина не хотела, чтобы у них сложилось неверное впечатление о России, ведь, кроме как о медведях, разгуливающих по улицам городов, они не имели о её родине никаких представлений. Ирина выступала теперь единственным живым источником хоть какой-то информации о далёкой и чуждой для них стране.

С другой стороны, она боялась задеть чувства американских сверстников, проводя те или иные сравнения не в их пользу. Одним словом, задача была не из лёгких.

Однако с каждой минутой Ирине становилось легче. На ум стали приходить забавные истории, вызывавшие сначала хохот ребят, а потом их искреннее любопытство.

После выступления на неё обрушился шквал вопросов, на которые она еле успевала отвечать, чувствуя себя подобно известной персоне, принимающей участие в пресс-конференции с журналистами.

Наконец вопросы закончились, и она, раскрасневшись от напряжения и смеха, устремилась к столу со сладостями, вокруг которого, словно пчёлы, уже гудели проголодавшиеся школьники. Первым делом она взяла кусок своего лимонного пирога, откусила кусочек и... чуть не выплюнула его обратно на блюдо – он оказался невозможно кислым.

Ей захотелось провалиться сквозь землю: нечего сказать, принесла лучшее русское блюдо! Ребята откусывали, и с ними происходило почти то же самое: их лица корёжило, кто-то сгибался пополам от неожиданности, а потом все дружно бежали к мусорке. В классе стоял не хохот, а гогот.

Что поделаешь – и такой обмен культурными ценностями иногда получался.

*Вернее сказать, школьники получают не права, а первый документ, который позволяет им водить автомобиль. В Америке существует ступенчатая система получения настоящих прав. Она может отличаться от штата к штату, но суть её сводится примерно к следующему. В 15 лет после сда-

чи вождения и экзамена на знание ПДД подросток получает Learner's Permit (ученическое разрешение), которое позволяет ему водить автомобиль только в сопровождении взрослого. В 16 лет после дополнительных экзаменов этот документ заменяют на Provisional License (временное удостоверение). Это права с рядом ограничений. Например, первые шесть месяцев юный водитель не имеет права возить в машине ровесников, зато может водить машину уже без сопровождения взрослого. Настоящее водительское удостоверение в случае отсутствия правонарушений получают в 18 лет.

Урок 11.

Русский язык, русская школа, русская литература и русская культура в целом – ПРЕКРАСНЫ!

Глава 12. Волшебный дом

Однажды, когда Ирина делала домашнее задание, в доме Зальтц раздался телефонный звонок. Подождав немного и убедившись, что никто не собирается снимать трубку, она побрела на кухню.

– Алло, – устало произнесла девушка.

– Привет! – бодро ответил ей незнакомый женский голос. – Не могла бы ты пригласить к телефону Ханну?

Ирина на всякий случай крикнула Ханну, но та не отозвалась: ещё в школе они с девушкой из Бельгии собирались

сходить в кино.

– Ханна нет дома, – сообщила Ирина незнакомке.

– А когда она будет? – голос звучал обеспокоенно.

– Понятия не имею, но если мне не изменяет память, то она ушла с подругой в кино, – безразлично ответила Ирина.

– Как некстати! – сокрушалась женщина. – Что же мне делать?

Ирина понятия не имела, что делать какой-то незнакомой женщине, и удивлялась – зачем той вдруг понадобилась полька.

– Послушай, Ирина, – внезапно продолжила незнакомка. – Тебя ведь Ирина зовут?

– Да, – ответила Ирина.

– Пожалуйста, выручи меня. Меня зовут Линда Лефиве. Ханна часто сидит с моими детьми. Мы работаем с Ребеккой в одной клинике. Нам с мужем надо срочно уехать на важное мероприятие. Остаься с детьми на три часа. Дома маленькие Кевин и Майки, а через два часа придёт 13-летний Брендон, и тебе будет совсем просто.

Тут только до Ирины дошло, с кем она разговаривает. Конечно, она знала, кто такая Линда Лефиве. Эта женщина входила в руководящий состав клиники, и Ребекка всегда отзывалась о ней с уважением. Кроме того, и Ханна, и Ребекка часто восторгались богатым домом Линды, который семья Лефиве построила совсем недавно.

– Хорошо, – сразу оживилась Ирина. Ей и самой хоте-

лось полюбоваться на роскошный новый дом в состоятельном квартале Медфорда. – Только вот дома никого, кроме меня, нет. Ребекка ещё не подъехала.

– Не волнуйся, я сообщу Ребекке, что попросила тебя об услуге. Пожалуйста, будь готова через 15 минут. Я подберу тебя у дома.

Через 15 минут к дому Зальтц подъехал ярко-синий блестящий новенький фورد. За рулём сидела красивая, элегантно одетая женщина. На вид ей было лет 35. Короткие тёмно-каштановые волосы, завитые в крупные локоны, обрамляли худощавое, чуть вытянутое лицо, на котором подчёркнуто выделялись высокие скулы и большие карие глаза. Яркая помада придавала лицу завершённость и редкую утончённость. Женщина приветливо улыбалась.

– Я – Линда, – просто сказала она. – Будем знакомы.

Машина бесшумно заскользила по дороге. После пары вопросов Линда замолчала – она была явно чем-то озабочена и не хотела говорить.

Вскоре они уже петляли по дорожному кварталу. Ирина с любопытством смотрела по сторонам. Здесь ей бывать не доводилось. Видно было, что дома построили не так давно и что в них живут состоятельные владельцы: почти у каждого дома красовался идеальный газон, гаражи были часто на три машины, а если встречались припаркованные автомобили, то они так и сияли своей бессовестной дороговизной.

«Совсем не чета джейсоновскому старенькому пикапу и

старомодному универсалу Ребекки», – подумала со вздохом Ирина.

Вечерело, окна домов вспыхивали яркими пятнами одно за другим.

Наконец Линда остановилась перед огромным двухэтажным особняком.

У Ирины захватило дух. В надвигающейся темноте дом представился ей дрейфующим океанским лайнером: растянутый по горизонтали, разбитый на две части, одна из которых походила на капитанскую рубку, усеянный сверху донизу просторными окнами без занавесок и жалюзи, залитыми чистым сияющим светом, – он был словно вместилищем света, и свет являлся главным его украшением.

Особняк выглядел лёгким, прозрачным и одновременно величественным – будто каждая его деталь была строго на своём месте.

Ирина на минуту залюбовалась открывшимся ей зрелищем.

Уже позже, когда мгновение восторга миновало, она различила выступающий эркер по одну сторону дома и три чёрных провала встроенных гаражных ворот – по другую.

В опустившихся сумерках цвет стен Ирина не разглядела.

Линда с улыбкой посмотрела на Ирину и открыла перед ней дверь, пропустив девушку вперёд. Ирина шагнула внутрь с обжигающим сознание любопытством и тут же застыла. Озарённая светом «сказочная пещера» раскрывалась ввысь

гигантским воздушным пространством.

Ирина оказалась в прихожей. Потолка над головой не было, вернее он отступил куда-то высоко, под самую крышу. Ровные, устремившиеся к потолку стены обрамляли помещение неким полукругом и сияли невероятной белизной – такой, что Ирина прищурилась. Напротив двери, метра через два-три, начиналась полукруглая лестница, обитая белым ковролином, – ступеньки плавным изгибом уходили на второй этаж, теряясь за поворотом.

В просторной прихожей не было ничего – ни мебели, ни личных вещей, и только лакированный, цвета светлого дерева пол то и дело поблёскивал, придавая помещению торжественность и ощущение, что здесь иногда всё-таки ходят люди.

«А ведь это первый раз, когда я здесь, в Америке, вижу в доме прихожую», – подумала Ирина.

На лестнице появился статный мужчина около сорока. Он был одет и причёсан так же элегантно, как Линда. Мужчина спускался по ступенькам не спеша, с важностью и достоинством царственной особы. Ирина отметила про себя, что горделивая осанистая фигура мужчины отлично вписывается в утончённый интерьер дома. Короткие волосы с медным отливом, веснушчатое лицо, усы и густая, аккуратно подстриженная борода – из-за неё Ирина никак не могла понять выражение лица незнакомца.

– Здравствуй, Ирина, – донёсся до неё неторопливый

мужской бас. – Вот ты, значит, какая!

Что означала эта фраза, Ирина не поняла, но отнесла её к оценке своих способностей посидеть с маленькими детьми.

Незнакомец пристально разглядывал девушку, не скрывая своего любопытства.

– До-он, – протяжно обратилась к мужу Линда, – не пугай девочку с порога, а то она, чего доброго, сбежит от тебя, и тогда мы точно не сможем поехать на приём.

– Да я и не желаю на него ехать. Приём нужен тебе, а не мне, – спокойно парировал Дон и с показным безразличием сунул руки в карманы брюк.

Линда покачала головой, но спорить не стала.

– Ирина, проходи в столовую, я сейчас приведу детей, – повернулась она к девушке. – И, пожалуйста, не слушай Дона. Он у нас со странностями. Иногда произносит шутки, которые, кроме него, никто не понимает. Так что не принимай их на свой счёт.

Линда торопливо проводила Ирину в так называемую столовую – помещение с длинным овальным столом, которое с одной стороны плавно переходило в огромную, раскрывающуюся белым роскошным залом кухню, а с другой – в уютную гостиную, стены которой наполовину состояли из стекла.

Ирина поспешила осмотреться – вокруг царили красота и порядок.

На фоне чёрных с золотистым орнаментом обоев кухни

идеальные шкафчики белели той же немыслимой белизной, ослепившей Ирину с самого первого момента внутри дома. Среди точных геометрических линий шкафчиков девушке бросились в глаза два чёрных прямоугольника, застывших один над другим: это были две встроенные духовки – явление, которое Ирина тоже видела в американском доме впервые.

Две огромные раковины заняли место в углу – над ними хозяйка устроила большущие окна «в клеточку», сходившиеся в единой вертикальной линии, словно крылья огромной бабочки. В центре просторной кухни уместился внушительных размеров остров.

После тесной неряшливой кухни Ребекки, совершенно непродуманной и оборудованной кое-как, это был болезненный, непередаваемый словами контраст, придавивший Ирину невидимой тяжестью.

С трудом оторвавшись от открывшейся ей красоты, Ирина перевела взгляд на гостиную. Массивную кожаную мебель цвета грецкого ореха без лишней скромности можно было назвать «хозяйкой» в этой части помещения. Напротив неё, словно не решаясь подать голос, скромно расположилась миниатюрная стенка со встроенным телевизором. Старый буфет-дедушка из натурального дерева, наверняка доставшийся хозяевам от прадедов, служил своеобразной границей, по которой проходил раздел столовой и гостиной.

В огромном объединённом пространстве не было ничего

лишнего. Ни единая вещь здесь никоим образом не выдавала тот факт, что в доме живут маленькие дети. Как можно было совместить такой идеальный порядок и наличие троих детей – Ирина понять не могла.

Не успела она хорошенько поразмыслить на эту тему, как к ней подошёл Дон.

– Ну что, ты уже успела меня напугаться? – спросил он устрашающим тоном, округлив для большего эффекта глаза.

Ирина без стеснения посмотрела ему в лицо, а потом с улыбкой ответила:

– Да нет. Пока ничего страшного не вижу.

– Как же, а вдруг я возьму да и отколю какую-нибудь шуточку, – не унимался Дон.

Ирина на мгновение задумалась.

– Вы в самом деле думаете, что меня можно напугать шуткой? – спросила она, с любопытством разглядывая странного взрослого мужчину, который вёл себя, как пятнадцатилетний мальчишка.

– А ты в самом деле думаешь, что нет? – поднял брови Дон, словно удивляясь проявленной девушкой смелости.

Неожиданно он приблизился к ней вплотную и хоть с небольшой, но всё-таки силой толкнул плечом в бок.

Ирина остолбенела – она привыкла, что американцы приучены держать дистанцию. Дистанция в этой стране, словно неписанный закон, означала право на личную жизнь, независимость и свободу. Впервые за несколько месяцев она столк-

нулась с грубым нарушением знакомых ей приличий. Чего хотел от неё этот непонятный рыжий мужчина, которого она видела впервые?

Ирина смотрела в его хихикающие глазки и видела, что тот с любопытством ждёт от неё ответной реакции, будто проводит над ней известный лишь ему одному эксперимент. Как-то интуитивно она поняла, что мужчина неопасен и просто играет, – подошла и так же плечом с силой толкнула его в ответ.

– Вау! – рассмеялся Дон. – Какая ты смелая!

Он явно не ожидал такой реакции, но почему-то остался ею очень доволен.

– Ты опять со своими выходками?! – набросилась на него появившаяся Линда. – Ирина, не обращай внимания. Он у нас ненормальный. Вот мои сыновья. Это Майки – ему три с половиной года, а это Кевин – ему десять.

Майки был в точности похож на отца. Он стоял, недоверчиво глядя на новую няню и выпятив нижнюю губу. Кевин, наоборот, совсем не походил ни на Дона, ни на Линду. У него были прямые тёмные волосы, подстриженные в виде короткого мужского каре. В огромных голубых глазах читалось слишком большое любопытство.

– Привет, Ирина. Я Кевин. Я так рад с тобой познакомиться! – выпалил мальчик разом, широко улыбаясь.

– Ирина, ничего тебе не объясняю. Если что-то понадобится, спросишь у Кевина – он всё знает. А скоро и Брен-

дон вернётся, ему 13 лет. Всё, мы убежали, – протараторила Линда и, взяв Дона под руку, поспешила к выходу.

Супруги Лефиве уехали.

– А ты правда из России? – посыпались вопросы Кевина. – А как там живётся? А какой у тебя дом? А у тебя есть братья и сёстры?

И всё в таком духе.

Мальчишка оказался очень любопытным, однако и сам был не прочь поболтать – тут же рассказал Ирине смешные истории из жизни своей семьи и школы, от которых Ирина хохотала до упаду.

От Майки же нельзя было добиться ни слова. Он всем видом показывал Ирине, что он – в доме хозяин, а она – никто и что лучше бы ей поскорее отсюда убраться.

Брендон появился в доме через час. Он чем-то походил на Линду: волнистые тёмно-каштановые волосы, карие глаза и веснушчатое смешное лицо. Брендон стал строить из себя умника, пытаясь задавать коварные вопросы иностранке из далёкой «провинциальной» страны, но Ирина сразу его раскусила – до умника ему было далековато.

Три часа пролетели незаметно. Почти всё время они с мальчишками проболтали, а для Майки включили его любимый мультик.

Через три с половиной часа Ирина была уже дома, где её ждала раздосадованная Ханна.

– Какого чёрта ты отправилась к Лефиве? – набросилась

она на Ирину с порога.

– Что значит какого? Линда попросила, я и поехала, – ответила возмущённая выпадами польки Ирина.

– Разве ты не знаешь, что с детьми Линды сижу я? – бесилась Ханна.

– Прекрасно знаю. Но подскажи, где ты была в тот момент, когда я кричала тебе и звала тебя к телефону? – отразила атаку Ирина. – Или ты думаешь, они должны были перенести своё мероприятие в связи с тем, что ты решила посмотреть кино?

– Всё равно не надо было тебе ехать! Так не делают! Это предательство! – городила уже не весть что разозлённая полька.

– Слушай, Ханна, я не собираюсь отбирать у тебя хлеб. Сидела ты с детьми Лефиве, будешь сидеть и дальше. Я просто помогла Линде, когда тебя не оказалось рядом. И всё! – Ирина попыталась успокоить разволновавшуюся польку.

– Ну, ладно, посмотрим, – уже ровнее отозвалась та.

Время было позднее, и вскоре Ирина уже лежала в своей кровати, с восторгом вспоминая снежно-белые стены совершенно нереального дома, в котором жила семья со странной фамилией Лефиве.

Урок 12.

Иногда взрослые могут выкинуть неожиданный номер, но пасовать перед ними не стоит – ведь они ожида-

ют именно этого.

Глава 13. Путешествие в Вашингтон

Приближалась важная дата: 11 декабря.

На этот день у Ирины давно лежали билеты на самолёт до столицы США – Вашингтона. Согласно условиям программы, российские студенты должны были собраться все вместе в Вашингтоне по прошествии почти половины срока проживания в США.

Ирина уже давно ждала этой поездки. Ей не терпелось встретиться со сверстниками, которые оказались в такой же ситуации, как и она. Ей хотелось узнать о других семьях, о других штатах, да и просто пообщаться на родном языке, по которому она так соскучилась.

Перспектива целую неделю отдохнуть от общества польки тоже несказанно радовала.

И вот долгожданным утром 11 декабря, после раннего завтрака, Ирина в сопровождении Джейсона и Ханны отправилась в аэропорт.

– Повеселись там от души, девочка! – искренне радовался за неё Джейсон.

– Да, уж постарайся за нас двоих, – не забыла съязвить Ханна.

Она безумно завидовала Ирине. И никак не могла взять в толк, почему русских бесплатно везут в Вашингтон, хотя

они не заплатили за программу ни цента, а ей не предложили такой возможности даже за деньги.

Ирине не хотелось ничего говорить: мысленно она была уже в самолёте, готовая ко встрече с другими, такими же как она, русскими, которые теперь представлялись ей бесконечно родными.

Только сейчас, прощаясь с Джейсоном в аэропорту, Ирина вдруг поняла, насколько он был для неё чужим, чуждым человеком. При всём его добродушии и весёлом нраве этот американец оставался для неё бесконечно далёким, непонятным и, главное, неродным. И теперь его слова будто проваливались в лёгкую белую дымку, а сам он всё больше отступал на задний план Иринино сознания. И от этого Ирину переполняла необычайная радость.

Всё, последние прощальные взмахи рукой, и Ирина уже поднималась по трапу знакомого маленького самолёта.

«Свободна! – ликовала её душа. – Ура! Вперёд в Вашингтон!»

Короткий перелёт до Сан-Франциско, а потом затяжной воздушный вояж до самой столицы. Романтика!

Ирина успела полюбить аэропорты – эдакие загадочные перекрёстки человеческих путей. Там всегда можно было увидеть что-нибудь интересное: чьё-то необычное лицо, непременно хранящее судьбоносную тайну; смешную семейку с кучей цветных рюкзаков и детишек, весело тараторящую между собой о незначительных пустяках; выбивающуюся из

толпы мужскую фигуру с вызывающе модной стрижкой, потёртыми джинсами и большими бицепсами – одним словом, Ирине никогда не было скучно в аэропорту.

А в самолёте она с радостью оставалась один на один с книгой, и время пролетало для неё незаметно. Кроме того, Ирина уже знала, что во время длительных полётов в американских самолётах обычно показывают художественный фильм. Правда, во время её первого перелёта через Штаты она мало что поняла из увиденного кино – слишком непонятно звучала для неё американская речь. Теперь же она с нетерпением ждала, когда пассажирам предложат что-нибудь посмотреть. К великой радости Ирины, на внутреннем рейсе Сан-Франциско – Вашингтон решили показать новый художественный фильм «Форест Гамп».

Большой удобный экран по центру на передней панели салона и ещё один, небольшой, над проходом в средней части салона, наушники для каждого желающего погрузиться в другую реальность – и вот ты уже не внутри комфортабельного боинга, а в уютном зале кинотеатра.

С первых минут кино увлекло Ирину всецело. Её покорила глубина сюжета, профессиональная игра главного героя, которого она видела впервые, и острота затронутых тем. Это был первый американский фильм, который ей по-настоящему понравился, и первый американский актер (Том Хэнкс), которого она раз и навсегда полюбила.

Из самолёта она вышла взволнованная, всё ещё под силь-

ным впечатлением от увиденного, на какое-то время даже позабыв о цели своего путешествия.

В аэропорту её встречали с табличкой FSA (FreedomSupportAct) – так называлась программа, по которой Ирина оказалась в Штатах.

Она прилетела не одна. Вокруг женщины с табличкой уже собралась кучка ребят.

«Ну, вот и русские!» – с облегчением подумала Ирина.

Она с любопытством рассматривала русские лица, пытаюсь отыскать тот след, который уже успела оставить на них чужая страна. Все были одеты как настоящие американцы: в джинсы, толстовки и новенькие, будто свежевыкрашенные кроссовки. На загорелых лицах сияли улыбки. Ирина не видела на них ни следов тоски, ни признаков одиночества, наоборот, она заметила, что ребята стали крепче, раскованнее, сильнее.

«Как видно, Америка пошла им на пользу», – думала Ирина, расплываясь при этом в самой широкой довольной улыбке, на которую только была способна.

Было необычно снова разговаривать на русском языке. Ирина поймала себя на мысли, что слова не приходят легко. Она, будто рыба, выброшенная из воды, неловко ловила воздух ртом, пытаясь подобрать нужное слово.

Четыре с половиной месяца погружения в американскую среду дали о себе знать. Всё это время у Ирины не было русского собеседника, а непродолжительные разговоры с род-

ными по телефону случались крайне редко. Она с удивлением наблюдала за своей неуклюжей русской речью, однако с ещё большим удивлением замечала, что похожая проблема возникала лишь у нескольких человек.

«Значит, всё это время они разговаривали по-русски?! Но с кем?» – задавалась она вопросом.

Ответ нашёлся почти сразу – уже в автобусе на неё со всех сторон посыпались истории о проживании в самых разных штатах необъятной Америки. Во многих историях оказывалось, что ребята жили неподалёку друг от друга, учились в одной школе, а потому часто встречались и общались. Многие приехали в Вашингтон уже закадычными друзьями.

«Надо же, – удивлялась Ирина, – а меня угораздило поселиться вдали от русских! В моём поле досягаемости оказался только один русский, и тот не выдержал американской проверки на прочность!»

Зиновий, с которым она встречалась единственный раз в Медфорде, вскоре после их встречи был выдворен из четвёртой принимающей семьи, поэтому их общему координатору, миссис Бретт, ничего не оставалось, как купить ему билет на самолёт и отправить домой к родителям.

В Вашингтоне оказалось гораздо теплее, чем в Медфорде. Ирина поняла, что тёплая куртка, купленная ею на зиму, здесь не понадобится. Зато яркого, задорного солнца, как в Медфорде, в столице не было и впомяне. Тяжёлые восковые тучи опустились на Вашингтон, придавив улицы свер-

ху и превратив город в слоёный бутерброд – между серыми слоями каменной мостовой и опустившимся небом стояли, словно зажатые в тисках, бело-красные здания, поднимавшиеся ввысь на небольшую, шести-семиэтажную высоту. Косые стрелы дождя беспощадно хлестали по окнам автобуса, когда Ирина вместе с другими русскими ехала от аэропорта в гостиницу.

В гостинице – а её русские студенты по обмену занимали почти полностью – их поселили по два человека в номер. Вместе с Ириной в комнате оказалась Ольга – скромная, немногословная девушка, предпочитавшая больше наблюдать, нежели обсуждать увиденное. По странному совпадению она тоже была лишена русской компании в небольшом городке неподалёку от Денвера. Ольге повезло с принимающей семьёй, или по крайней мере она так говорила.

Позже Ирина узнала, что никто из ребят и не помышлял о переезде, даже когда контакта с принимающей семьёй совсем не было. Все жили с мыслью о том, что такая уж им выпала доля, и приспособлялись к ситуации как могли. Выдержать в этом случае им помогало общение с такими же русскими.

– Иринааа! – радостный возглас затопил безмолвное пространство коридора гостиницы. Ирина обернулась. К ней навстречу бежала женская фигура. – Наконец-то я тебя нашла! – бросилась обниматься девушка.

Это была Аня.

– Привет, Аня! Как же я рада тебя видеть! – засмеялась Ирина. – Я уж боялась, что мы и не встретимся. Тут, похоже, сотни «обменников», и не только в этой гостинице.

– Да и не говори! Столько русских, аж не верится, – согласилась Аня, она тяжело дышала, запыхавшись от бега.

Ирина заметила, что подруга заметно прибавила в весе.

– Ну, пошли поговорим скорее! Не терпится узнать, как у тебя всё сложилось.

В отличие от Ирины Аня была импульсивной, заводной и очень разговорчивой. Рядом с ней всегда поднималось настроение, хотелось смеяться, куда-то бежать, в чём-то участвовать – одним словом, не пропустить ни единой капли жизни, которая, казалось, начинала бить фонтаном.

Густые белокурые локоны подруги то и дело вздрагивали от проявления её бурного темперамента, будто дразнили собеседника, внушая мысль о лёгкости и беззаботности жизни, а её распахнутые голубые глаза обезоруживали прямоотой и искренностью взгляда.

Аня очень нравилась Ирине.

Они присели на удобный диванчик в небольшом уютном холле гостиницы и провели там около двух часов, рассказывая друг другу о своих приключениях в Америке.

Оказалось, что Аня попала за город, на ферму в сельскохозяйственных равнинах Миссури.

– В общем, живу в отшельничестве. В городе бываю нечасто – это ж постоянно надо кого-нибудь просить, чтобы под-

бросили. Повезло ещё, что дети не очень маленькие – 8 и 13, – можно в игры настольные поиграть. А вообще, если честно, не такой представляла я свою жизнь в Америке. Скукота... – На короткий миг живые искорки в её очаровательных глазах погасли.

Аня была искренне удивлена услышать историю Ирины.

– Ну ты даёшь! Я ещё ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь здесь переезжал. Повезло тебе, однако, с координатором. Знала бы я, что такое возможно, сразу попросилась бы в город. А теперь уже поздно. Да и с семьёй у меня всё в порядке. Ни рыба ни мясо. В мою жизнь сильно не лезут. Нравоучений не читают. Друзей мне не выбирают. И русские нормальные попались. Нас пять человек у одного координатора. Так что мы регулярно видимся.

На следующий день русских студентов ждала обширная программа. После организованных в конференц-залах непродолжительных бесед, на которых обсуждались проблемы общения с принимающими семьями, ребята загрузились в многочисленные автобусы и направились в центр города. Их ждала встреча с главными архитектурными жемчужинами Америки.

Первой и самой любопытной достопримечательностью на их пути оказался Белый дом – своеобразный символ США, для остальной части мира – главное рабочее место президента страны.

Посещение самого сердца Америки было для многих волнительно. Вот и Ирина, держась за решётку стального забора, вглядывалась в белые колонны невысокого, с виду неприметного здания и не могла поверить, что ей довелось увидеть этот дом воочию.

Вторым по списку оказался Капитолий – резиденция Конгресса Соединённых Штатов. Расположенный на вершине Капитолийского холма, названного так в честь одной из семи древнеримских возвышенностей, построенный в стиле неоклассицизма: с массивными колоннами и огромным белоснежным куполом, устремляющимся ввысь, – он произвёл на Ирину необычайно яркое впечатление. На экскурсии говорили, что Капитолий очень напоминает собор Святого Петра в Риме. Но Ирине почудилось совсем другое: белоснежный мраморный красавец громадных размеров, стоявший на возвышении и опоясанный с двух сторон двумя широкими лентами бесконечных ступеней, издавлек напомнил девушке летний дворец Петергофа, который она часто видела на открытках. Возможно, сходство не было очевидным – античные колонны не украшали здание в Петергофе, так же как и грандиозный купол весом в четыре тонны не короновал его царственной верхушки, – и всё же Ирина вспомнила именно Петергоф, будто слово «дворец» было применимо к Капитолию гораздо больше, нежели «здание Конгресса».

А вообще, Капитолий – та самая исходная точка, вокруг которой город был заложен. И это, безусловно, чувствуется.

До сих пор в Вашингтоне запрещено строить здания выше Капитолия, поэтому его белый купол со шпилем виден из любой точки города.

Помимо отдельных достопримечательностей Ирину поразило общее архитектурное решение Вашингтона.

Если посмотреть на город с высоты птичьего полёта – Ирина бы с удовольствием согласилась на такую экскурсию, – можно увидеть широкий крест, чётко ориентированный по сторонам света. В центре креста стоит монумент первому президенту США – Джорджу Вашингтону, а четыре стороны креста коронуют: Белый дом на севере, Капитолий на востоке, мемориал Томасу Джефферсону (автор Декларации независимости, 3-й президент США) на юге и мемориал Аврааму Линкольну (способствовал победе в Гражданской войне и отмене рабства, 16-й президент США) на западе.

При этом весь промежуток от Капитолия до мемориала Линкольну длиной в три километра занимают музеи, в том числе и комплекс Смитсоновского института, состоящий из 19 (!) музеев, галерей и зоологического парка.

Это пространство между основными памятниками столицы, сооружёнными на концах импровизированного креста, называют Национальной аллеей. Именно гуляя по этой широкой, насыщенной зданиями музеев аллее, Ирина ощутила дух Америки, её свободу, независимость и мощь.

Из этой многоплановой экскурсии, которая растянулась на четыре дня, Ирине запомнились несколько моментов.

Во-первых, посещение Национального музея естественной истории. Здесь Ирина впервые увидела скелет огромного динозавра – стоит ли удивляться, что это мгновение запечатлелось в её памяти на всю жизнь?

Во-вторых, знакомство с мемориалом Аврааму Линкольну.

Вряд ли мемориал Линкольну может оставить хоть кого-нибудь равнодушным. Этот величественный архитектурный комплекс напоминает собой греческий храм. Много лет спустя Ирине довелось побывать в сердце Греции – Афинах – и посетить на горе Акрополь известный на весь мир Парфенон. Как брат-близнец, застрявший в глубокой древности и беспощадно атакованный временем, он напомнил ей сверкающий белизной мрамора американский «храм» легендарному президенту.

Их уставшая группа подошла к монументу глубоким вечером, когда на гигантское сооружение, окружённое 36-ю мраморными колоннами, и на саму монолитную, великолепно выполненную гигантскую статую восседающего в кресле Авраама Линкольна были направлены мощные прожекторы. Ирина ощутила настоящее потрясение. Белоснежный, наполненный светом архитектурный комплекс словно парил в окружающей темноте.

Лицо Линкольна выглядело живым и задумчивым. Ирина остановилась как вкопанная и долго не могла оторвать от него глаз. Из всего ряда исторических и политических дея-

телей, с которыми она успела познакомиться в Америке, Авраам Линкольн занимал особое место. Он был живым воплощением американской мечты, пройдя невероятный путь от сына фермера до блестящего лидера страны, которую фактически спас от раскола. Именно на годы его правления выпала самая кровавая война – война между Севером и Югом. И вот нашёлся гениальный мастер, который смог воплотить в камне сосредоточие интеллекта национального героя, его решимость и мужество.

Именно здесь, созерцая фигуру Авраама Линкольна, Ирина впервые почувствовала отличие Америки от любой другой страны на земле: её создали люди, которые чтили свободу и независимость выше всего на свете; эти люди знали, что такое настоящая человеческая гордость, и верили, что она способна поднять бесстрашного, целеустремлённого человека на самую невообразимую вершину.

Поднять на вершину... Олицетворением пика славы в Вашингтоне, очевидно, служит монумент первому президенту – Джорджу Вашингтону, именем которого и названа столица. Белый мраморный столб стоит, словно высоченный страж, залитый солнцем в яркий солнечный день и во время вечернего заката. Он устремляется вверх, будто преодолевая самого себя, прокалывая небесную высь заточенным остриём, направленным к чётко поставленной цели. Гордый. Независимый. Всемогуший.

Дни в Вашингтоне летели стремительно.

Помимо Национальной аллеи ребята посетили и другие места, оставившие в памяти Ирины неизгладимое впечатление.

Во-первых, им показали специальные пункты, где американское правительство организовало питание для бездомных. Огромные столовые были переполнены. Бродяги, одетые в грязные лохмотья, выстраивались в длинные очереди в ожидании горячего супа и бутербродов. В столовых работали добровольцы. Это были люди разных возрастов и национальностей. Они выдавали беднякам еду и убирали после них помещение. Что их подвигло на такой подвиг – Ирина не понимала. Сама она испытывала жуткое отвращение при виде скопления опустившихся на самое дно социальной лестницы людей. В столовых стоял невыносимый запах невымытых человеческих тел. После созерцания благородного лица Авраама Линкольна это был тяжёлый, незабываемый контраст, который долго не выходил у Ирины из головы.

«Почему одни люди в критической ситуации сжимают зубы и, преодолевая все препятствия, оказываются на вершине, а другие в бессилии опускают руки и падают на самое дно? – сосредоточенно думала она, пряча лицо и не смея взглянуть в глаза людям, переставшим бороться, отказавшимся от самой крохотной надежды.

«Что придаёт человеку силы бороться? Что является решающим в его борьбе с безысходностью?» – спрашивала се-

бя Ирина.

И единственный ответ, который она нашла для себя, включал три необходимых качества: развитый интеллект, высокую самооценку и упорство. Но если высокая самооценка встречалась ей в Америке повсеместно: любой человек, даже не имевший никаких достижений, был горд и высоко держал голову, то с интеллектом и упорством здесь было негусто.

Впрочем, если говорить о России, то человеку, обладающему развитым интеллектом, обычно не хватало либо высокой самооценки, либо упорства.

Сочетание же всех трёх качеств рождало яркую, неповторимую личность, независимо от страны и национальности. Вспыхнувшая звездой, она освещала историю своего народа, указывая правильный путь для всех остальных.

Почему в число обязательных мероприятий вошло посещение марокканского ресторана, Ирина не знала. Возможно, организаторы программы сочли, что после лицемерия ужасов нищеты Америки необходимо как следует развлечься. Марокканский ресторан, по их мнению, видимо, представлял такую возможность.

Всех ребят поделили на группы по шесть человек. Каждая группа заняла отдельную кабинку ресторана, окаймлённую арочным входом в восточном стиле. Внутри кабинки не было привычных стульев – вместо них по периметру стоя-

ли плотно сомкнутые скамейки, которые украшали мягкие подстилки и множество ярких бархатных подушек.

Столик, стоявший по центру, был слишком низким и крохотным для того, чтобы обслужить шесть человек. Уже один этот факт одновременно и озадачил, и развеселил ребят. Со всех сторон посыпались острые шутки. Ирина тоже отвлеклась от тяжёлых раздумий, словно кто-то переключил её радиоприёмник на позитивную волну.

Потом к ним подошёл официант в броском национальном костюме. Ирине запомнился его выразительный головной убор: ярко-бордовая бархатная феска с изящной чёрной кисточкой, элегантно свисающей с одного края. В руках официант держал огромное плоское керамическое блюдо, напоминавшее большой круглый поднос, – на блюде горкой лежала национальная марокканская еда: тажин и кускус. Официант грациозно поставил блюдо в центр и сказал, что в Марокко не используют столовые приборы, а едят правой рукой, потом он попросил всех убрать за спину левую руку и показал, как брать еду из общего блюда тремя пальцами правой руки: большим, указательным и средним.

Надо ли говорить, что его слова вызвали новую бурю эмоций! Теперь каждый старался подцепить кусочки еды и, не уронив, отправить их в рот. Это было не так-то просто! Мальчишки во всю галдели, девчонки смеялись – веселье набирало силу!

Отдельно следует сказать о самой марокканской еде –

это был взрыв экзотических вкусов: душистые специи, удивительная комбинация ингредиентов, незнакомое сочетание разных текстур. Ирина была в полном восторге! Похоже, ни один из ребят не остался равнодушным к марокканской кухне.

После ужина все высыпали в центр зала. Зазвучала незнакомая музыка, и марокканская девушка в чудесном национальном костюме станцевала марокканский танец.

Ирина здорово отдохнула в Вашингтоне. Чувство одиночества, которое порой заполняло её без остатка все последние четыре с половиной месяца, теперь растворилось, как облако рассеявшегося тумана.

И вот не успела Ирина оглянуться, как серебристый самолёт вновь уносил её на западное побережье континента, где она должна была снова решать свои проблемы в гордом одиночестве.

Урок 13.

Чтобы почувствовать дух страны, нужно побывать на главных улицах её столицы.

Глава 14. Подарок перед Рождеством

Ирина вернулась в Медфорд другой. Она чувствовала себя сильнее и увереннее. Может, сказалось длительное общение на родном языке, может, помогло то, что она наконец-то

получила шанс выговориться, а может, с неё просто сошёл налёт одиночества, который она незаметно для себя накопила за время погружения в чужую культуру.

В любом случае она чувствовала огромный прилив сил и была способна, как говорится, «своротить горы».

После Вашингтона Медфорд показался ей убогой дырой, а на улыбающегося Джейсона она не могла смотреть без слёз. Но это были далеко не слёзы радости от состоявшейся встречи: она вдруг остро осознала, насколько сильно ей не нравится в его доме – на этом острове хаоса, где не знают, что такое забота и уют. Не нравится всё: от мельчайших деталей предметов мебели до равнодушных, безразличных хозяев.

Ирина вдруг почувствовала, что она хочет красоты, чистоты, порядка. Ей вспомнились истории других ребят, попавших в дома с достатком – в семьи, которые могли позволить себе свозить детей в Диснейленд или в соседний штат на ознакомительную экскурсию. В их домах было красиво, светло и уютно. Вот бы и ей попасть в такую семью!

– Ну, и что мы пригорюнились? – Ханна не могла не заметить перемены в своей соседке. – Влюбилась в русского, что ли? Так я тебе сразу скажу – это ты зря! Не за этим тебя в Америку посылали. – Полька явно соскучилась по своим шуточкам.

– Ты будешь смеяться, если я тебе расскажу, – ответила Ирина.

– А ты попробуй. Ну, и посмеюсь – от тебя не убудет, –

не отставала Ханна.

Ирина поделилась с ней своим новым отношением к семье Зальтц, как она по-новому вдруг увидела их дом, как ей изо всех сил захотелось бежать из него куда глаза глядят.

К её удивлению, полька не засмеялась, а, наоборот, лицо её сжалось от боли и тоски.

– Чего же тут смешного, Ирина? Тут плакать впору. Я без тебя просто с ума сходила. Меня бесило абсолютно всё. Я уже хотела пойти к Ребекке и заставить её хоть раз по-настоящему убраться в этом свинарнике. Но вовремя поняла, что это бессмысленно. И знаешь, у тебя хотя бы есть надежда, что тебя переселят, а у меня такой надежды вообще нет – я ведь не второй студент по обмену в доме Зальтц, а законный первый! На меня у Элисон никогда не найдётся времени, так что дело – дрянь.

К своему удивлению, Ирина увидела, что за время её отсутствия с полькой тоже произошла какая-то перемена. То ли та поняла, что с Ириной ей было намного легче справиться со всеми трудностями, то ли она ещё раз попыталась поговорить с миссис Бретт и получила отказ – неважно, что послужило причиной, главное, что в тоне её голоса начали проступать человеческие и даже дружеские нотки, а это не могло не порадовать Ирину.

– Ну, ладно, не будем грустить. – Ирина попыталась взбодрить польку. – Я столько забавных историй наслушалась – буду тебя до ночи развлекать. Наши парни всё-таки выдум-

щики, даже в Америке найдут себе развлечение, я прямо со смеху умирала над некоторыми рассказами.

Весь вечер девушки не выходили из своей комнаты, а из-за закрытой двери то и дело раздавался заразительный девичий хохот.

Джейсон попытался было выманить их на кухню перед самым уходом на работу – он был тоже не прочь посмеяться, – но они в два голоса выпроводили его из комнаты.

На следующее утро девушки проснулись почти подругами. Ханна поделилась, что собирается позвонить маме: ей срочно нужно было выговориться на польском языке.

Было воскресенье, так что спешить было некуда. Девочки, не торопясь, позавтракали. Джейсон только что вернулся с работы и пытался развеселить их шутками, чтобы наладить казавшийся оборванным предыдущим вечером контакт. Ни Ирине, ни Ханне не хотелось ему отвечать.

Полька подошла к телефону и сняла трубку.

– Джейсон, а что у нас с телефоном? – Она с недовольным видом повернулась к американцу.

– Не знаю, а что не так? – удивился Джейсон.

– Гудков нет: такое впечатление, что телефон отключен. Ты, случайно, не забыл за него заплатить? – подозрительно спросила Ханна.

– Вроде нет. Всё как всегда, – безразлично бросил Джейсон, поджаривая себе кусочки тоста. – Может, что-то на те-

лефонной станции случилось? Я попытаюсь выяснить.

– «Попытаюсь выяснить», – передразнила его полька. – Я маме должна была звонить сегодня. Мы с ней договаривались. Она будет переживать.

– А может, тогда на почту сходим? – вмешалась Ирина. – Погода хорошая, и прогуляемся заодно.

– Прогуляться-то можно, только работает ли сегодня почта? – возразила Ханна.

– А вдруг? Давай пойдём – хоть пешком пройдемся, а то вечно всё на машине да на машине, мышцы, гляди, уже все атрофировались, – не сдавалась Ирина.

– Да и правда, – согласилась полька, – чего здесь сидеть-то?

Они быстро оделись и вышли на улицу.

День был ясный, но довольно прохладный для здешних мест – температура воздуха была близка к нулю. Поёжившись от приятно охватившей их свежести декабрьского утра, девушки застегнули куртки и отправились в небольшое путешествие: почта находилась всего в двух кварталах от их дома.

На улицах почти никого не было, видимо, все ещё спали, а может, просто считали, что для утренней прогулки было слишком прохладно.

Девушки шли по обочине пустынной дороги и беззаботно болтали.

Внезапно тишину улицы прорезал вой полицейской сире-

ны. По длинной узкой дороге им навстречу с бешеной скоростью мчался полицейский автомобиль.

– Боже, сколько шума! – только и успела воскликнуть полька. – Что это стряслось в такое прекрасное утро?

Они впервые видели в Америке полицейский автомобиль с включённой сигнальной сиреной.

Машина стремительно пронеслась мимо девушек. Они проводили её взглядом и вдруг услышали резкий голос, показавшийся им знакомым:

– А ну, живо в машину!

Голос принадлежал Элисон Бретт и доносился из её собственного автомобиля, который, как оказалось, шёл «хвост в хвост» полицейской машине.

Непонимающим взглядом обе девушки уставились на координатора, будто видели её впервые.

– Ну, что вы встали как вкопанные? Я же сказала – живо в машину! Объясню всё по дороге. – В голосе Элисон звучала не то угроза, не то раздражение.

Девушки очнулись от ступора и поскорее забрались на заднее сиденье.

– Куда это вы собрались в такую рань? – трогаясь с места, начала допрос Элисон.

– На почту идём, позвонить хотели, – ответила Ханна, пожав плечами.

– А что, из дома позвонить нельзя? – В голосе миссис Бретт слышалось напряжение. – Сегодня почта закрыта.

– Дома телефон почему-то не работает, – объяснила Ханна. – Джейсон попытается выяснить почему.

– Ах, Джейсон попытается выяснить! – внезапно выкрикнула обычно сдержанная Элисон, словно задыхаясь от возмущения. – Слава богу, вы целы-невредимы, я уж и не знала, что думать!

– Что случилось, Элисон? Объясни по-человечески! – попросила обеспокоенная Ирина. – И зачем нужна полицейская машина?

– Да всё очень просто, – постаралась взять себя в руки миссис Бретт. – Ваш американский папа оказался психически ненормальным. Последнюю неделю он звонил мне каждый день и рассказывал, как прекрасно вы все вместе живёте. Я пыталась высказать свои сомнения на этот счёт, говорила, что Ханна звонила мне несколько раз и просила подыскать ей другую семью, но он продолжал уверять меня в обратном. Наконец, вчера поздно вечером я позвонила ему на работу и сказала, что нашла семью для Ирины и приеду забрать её сегодня утром. Услышав новость, Джейсон пришёл в неопишемую ярость, начал обзывать меня непристойными словами и пригрозил, чтобы я ни в коем случае не приезжала в его распрекрасную семью со своими мерзкими предложениями. Я всполошилась. Мне стало ясно, что он очень долго скрывал свою подлинную суть и что я совсем не знаю этого человека. Кроме того, мне известно, что у него в доме есть оружие. Мало ли что может взбрести в голову психически

неадекватного человека! Я всю ночь не спала – ждала утра, чтобы отправиться к вам. Я знала, что ночью он будет на работе, а значит, вам ничего не грозит. Утром первым делом набрала номер вашего телефона, а там тишина. Позвонила на станцию, мне сказали, что телефон выключен по просьбе хозяина. Тогда я поняла, что медлить больше нельзя, взяла полицейского и поехала к вам. Представьте моё облегчение, когда я увидела вас на обочине дороги беззаботно шагающими в неизвестном направлении! Я думала с ума сойду от радости! – Элисон выпалила рассказ на одном дыхании.

Девочки сидели на заднем сиденье не шелохнувшись.

Первой пришла в себя Ирина.

– Элисон, ты же не думаешь, что он действительно мог причинить нам вред? – спросила она.

– Нет, я как раз уверена в обратном. Он не тот, за кого себя выдаёт. Вы не слышали его голоса, когда он поносил меня на чём свет стоит. Это был совсем не тот доброжелательный Джейсон, которого вы знаете. Это был сам дьявол!

– И теперь ты хочешь привести в его дом полицейского? А что скажут соседи? – не унималась Ирина.

– Я обязана это сделать. Я почувствовала угрозу вашим жизням. Вы это понимаете? И мне наплевать, как это отразится на его сраной репутации, – отрезала миссис Бретт. – Ладно, рассуждать некогда. Мы уже подъехали к дому. Теперь слушайте меня внимательно. Сейчас полицейский выведет его через заднюю дверь на улицу, чтобы он вас не ви-

дел. Вы же быстро бегите в свою комнатёнку, собирайте вещи, и мы уезжаем.

– Куда уезжаем? – в один голос воскликнули девушки.

– Семьи я вам нашла, не переживайте. Поговорим об этом после. Сейчас вам надо быстро убраться из этого дома. Всё ясно?

– Да, – хором ответили Ханна с Ириной.

Полицейский дождался, пока Элисон припаркуется позади него, потом не торопясь вышел из машины, достал из кобуры пистолет и медленно направился к дому.

Дверь дома распахнулась.

На пороге стоял как будто спокойный Джейсон. Он удивлённо уставился на полицейского.

– Добрый день, офицер! Чем обязан? – обратился Зальтц к человеку в форме.

В его голосе Ирина не услышала, ни испуга, ни раздражения – казалось, он звучал буднично.

– Вы – мистер Зальтц? – задал офицер встречный вопрос.

– Да, – подтвердил Джейсон.

– Прошу вас, пройдите со мной на задний двор, – сказал полицейский и увлёк Джейсона внутрь дома.

Девочки дружно побежали в свою комнату.

Всё было собрано за несколько минут. Комната была маленькой, и поскидать вещи в сумки было просто и быстро.

Элисон запретила разговаривать им с принимающей семьёй, а особенно с Джейсоном, поэтому девушки быстро

прошмыгнули в раскрытую входную дверь, не сказав напоследок ни единого слова людям, которые принимали их в своём доме несколько месяцев.

Как только машина отъехала от ненавистного дома, Элисон засмеялась.

– Ну что, напугались? Это Америка, детки. Здесь и не такое бывает.

– Да, как в кино получилось: сирена, полицейский, оружие, сбор вещей и побег. Добавить немного красок для остроты – и можно триллер снимать, – откликнулась полька.

– Да, – согласилась Элисон, – у нас всё получилось, как в кино!

– Но расскажи нам про наши новые семьи, – заторопила её Ирина. – Где тебе удалось найти целых две семьи в рекордно короткий срок?

– Сказать по правде, я их и не искала, – просто ответила миссис Бретт, пожимая плечами.

– То есть как «не искала»? – Девушки уже устали удивляться.

– Несколько дней назад мне позвонила Линда Лефиве и сказала, что они с мужем хотели бы пригласить к себе Ирину, – начала Элисон.

– Что? Линда? – воскликнула Ханна. – Я сидела с их детьми несколько месяцев, а они пригласили её?

– Представь себе, – ответила миссис Бретт. – Я была тоже премного удивлена. Но Линда не стала мне ничего объ-

яснять. Она спросила, не лучше ли будет, если Ирина переселится жить в их дом. Я сказала, что как раз ищу для Ирины подходящую семью и буду рада, если они согласятся ею стать. Потом я позвонила с этой новостью Джейсону, и он стал убеждать меня, что вы не нуждаетесь в других семьях.

– Вот ведь гад! – не удержалась Ханна. – Ну, а куда в этом случае еду я?

– Когда вчера вечером я поговорила с Джейсоном, то сразу позвонила Линде и попросила её помочь мне найти семью и для тебя, Ханна. На что Линда мне ответила, что уже думала об этом и, более того, разговаривала со своими соседями. С семьёй, что живёт в доме рядом. У них двое детей: три и пять лет. Глава семейства работает полицейским. Они решили, что это будет неплохой опыт и для них. Так что не расстраивайтесь, вы будете жить по-соседству друг с другом.

– Вот это да! – только и смогла выдохнуть Ирина.

Она никак не ожидала такого сюрприза, да ещё и под Рождество, когда весь город уже стоял тщательно украшенный новогодними гирляндами, а из каждого освещённого окна с довольным видом выглядывала наряженная рождественская ёлка.

– Ханна, твоих новых принимающих родителей зовут Сюзи и Джастин. Сейчас мы едем к ним. Я с ними договори-лась. Семья Линды на эти выходные уехала в Портленд. Они подъедут к вечеру и тогда заберут Ирину. А пока вы побуде-те вместе.

Вскоре они уже ехали по знакомому кварталу.

Девочки молча смотрели в окна и думали каждая о своём.

Ирина чувствовала себя так, будто с её плеч свалился тяжёлый камень. Странно, но она больше не хотела даже вспоминать о семье Зальтц. Но ещё более странным было то, что её совершенно не жёг стыд, а ведь она покинула их дом без единого слова благодарности.

За её плечами неожиданно снова расправились крылышки, и она была готова к встрече с новым, и была уверена, что теперь это новое будет светлым и радостным.

Двухэтажный, цвета мокрого асфальта дом, перед которым остановилась Элисон, был чуточку меньше дома Лефиве, однако и его построили совсем недавно, поэтому каждая деталь лучилась достатком и новизной. С правой стороны дома, вплотную к встроенному гаражу на две машины, Ирина заметила просторный вольер. За железной сеткой кружился поджарый пёс – чёрный, с короткой шерстью.

Девочки взяли свои вещи и с волнением зашагали к двери.

Элисон пошла вместе с ними.

Им открыла приятная молодая женщина лет тридцати. Небольшого роста стройная брюнетка с завитыми в мелкий локон волосами до плеч приветливо улыбалась.

– Заходите, заходите. Меня зовут Сюзи. Чувствуйте себя как дома, – пригласила она девочек.

– Спасибо тебе, Сюзи. Я как чувствовала, что с переездом затягивать нельзя. Ну да девочки тебе всё расскажут, а я с

твоего позволения поехала. Звони, если что, – обратилась к хозяйке миссис Бретт.

– Да, конечно, – сказала Сюзи. – Мы тут сами разберёмся. Всего хорошего.

И Элисон уехала, оставив своих подопечных в незнакомом доме с незнакомой женщиной.

Не успели девушки поставить свои сумки, как сверху слышались детские шаги.

– Мама, это девочки приехали? – донёсся детский голос.

– Да, милая, спускайся, сама увидишь, – крикнула Сюзи, приглашая гостей пройти в дом.

Здесь было всё немного проще, чем в доме Лефиве.

Парадная дверь вела прямо в гостиную, которая с противоположной стороны плавно переходила в кухню. Стены гостиной были выкрашены светлой краской цвета морской волны. Два мягких дивана, обтянутые плотной шелковистой тканью, стояли как два родных брата – рисунок на них был схож по цветовой гамме, но немного различался по размеру и форме. Кухня представляла собой уютный деревянный уголок – все шкафчики, судя по всему, были из натурального дерева. На полу в гостиной лежал светлый ковролин, а на кухне – твёрдое покрытие чуть темнее оттенка шкафчиков.

Кроме гостиной и кухни, на первом этаже располагался кабинет Джастина, которого пока не было дома. Деревянная лестница на второй этаж поднималась из угла гостиной.

Было видно, что хозяева переехали недавно: вся мебель

вокруг стояла совсем новенькая. Ирина заметила, что, как и в доме Лефиве, не видит вокруг никаких следов детей: ни игрушек, ни разбросанных вещей, ни рисунков. Здесь тоже царил идеальный порядок. Создавалось впечатление, что дом представляет собой нежилую выставку интерьерера. Было как-то неловко нарушать его покой и гармонию, а тем более присаживаться на недавно купленные диваны.

– Знакомьтесь, это моя старшая, её зовут Элис, – представила свою дочь Сюзи.

Девочка застенчиво пряталась за мамой, пытаясь, однако, разглядеть прибывших гостей. На ней было яркое красное платье в белый крупный горох, а на голове красовался изящный белый ободок с красной бабочкой. Было видно, что она принарядилась специально, чтобы встретить девушек. Белокурая, с прямыми длинными волосами и большими карими глазами – она совсем не походила на Сюзи.

На втором этаже послышался топот.

– А вот и Брайан бежит, – улыбнулась хозяйка. – Дайте угадаю, которая из вас Ханна. Наверное, ты? – Она указала на польку.

– Да, правильно, это я, – застенчиво улыбнулась Ханна.

– Добро пожаловать домой! – воскликнула Сюзи. – Мы тебе и комнату уже подготовили. Пойдём, поставишь туда свои вещи.

Все вместе они поднялись на второй этаж.

– Вот детская, – стала знакомить со своим домом Сюзи.

Детская оказалась небольшой, но очень уютной комнатой, в которой стояли двухъярусная кровать и детский уголок с небольшим столиком и стульями. Здесь повсюду валялись игрушки и чувствовалась неуёмная детская энергия.

Из-за кровати выглядывал белокурый мальчишка, очень похожий на свою сестру. С насупленным видом он наблюдал за гостями.

– Брайан, поздоровайся с Ханной. Она теперь будет жить у нас в доме, – обратилась к нему Сюзи.

Но мальчишка ещё больше насупился и спрятался за спинку кровати.

– Ладно, дадим ему немного времени привыкнуть к новой обстановке, – сказала Сюзи и повела Ханну в соседнюю комнату, которая, скорее всего, служила в доме гостевой.

Комната была окрашена в приятный яблочно-зелёный цвет. Из широкого окна струился яркий солнечный свет, превращая её в светлый и жизнерадостный уголок. Помимо двуспальной кровати, на которой лежало красивое стёганое покрывало изумрудного цвета, в комнате был встроенный шкаф и длинный комод из натурального дерева.

– Ух ты! – воскликнула полька. – Вот это комната! Какая красота! Спасибо большое!

– Я рада, что тебе понравилось, – заулыбалась Сюзи. – Ты располагайся и спускайся вниз. С нетерпением жду от вас рассказ о вашем переезде.

Вскоре девочки уже сидели на диване в гостиной и расска-

зывали истории о жизни в семье Зальтц и об их сегодняшнем приключении.

Сюзи заливалась смехом на весь дом.

– Вот ведь вас угораздило! – весело говорила молодая женщина. – В жизни не слышала ничего смешнее!

После обеда в доме появился Джастин. Он приехал с работы прямо в полицейской форме. При одном взгляде на Джастина стало понятно, на кого были похожи Элис и Брайан.

– Здравствуйте, девушки, – скромно обратился к ним новоиспечённый приёмный папаша, которому было от силы года тридцать два – тридцать три.

Сюзи пыталась ему рассказать, как произошёл переезд, но, судя по всему, Джастин был чем-то озабочен и не особенно вникал в суть истории. Он вежливо улыбался, кивал, но никакого интереса к истории не проявил.

Позже, переодевшись, он подсел к девушкам и начал задавать им свои вопросы. Но отвечая на них, Ирина вдруг поймала на себе его обеспокоенный взгляд. Джастин явно испытывал какой-то дискомфорт. Ирина искала и не могла понять причину, по которой Джастин мог ощущать напряжение.

«Может, он совсем не хочет, чтобы в его доме жила семнадцатилетняя девушка? – проносились мысли в её голове. – Но тогда мы опять влипли».

Ей становилось всё тревожнее.

Неожиданно Джастин наклонился совсем близко от Ирины и резко выпрямился. На её вопросительный взгляд он

улыбнулся и сказал:

– Да вот, волосинка упала, надо убрать!

И с этими словами он направился в кухню.

– Ой, девочки, забыла вас предупредить! – спохватилась Сюзи. – У Джастина мания чистоты. Он будет за вами всё подбирать, поправлять, вытирать – не обращайтесь внимания. Он помешан на идеальном порядке. Сначала это раздражает, но со временем привыкаешь и даже находишь это удобным, – объяснила необычное поведение мужа Сюзи.

Девочки ошарашенно посмотрели друг на друга.

Ирине захотелось тут же убраться восвояси из этого суперидеального дома, чтобы не досаждать лишний раз странному молодому человеку, который только и ждал, чтобы убраться с пола лишнюю соринку.

К счастью, скоро приехала семья Лефиве, и Ирина с радостью отправилась вместе с Линдой к «волшебному» дому.

Урок 14.

Человек – существо сложное: даже за самой обаятельной внешностью могут скрываться непривлекательные черты.

Глава 15. Новая американская страница

Когда они с Линдой вышли на улицу, перед Ириной открылась волшебная панорама: вся улица дорогих особняков

светилась от рождественских огоньков. Все без исключения дома украшали сотни праздничных лампочек.

От представшей перед её глазами картины Ирина ахнула.

Сумрачный вечер внезапно обрёл окраску приближающегося праздника.

Особняк семьи Лефиве был наряжен с особой тщательностью и безупречным вкусом – все его многочисленные изгибы, окна и двери густо орошали маленькие праздничные светлячки.

Внезапно Ирина ощутила сильное желание петь и танцевать. Она еле сдержалась, чтобы не помчаться к дому Лефиве подскоками.

– Ирина, извини, что так получилось и нас не оказалось дома, когда ты переезжала. Надеюсь, ты не очень утомилась у Маерсов? – к удивлению Ирины, Линда начала оправдываться.

– Совсем нет. Там было нескучно. Только поведение Джастина немного озадачило! – с улыбкой ответила Ирина.

– А, ты про его манию чистоты? Да уж, это кого угодно удивит, даже напугает. Я не люблю ходить в гости к Сюзи. Вернее, предпочитаю это делать, только когда Джастина нет дома. В противном случае мне сразу хочется бежать оттуда куда подальше. – Линда рассмеялась. – Но, надеюсь, ты помнишь, что у нас дома живёт не менее «странный» Дон Лефиве!

Последние слова Линда произнесла, открывая парадную

дверь дома.

Ирина снова оказалась в царстве ослепляющей белизны.

По лестнице весело бежал Кевин:

– Ирина! Правда, здорово, что ты теперь будешь жить у нас!

– Привет, Кевин! – обрадованно ответила Ирина. – Конечно здорово!

– Ирина, привет! – прозвучал на лестнице неторопливый и важный голос Брендона.

Он изо всех сил пытался казаться взрослым, но это лишь делало его поведение ещё более забавным.

– Привет, Брендон! – улыбнулась в ответ Ирина.

– Я помогу занести твои сумки наверх, – любезно предложил подросток всё таким же важным тоном.

– Буду премного благодарна, – кивнула Ирина.

Справа послышался шум, и из кабинета показался глава семейства.

– Ну, здравствуй, Ирина. Теперь ты будешь жить в этом сумасшедшем доме с тремя маленькими обезьянами, одна из которых безуспешно пытается выказать себя взрослой. Что тут скажешь? Я тебе не завидую. – Дон говорил серьёзно, но в его насмешливых глазах искрился смех.

На лестнице поднялся хохот – Кевин хохотал над уколом в адрес Брендона, а Брендон – над словами Дона в целом. Было видно, что Дон снайперски подмечал все слабые места обитателей дома и не стеснялся отпускать самые смелые за-

мечания в их адрес. Ирина поняла, что ей нужно быть начеку с этим человеком с самого начала. Было неизвестно, кого он захочет обсмеять в следующий момент.

– Дон, ты опять за своё? – Линда укоризненно смотрела в сторону мужа, но и она не могла сдержать улыбки. – Пойдём, я покажу тебе твою комнату, – обратилась она к девушке.

По мягким ступеням они поднялись на второй этаж.

Ближайшая дверь к лестнице вела в родительскую спальню, далее по коридору второго этажа располагалась ванная, потом спальня детей, а потом комната Ирины.

– Заходи, пожалуйста. – Линда гостеприимно распахнула перед Ириной дверь.

Ирина оказалась внутри небольшой квадратной комнаты. Из предметов мебели в комнате, уже привычно для девушки, находились двуспальная кровать и вместительных размеров комод. Встроенный шкаф был едва заметен и по конструкции почти повторял тот, который она видела в новой комнате у Ханны. Стены вокруг были знакомого белого цвета. На кровати лежало чёрное стёганое покрывало, а поверх него было набросано бесчисленное количество подушек тёмно-синего, синего и чёрного тонов. Окно закрывали жалюзи. Из-за цветовой гаммы комната выглядела по-спартански.

– Это комната Брендона. Он любезно уступил её тебе, – объяснила Линда.

– Как-то неудобно получилось, – тут же смутилась Ирина.

– Нет-нет, даже не думай об этом, – прервала ход её рас-

суждений Линда. – Он сам настоял на твоём переселении. Тем более что в прежнем доме у него не было своей комнаты, так что он толком и не успел привыкнуть к уединению.

В дверном проёме показалось конопатое лицо Брендона:

– Ну как, нравится? – Лицо мальчишки сияло.

– Очень! – отозвалась Ирина.

– Я рад, что тебе нравится, – не без гордости заявил Брендон.

Ирина почувствовала, что Брендон говорит искренне, и успокоилась.

– Хорошо, ты тогда располагайся тут. Вот тебе полотенца, можешь сходить в душ, – заторопилась Линда, протягивая девушке два полотенца. – А я побегу на кухню готовить ужин, а то все страшно проголодались. Если что-то понадобится, спроси у Брендона, он будет в игровой. Она в конце коридора.

– Да, я буду неподалёку, – с готовностью закивал Брендон.

– Спасибо! – только и успела сказать переполненная впечатлениями Ирина.

Дверь закрылась, и она осталась в новой комнате одна.

Под грузом пережитого всего за один день Ирина в изнеможении упала на кровать.

«Наконец-то у меня есть своя комната! Полноценная! Неужели все мои мытарства кончились?» – Голова кружилась от счастья.

Ей нравилось в этом доме абсолютно всё: большие нестан-

дартные пространства, плавный изгиб лестницы, белый ковролин, кожаная мебель в гостиной, но более всего ей нравилась сама семья. Дом был огромный, и она прекрасно видела, что в нём хватало места каждому – здесь никто не мешал друг другу. А это было очень важно при совместном проживании большого количества человек, как уже успела заметить Ирина.

Повалявшись на кровати несколько минут, она встала и быстро распаковала вещи. Однако не успела она выложить на комод последние бутылки, как в дверь кто-то начал отчаянно стучать и скрестись.

Стоило ей повернуть металлическую ручку, как в дверь «вломился» маленький Майки. Он был очень разозлён и начал усиленно тянуть Ирину из комнаты. Она не могла понять ни слова из его речи, которой он сопровождал свои действия.

Видя, что она его не понимает, Майк стал с яростью выбрасывать её вещи из приоткрытого ящика комода. Наконец она поняла смысл того, что он говорил: он выгонял её из комнаты, которую считал своей собственной. Ирина попыталась ему что-то объяснить, но Майк словно с цепи сорвался и бросал на пол всё, до чего ему удавалось дотянуться.

Никто в доме не слышал, что происходило в её комнате.

Не найдя, что ещё можно сделать, она легонько шлёпнула мальчишку по мягкому месту, погрозив при этом пальцем – точно так же, как если бы он был её младшим братом.

Однако реакция малыша превзошла всякие ожидания:

Майк взвыл, точно от сильной боли, и с криком «Она меня бьёт!» бросился вниз к родителям.

От неожиданности Ирина на мгновение потеряла дар речи и перестала понимать, что происходит.

Оправившись от шока, она села на кровать и закрыла лицо руками.

Через пару минут в комнату вошла Линда. Она держала плачущего Майки за руку.

– Ирина, что стряслось? – В её голосе не было ни раздражения, ни упрёка.

Ирина вздохнула с облегчением.

– Майк пытался выгнать меня из комнаты. Я сначала не могла понять, что он говорит, и это разозлило его ещё больше. Он стал выбрасывать мои вещи из комода. Тогда я легонько его шлёпнула, – попыталась объяснить ситуацию Ирина.

– Ясно, – сказала спокойно Линда. – Майки, теперь это комната Ирины. Она будет жить с нами. Ты не должен заходить к ней в комнату. Ты слышишь? – Она опустилась перед сыном на колени и попыталась вразумить раскричавшегося ребёнка.

В коридоре слышались шаги Дона.

– Что тут у вас происходит? – спросил он спокойным тоном.

– Да вот, Майки выгоняет Ирину из комнаты, – пожаловалась ему Линда.

– Майки, на что тебе сдалась эта комната? – удивлённо спросил сына Дон. – У тебя ведь есть своя. Пожалуйста, оставь Ирину в покое.

Услышав строгий голос отца, Майки перестал кричать и протянул к нему свои ручонки.

– А что, Ирина тебя действительно побила? – с любопытством спросил его Дон, больше адресуя вопрос Ирине.

– Шлёпнула один раз, – честно призналась Ирина.

– Во как! – округлил глаза Дон.

И было неясно, как он оценивает такой поступок Ирины: осуждает ли или же удивляется её смелости.

– Я легонько, – начала оправдываться Ирина. – Просто совсем растерялась, когда он стал скидывать все мои вещи на пол.

– Майки, ты трогал вещи Ирины? – осуждающе спросил сына Дон.

– Да, – ответил Майки. – Пусть уходит отсюда.

– Майк, – Дон повысил голос, – оставь Ирину в покое.

Чужие вещи трогать нельзя. Ты понял?

Майки виновато опустил голову и что-то пробормотал в ответ. Потом Дон посмотрел в сторону Ирины и продолжил:

– Ирина больше не будет тебя трогать, она обещает. Правда, Ирина?

– Не буду, – охотно согласилась Ирина.

Братья уже толпились в проходе, просовывая в комнату головы и пытаясь узнать, что тут такое произошло.

– Эй, оболтусы! – обратился к ним Дон. – Выходите из комнаты. Дайте человеку дух перевести!

Когда родители вместе с Майки спустились вниз, в проходе появился Брендон.

– Ты что, в самом деле шлёпнула Майки? – с любопытством спросил он Ирину.

– Да, – ответила та, не понимая, почему этот факт вызвал столько шумихи.

– Вот круто! Он ещё не от кого не получал по заднице! – заявил Брендон с довольным видом и тут же убежал в игровую.

«Что я наделала? – сокрушалась про себя Ирина. – Не успела появиться в новой семье, как уже надрала зад малышу! И какой чёрт меня дёрнул? Надо было сразу звать Линду».

Но дело было сделано, и Ирине оставалось только ждать, как поведут по отношению к ней родители оскорблённого малыша.

Вскоре Линда позвала к столу. Ужин был приготовлен на славу! Ирина подумала, что Линда постаралась ради неё, поэтому всё выглядит так аппетитно и красиво.

Только через несколько дней ей стало ясно, что Линда просто любила готовить, а также любила во всём порядок. Поэтому стол был сервирован подобным образом каждый вечер, равно как и каждый вечер на нём появлялись мастерски приготовленные первоклассной хозяйкой вкусные блюда.

За ужином все расспрашивали Ирину про переезд, она в подробностях рассказала историю с полицейским, чем вызвала у мальчишек – смех, а у взрослых – недоумение по поводу того, как такое могло приключиться.

– Да, Ирина, – сказал, выслушав её историю Дон, – я считал, что это у нас семья сумасшедшая, но, оказывается, есть ещё более безнадёжные варианты. Я рад, что ты теперь будешь жить в нашем доме.

Последнюю фразу Дон произнёс очень серьёзно, внимательно глядя Ирине в глаза. И по этому тону Ирине стало ясно, что именно он принял решение пригласить её в свою семью. Как бы в подтверждение этой догадки Линда сказала:

– Это Дон настоял на том, чтобы мы взяли тебя к нам. Ты ему сразу понравилась в отличие от Ханны, которая хоть и бывала у нас часто, но каждый раз откровенно бесила Дона.

– Уф, даже не вспоминай об этой скандалистке! – поморщился Дон, прерывая жену. – Мне бы никогда в жизни не пришлось в голову пригласить её жить в нашем доме.

– Ты слышала, Ирина? – улыбаясь, повернулась к девушке Линда. – Услышать такое от Дона – большой комплимент. Обычно он не выражает симпатии к другим людям. Только отпускает дурацкие шуточки в их адрес. – В голосе Линды слышалось торжество – она определённо радовалась возможности уколоть мужа.

Дон укоризненно посмотрел на жену, но не сказал ни слова.

Об инциденте с Майки больше никто не вспоминал, и Ирина перестала переживать по этому поводу.

После ужина Брендон убрал все тарелки в посудомоечную машину и тщательно вытер стол. Через 10 минут после того, как все встали из-за стола, кухня вновь засияла идеальной чистотой. Ирина даже не поняла, каким образом это произошло – настолько хорошо в этой семье был отлажен процесс уборки посуды.

– Пойдём покажу тебе кое-что, – позвала девушку Линда.

Они прошли из кухни в парадную гостиную с электрическим камином – Ирина только ахнула:

– Ничего себе, какая ёлка! Линда, да ты настоящая волшебница!

В углублении комнаты, там, где снаружи дома выступал полукруглый эркер, стояла великолепно сложенная, со вкусом наряженная рождественская ёлка. Невооружённым глазом было видно, что все цвета висевших на ней украшений были тщательно подобраны и идеально гармонировали с цветовой гаммой гостиной: окрасом дивана, кресел, картин и камина.

Под ёлкой лежала большая куча упакованных в разноцветную бумагу подарков. Здесь уже во всю пахло Рождеством. Ирина впервые почувствовала ощущение приближающегося праздника. И не просто праздника, а торжества, которого все очень ждали.

– Я рада, что тебе нравится! – засмеялась Линда.

– А откуда здесь столько подарков? – спросила с удивлением Ирина.

– Так ведь Рождество уже совсем близко, вот все друзья да родственники приносят подарки, а мы складываем их под ёлку. Ну и конечно, мы с Доном положили сюда немало подарков для сыновей и друг для друга, – объяснила Линда.

– А у нас в России подарки появляются под ёлкой только в новогоднюю ночь. Заранее их никто туда не кладёт, – вздохнула Ирина, с грустью вспоминая о доме.

– Вот как? Будет интересно узнать, что ещё в России вы делаете совершенно по-другому. Думаю, таких моментов будет тьма-тьмушая. Я очень рада, что ты появилась в нашей семье.

Линда подошла к Ирине и обняла совсем как родную, буд-то приветствуя её в своём доме.

Такую реакцию по отношению к себе Ирина встречала в Америке впервые. Ей захотелось расплакаться, но она сдержалась. Однако с каждой минутой ей всё больше казалось, что она наконец нашла свою принимающую семью.

Урок 15.

Ты обязательно встретишь на пути что-то СВОЁ: увлечение, книги, друзей... Мимо своего не пройти – от него веет настоящим теплом.

Глава 16. Весёленькие новогодние праздники

Мальчишки только и щебетали, что о рождественских подарках, а их под ёлочкой скопилась целая гора.

Прошло несколько дней, с тех пор как Ирина переступила порог дома Лефиве. Она ещё не успела со всем освоиться, узнать обо всех правилах этого дома, а в окно уже стучало Рождество.

Было раннее утро, солнце ещё сладко дремало в предрасветных сумерках, а на лестнице уже стояли топот и гам. Сквозь сон Ирина различала детские крики, но они доносились до неё сквозь плотную завесу сладкого сна, и она продолжала неподвижно лежать в кровати.

– Вставай, соня! Всё Рождество проспий! – раздался прямо над её ухом голос Кевина.

Она с трудом разлепила веки и попыталась понять, что происходит.

– Давай быстрее! – не унимался Кевин. – Все уже спускаются вниз. У тебя 5 минут.

Только теперь Ирина сообразила, что наступило долгожданное утро 25 декабря.

Она нехотя встала, натянула на себя штаны и футболку и побрела на первый этаж.

На часах было почти шесть утра.

«Не могли дать мне отоспаться в выходной день? Мне-то какое дело до вашего Рождества? Распаковывали бы свои подарки», – ворчала она про себя, устало зевая и медленно

спускаясь по ступенькам.

В гостиной, похоже, не хватало только её.

Сонные Дон и Линда изо всех сил улыбались детям, пытаясь поддержать атмосферу праздника, но было видно, что это даётся им с большим трудом: они бы с удовольствием поспали ещё часок-другой.

Дети же, наоборот, были полны энергии и, казалось, дожидались этого момента всю ночь прямо здесь – перед ёлочкой.

– Всё! – закричал Кевин, увидев Ирину. – Все в сборе! Можно открывать подарки!

И с радостным гиканьем мальчишки бросились к груде праздничных свёртков.

Ирина тяжело опустилась в свободное кресло и, устроившись поудобнее, уже собиралась приятно вздремнуть, но не тут-то было!

– Ирине! – громко закричал Брендон.

Ирина вздрогнула от неожиданности.

– Чего же ты сидишь? – нетерпеливо заголосил Кевин. – Открывай скорее свой подарок!

Ирина с удивлением взяла объёмную коробку, на которой действительно красовалась надпись: «Для Ирины». Сон тут же сошёл на нет, уступив место любопытству.

«Надо же, и для меня подарок нашёлся! Что бы это могло быть?»

Она начала срывать подарочную упаковку. Внутри короб-

ки оказался мягкий банный халат, как раз такой, какого ей не доставало после душа. Она вопросительно посмотрела на Линду – та сияла довольной улыбкой.

Вокруг мальчишек, словно на дрожжах, росла гора подарочной упаковки – они один за другим доставали из коробок игрушки, конфеты, одежду, то и дело оглашая дом победоносными воплями.

– Ирине! – снова услышала девушка звонкий голос Кевина.

– И этот тоже! – будто эхом отозвался Брендон.

Одна за другой в её руках оказались две коробки поменьше. В них она нашла две хлопковые водолазки: одну белую, а другую цвета баклажана. На смену любопытству пришло чувство благодарности – тут же натянув на себя одну за другой подаренные водолазки, Ирина увидела, что ей идеально подходит не только угаданный Линдой размер, но и выбранные ею цвета.

На этом сюрпризы не закончились. В четвёртой коробке с её именем лежал чёрный замшевый жилет, очевидно, шедший приятным дополнением к водолазкам.

Ирина не могла поверить своим глазам: когда Линда успела закупить ей столько подарков? На прошлых выходных она ездила в Портленд, а среди недели работала! А Линду, по всей видимости, забавляло недоумение Ирины, она то и дело подмигивала ей и весело смеялась.

Подарки достались каждому. Линда получила от Дона

изящные серьги и дорогие тёмно-вишнёвые кожаные перчатки, а в свёртке для Дона оказалась дорогая рубашка нежного оттенка оливы с длинным рукавом.

Обменявшись подарками и поздравив друг друга с Рождеством, все отправились по своим спальням досматривать сны.

Гостей на Рождество не звали. Праздничный ужин съели сами. Поздравления принимали по телефону. Линда сказала, что планирует позвать гостей на Новый год.

Что до Ирины, то она и вовсе не считала 25 декабря за праздник: она, как и все русские, ждала наступления Нового года, так что без гостей ей было даже спокойнее.

И вот через несколько дней настал долгожданный для Ирины канун Нового года!

За пару дней до праздника Линда специально съездила в супермаркет и привезла десяток больших бумажных* пакетов с продуктами, однако готовить 31 декабря почему-то не спешила. Ирина ждала начала приготовлений с утра, но день в семье Лефиве шёл обычным чередом. И только часам к пяти вечера Линда всё же спустилась в кухню.

Ирина с готовностью встала с дивана, где читала книгу, дожидаясь, когда же понадобится её помощь.

– Ты решила мне помочь? – спросила несколько удивлённая Линда.

Она явно не ждала от Ирины помощи.

– Конечно, – охотно ответила Ирина. – Ты же говорила, что гостей будет много!

Линда засмеялась.

– Да, гостей будет не меньше двадцати человек. Мы не справляли новоселье, и я решила, что таким образом смогу показать дом всем желающим. Однако работы тут совсем немного, так что твоя помощь необязательна. Ну конечно, если ты хочешь помочь, то мне будет веселей.

С этими словами Линда начала доставать из холодильника баночки, свёртки, пакетики с зеленью, овощами и прочей снедью.

Вскоре Ирина убедилась в том, что Линда несколько не лукавила, когда говорила, что не нуждается в посторонней помощи, – весь праздничный ужин свёлся к нескольким блюдам на скорую руку. Среди них оказались: три тарелки с бутербродами канапе; две большие чаши с нарезанными и разложенными по секторам овощами (сельдерей, огурцы, помидоры, крошки-морковки, сладкий перец), поданные со специальным соусом; три тарелки с кусочками сыра и копченостями; огромный тазик с мексиканскими чипсами и две чашечки пряных соусов к ним.

За час до прихода гостей были нарезаны фрукты и расставлены бутылки с шампанским, вином и напитками покрепче. Да, ещё в хрустальную чашу щедро насыпали жареный арахис. На этом изобилие новогоднего стола для двадцати гостей исчерпывалось.

Ирина растерянно глядела на нарядные салфетки, блестящие дорогие бокалы и новогодние одноразовые тарелочки, аккуратно составленные в углу стола, как бы завершавшие праздничную сервировку.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – говорила Ирина сама с собой.– Да ведь Линда в обычный день намного вкуснее готовит! А тут праздник всё-таки, Новый год! А поесть как будто нечего...»

Минут за десять до начала вечеринки супруги Лефиве спустились вниз в вечерних нарядах.

Линда была неотразима: вечерний макияж, ярко-красная помада, нитка крупного бархатного жемчуга вокруг тонкой шеи, восхитительное чёрное платье в пол, подчёркивающее плавные контуры великолепной фигуры и изящные лакированные туфли на каблуках. Она походила на богатую владелицу крупного поместья: гордую и величественную.

Не менее изысканно выглядел Дон: дорогая, тщательно выглаженная рубашка кремового цвета, классические тёмно-зелёные брюки с идеальными стрелками, начищенные до блеска кожаные ботинки с рыжеватым отливом и золотой перстень на мизинце – Дон был под стать своей красавице-жене.

Дети были тоже принаряжены, но гораздо проще. Единственное, что, пожалуй, сильно отличало их в новогодний праздник – это тщательно зализанные головы, как будто именно в причёске и заключалась особенность их вечернего

наряда.

Вскоре посыпались гости. Почему-то Ирине пришло в голову именно это слово.

Они появились почти одновременно, словно соблюдая неписанный закон пунктуальности. Абсолютно все были в вечерних нарядах: женщины чаще в черных платьях с яркими блестящими колье, а мужчины в дорогих костюмах с бросающимися в глаза запонками. Детей среди них почти не было.

По паркету холла застучали каблучки – снимать обувь у американцев было не принято.

Дом в одно мгновение переполнился пенящимся торжеством, а пространство напиталось тонкими ароматами женского и мужского парфюма.

Супруги Лефиве приветливо встречали гостей у порога, после чего те растворялись в тёплых объятиях необъятного дома, появляясь в самых неожиданных его закоулках. Казалось, абсолютно все хотели попробовать на зуб каждый сантиметр нового жилья семьи Лефиве. Ирине было странно наблюдать за таким поведением гостей, но ни Дон, ни Линда не придавали этому значения. А может быть, просто не могли контролировать такое количество людей в своём доме.

Толпа гостей быстро росла, и вскоре по всему первому этажу распределились небольшие стайки по интересам, в которых подвыпившие гости весело болтали, держа в руках бокалы со спиртными напитками.

Со стороны Ирине чудилось, что пришедших больше ин-

тересовал новый дом Лефиве, чем новогодний праздник.

Вечеринка началась в девять вечера, но продлилась недолго. Многие под разными предлогами покинули торжество до двенадцати. Оставшиеся дождались полуночи больше из формальности, выпили шампанского на улице, поздравили друг друга с Новым годом и разъехались без особых эмоций.

Линда быстро смахнула со стола одноразовые тарелочки, поставила имевшуюся грязную посуду в посудомоечную машину и, довольная отведённым мероприятием, отправилась спать.

Дети тоже без всякого энтузиазма дожидались полуночи – скорее из возможности понаблюдать за поведением взрослых (почему-то это было для них весьма любимым развлечением). Когда же начали отъезжать последние машины, они быстренько нырнули в свои тёплые постельки, так и не поздравив друг друга с Новым годом.

Деда Мороза в новогоднюю ночь здесь не ждали. Да и праздника как такового Ирина не ощутила.

Она стояла перед окном со стаканом апельсинового сока, смотрела на звёздное небо, бесснежный уличный пейзаж и сама поздравляла себя с Новым годом.

– Как встретишь Новый год, так его и проведёшь, – проговорила она вслух.

В её памяти проносились детские новогодние ёлки, школьные новогодние дискотеки, весёлые новогодние посиделки до глубокой ночи, «Голубые огоньки» – всего этого в

Америке не знали, и всего этого она не могла рассказать своей американской семье. Ведь чувство волшебства новогодней ночи нельзя передать словами, его можно только переживать каждый год снова и снова, но переживать на родной земле, где это чувство по-настоящему живо.

Урок 16.

Берегите ВОЛШЕБСТВО!

*Бумажные пакеты – большие прямоугольные пакеты без ручки, изготовленные из обёрточной бумаги. Уже в 94-м году в продуктовых супермаркетах Америки НЕ ИСПОЛЬЗОВАЛИ пластиковые пакеты. Использование бумажных пакетов без ручек стало возможным, поскольку покупатели приезжали за продуктами исключительно на автомобилях. Нагрузив на кассе тележку бумажными пакетами, доверху набитыми товарами, покупатель свободно довозил её до своей машины, а потом легко перекладывал полные пакеты в багажник – в этом случае не очень прочный бумажный пакет выдерживал, а ручка оказывалась ненужной.

Глава 17. У врача

В конце января Ирина почувствовала себя плохо. Она всегда отличалась отменным здоровьем и едва ли жаловалась на своё тело. Но в этот раз ей показалось, что всё очень серьёзно.

но. У неё заболел желудок. По крайней мере, так она сама определила. Ирина стала чувствовать его каждый раз после еды – боль была небольшая, но довольно ощутимая и долго не проходила.

Около недели Ирина молчала. Во-первых, ей не хотелось докучать приёмным родителям своими проблемами. А во-вторых, в ней с огромной скоростью разрастался страх, что заболевание серьёзное и она умирает.

Со стороны это могло показаться смешным, но основания для опасений у Ирины действительно были: за несколько лет до этого от рака желудочно-кишечного тракта скончалась её бабушка по маминной линии. Болезнь бабушки протекала тяжело. Маме пришлось забрать её к ним в двухкомнатную квартиру и несколько месяцев ухаживать за больной. Ирина смотрела, как медленно угасает бабушка, и порой её охватывал дикий ужас от осознания того, что болезнь может произойти с любым человеком и в любой момент.

Вот и теперь страх смерти, остро пережитый несколько лет назад, неожиданно вернулся.

Несколько ночей Ирина не спала, но потом всё же решилась поговорить с Линдой. Она не стала делать никаких предположений, а просто сказала, что у неё болит желудок.

Линда не испугалась. Она отнеслась к новости спокойно. – Ирина, для этого случая у тебя есть медицинская страховка. Мы сможем получить консультацию у врача и провести необходимые исследования. Ты только не переживай за-

ранее. Я запишу тебя к хорошему доктору в нашей клинике. – Линда посмотрела на Ирину с улыбкой.

– Мне казалось, я использовала всю страховку на стоматолога, – засомневалась девушка.

– Страховка на стоматолога идёт отдельно, так что всё в полном порядке, – объяснила Линда.

Ирине полегчало. Она стала ждать, когда Линда повезёт её на приём. Маме, которая позвонила ей как раз перед приёмом, Ирина ничего не сказала – та ещё не могла полностью оправиться от новости, что дочери пришлось переезжать во второй раз. Про историю с полицейским родная семья Ирины пока тоже не знала.

Через пару дней они с Линдой припарковались на вместительной стоянке перед городской клиникой. Двухэтажное здание, состоящее из трёх корпусов, было выложено из кирпича нескольких оттенков тёмно-красного цвета. Большая приёмная, где происходила запись пациентов, находилась в отдельном угловом корпусе, который возвышался над двумя другими крыльями клиники, словно громадная башня каменного замка. Стены башни с двух сторон прорезали два высоченных – от основания и почти до плоской крыши – окна, которые заканчивались красивым арочным изгибом. Территорию вокруг клиники украшали высокие стройные туи, небольшие клёны и аккуратно подстриженные ряды вечнозелёного кустарника.

Как и в случае с посещением стоматолога, увидев всю эту красоту, Ирина позабыла о страхе. Предательски стучавшие ещё несколько минут назад зубы и трясущиеся колени расслабились и вернулись в нормальное состояние.

Выйдя из машины, Ирина глубоко вздохнула.

Доктор принял их строго по времени. Линда вошла в кабинет вместе с Ириной.

Девушку несколько удивило внешнее сходство врача с американским стоматологом, которого она посещала осенью: похожая фигура, небольшие усики, проступающая лысина и успокаивающая улыбка – что-то, безусловно, роднило этих двух мужчин.

– Ну, Ирина, рассказывай, что у тебя стряслось, – бодро начал расспросы доктор. – С чего это вдруг ты решила заболеть в Америке?

– Не знаю, – растерялась Ирина. – Живот после еды стал болеть.

Доктор задал несколько уточняющих вопросов, а потом спросил:

– У тебя случался в последнее время стресс?

Линда не дала ответить Ирине.

– Случался! Да ещё какой! Ей пришлось переехать в новую семью в сопровождении полицейского.

– Не может быть! – искренне удивился доктор. – Может, тогда это объясняет причину твоего состояния, Ирина? Стресс первым делом сказывается у подростков на желуд-

ке. Поэтому тебе надо успокоиться и перестать переживать. Неважно, что тебя беспокоит: новая семья, школа, друзья, проблемы с желудком – выброси всё из головы. Выброси, и всё! Это первое и самое главное в данной ситуации. Ты понимаешь, о чём я говорю? – Умные внимательные глаза смотрели на Ирину в ожидании ответа.

– Да, понимаю, – кивнула Ирина.

– Ну, вот и молодец! – улыбнувшись, сказал доктор. – Хорошо, тогда продолжим. Ложись на кушетку, я прощупаю твой живот.

Ирина выполнила просьбу врача. Мягкими умелыми движениями доктор надавливал на разные части живота и просил сказать ему, где она чувствует боль. Когда осмотр был окончен, доктор вымыл руки и перешёл к столу.

– Ирина, я выпишу тебе направление на рентген. После рентгена вы придёте ко мне с Линдой, чтобы я дал медицинское заключение и выписал лекарства. Но думаю, ничего серьёзного у тебя нет и беспокоиться не стоит. Ты поняла?

Внимательные глаза доктора снова изучали лицо девушки.

– Поняла. – Ирина с облегчением вздохнула.

Ей необходимо было услышать эти ободряющие слова. Она почувствовала, как хватка страха, сковывавшего её существо последние несколько дней, сильно ослабла.

– Тебе понравился врач? – спросила Линда, когда они сели в машину.

– Очень! Мне даже кажется, что у меня перестал болеть живот. – Ирина засмеялась.

Линда тоже захохотала.

– Я знаю, так иногда бывает после посещения доктора, но лучше ты не говори об этом Дону, иначе он будет смеяться над тобой до окончания года, – посоветовала Линда.

Дон был, видимо, серьёзно обеспокоен жалобами Ирины, поэтому, как только вернулся с работы, сразу увлёк Линду в свой кабинет, чтобы выяснить у неё все подробности посещения врача. За ужином он обратился к девушке с комментарием:

– Ну что ж, Ирина, значит, во всём виноват стресс?! Чёрт тебя дёрнул отправиться в Америку, где живут идиоты с оружием! Если бы не Джейсон, ты была бы сейчас в абсолютном порядке! Что скажешь? – Он помолчал. – Или это мы добавляем в твою жизнь стресса?

Дон говорил полушутливым тоном, но по его глазам Ирина поняла, что в действительности он хотел выяснить, не являются ли его шутки источником её беспокойства. Она поспешила заверить его в обратном:

– Дон, я совсем не переживаю из-за твоих шуток. И вообще, в вашей семье я чувствую себя свободно и комфортно, возможно, впервые за столько месяцев в Америке. – Ирина с благодарностью взглянула поочерёдно на Дона и Линду.

– Вот видишь! – Дон осуждающе посмотрел на жену. –

Мои шутки не имеют отношения к её стрессу. У неё с головой всё в порядке. И нечего меня во всём обвинять.

Видимо, у Линды было своё мнение на этот счёт.

– Ну и отлично, – обрадовалась Линда. – Я серьёзно переживала, что ты расстраиваешься из-за уколов Дона. Да я бы сама из-за них переживала, будь я на твоём месте! Он кого хочешь до стресса доведёт. – Она улыбнулась и подмигнула Ирине.

Перед сном, лёжа в своей кровати и наблюдая за круглой луной, которая заглядывала в окно, словно незваная, но полноправная гостья, Ирина перебирала в голове все ситуации, которые остро переживала за последние полгода.

Первое, что пришло в голову, – смерть отца. Она была слишком неожиданной и нелепой, чтобы девушка могла принять её без внутреннего протеста и сопротивления. Отец никогда не посещал больниц и ни на что не жаловался. Представить его на больничной койке было немыслимо. Он очень радовался Иринутому успеху, тому, что она поедет в Америку. Отец очень гордился дочерью. А потом внезапно произошёл приступ: здорового и физически сильного мужчину скрутила жесточайшая боль. Сутки он сопротивлялся и не разрешал вызывать скорую. И только когда терпеть уже не было сил – сдался. Операцию проводили ночью: с субботы на воскресенье. У отца был перитонит. Сама операция прошла успешно, но, когда отцу давали наркоз, трубка с подачей кислорода попала не в трахею, а в пищевод. Врачи не сразу

заметили ошибку. Мозг оставался без кислорода больше пяти минут.

Отец пролежал в коме семь дней. Семь бесконечных дней, которые Ирина вместе с мамой и родителями отца провели в коридоре больницы. Семь жестоких дней, когда весь мир Ирины крошился в пыль, стирая все её прежние мечты, выжигая из сердца радость. Впервые её вера в жизнь и в счастье потерпели крушение. Впервые она поняла, что любая опора в жизни – не больше чем иллюзия, которая может в любой момент рухнуть.

Она поехала в Америку только потому, что отец мечтал об этой поездке. Хотя всей её семье было, конечно, нелегко принять такое решение.

Потом Ирина вспомнила, как впервые увидела Бьютт-Фолс, как оказалась в своей крошечной камерке; вспомнила, как сильно ей не хватало воздуха, когда она пыталась бороться с чувством безысходности, как ей было больно и одиноко; вспомнила откровение Энджел, которое потрясло её до глубины души.

«Разве могут шутки Дона сравниться с тем грузом боли, которые я накопила к моменту встречи с семьёй Лефиве? – усмехнулась Ирина, разговаривая сама с собой. – Бедный Дон, он и вправду подумал, что мог стать причиной моей болезни!»

Конечно же, Ирина не рассказала о своих переживаниях ни Дону, ни Линде. Это было лишним. Но теперь, когда док-

тор назвал причину её проблемы, она постаралась отыскать в памяти все случаи, когда душевная боль была настолько сильна, что смогла проникнуть в тело и оставить там физические раны. Она увидела, что их накопилось слишком много.

«Неудивительно, что тело не справилось. Чаша боли перевесила чашу радости», – невесело заключила Ирина после долгих раздумий.

Вскоре пошли на рентген. Перед процедурой Ирине дали выпить густую белую массу. Пить было не очень приятно, но терпимо.

Потом её положили на стол, стоявший посередине кабинета, и оставили одну. Над столом был закреплён рентгеновский аппарат. Процедура заняла пару минут.

На следующий день со снимком она должна была снова появиться у доктора.

В эту ночь Ирина опять не спала. Все сомнения роем поднялись в её голове. Она представляла, что на снимке самые жуткие болезни, какие только можно представить.

Хорошо, что приём состоялся утром и ей не пришлось трястись ещё несколько часов.

– Ну, как настроение Ирина? – доктор приветливо улыбался. – Как прошёл рентген? Надеюсь, было нестрашно?

– Нет. – Ирина помотала головой и натянуто улыбнулась.

– И не больно?

– Нет!

– Я же говорил! У нас абсолютно нечего бояться! Давай-ка мне снимок! Так, посмотрим, что тут у нас. – Он взял в руки снимок и поставил его на специально подсвеченную доску, которая позволяла увидеть все детали на негативе.

Какое-то время он молчал, стоя к ним спиной. Ирина напряжённо ждала, с надеждой глядя на его широкую спину. У неё было чувство, что от его вердикта зависит вся её жизнь.

Наконец он повернулся – на лице его играла лёгкая улыбка.

– Я же говорил – ничего смертельного! У тебя недостаточность кардиального сфинктера. Это такой мышечный клапан, который закрывает промежуток между желудком и пищеводом. Вот посмотри на этот плакат. – Доктор взял указку и подошёл к стене, где висел большой подробный плакат с названием «Строение желудочно-кишечного тракта». – Смотри вот сюда. – Он указал на нужное место рисунка. – Вот этот клапан у тебя до конца не закрывается, поэтому ты испытываешь ощущение тяжести и надутости желудка после еды. Такая патология однозначно произошла на фоне стресса. Поэтому, Ирина, главное твоё лечение – это спокойствие! Кроме того, сейчас, в период обострения, тебе необходимо соблюдать диету. Я бы рекомендовал на три-четыре месяца исключить определённые продукты: все цитрусовые, чёрный хлеб, кофе, шоколад и любые сладости, которые содержат какао. Эти продукты являются раздражителями для слизи-

стой желудка и способствуют увеличению концентрации желудочного сока. К тому же я выпишу тебе таблетки. Попьёшь их в течение месяца. Я думаю, этого будет вполне достаточно. Конечно, если тебе станет хуже, можешь снова прийти на приём, но я считаю, что он тебе не понадобится.

Ирина облегчённо вздохнула. Теперь она знала и причины своего недомогания, и способы борьбы с ним. Ясность до конца развеяла её страхи, и она с глубокой благодарностью смотрела на американского доктора, будто он на её глазах совершил чудо.

– Спасибо большое! Я так боялась! – В голосе Ирины чувствовались облегчение и радость.

Доктор засмеялся.

– Никогда не стоит бояться! Лучше сразу узнать врага в лицо и успокоиться! Желаю тебе скорейшего восстановления! До свидания!

Он выписал рецепт и протянул его Линде.

– Спасибо, доктор, – поблагодарила Линда.

Ирина чувствовала себя легко и радостно. Ей хотелось прыгать, танцевать, веселиться! Теперь ей казались нелепыми мысли о смерти, которые ещё несколько дней назад вились вокруг неё, подобно стае чёрных ворон.

Она подскоками устремилась к машине.

Линда улыбалась, глядя на Ирину, она прекрасно понимала её состояние.

Сама Линда выглядела так, будто тоже испытала облегче-

ние после объяснений доктора.

– Всё хорошо, – сообщила она Дону, как только тот вошёл в дом. – Лёгкая диета, спокойствие и приём одного вида таблеток в течение месяца. И Ирина снова будет в порядке!

– Отлично! Рад это слышать! – Дон улыбнулся.

В тот же день Линда приобрела необходимое лекарство, и Ирина стала принимать его согласно рекомендации врача.

Продукты, перечисленные доктором, девушка с лёгкостью исключила из своего рациона.

Прошло две недели, и Ирина почувствовала, что болеть желудок стал реже и меньше. А уже через месяц совсем позабыла, что у неё были какие-либо жалобы. Однако диету не бросила до конца учебного года.

Урок 17.

Стресс – источник любой болезни. Надо научиться останавливать излишние переживания.

Глава 18. Дон

Дону исполнилось 42. Это был его первый брак. И, как он сам утверждал, Линда женила его на себе, когда ему стукнуло 38. Ему было всё равно.

Практически сразу, как только Ирина поселилась в доме, Линда рассказала ей их историю.

Много лет Дон был холостяком и жил в доме, который

собственноручно построил вместе со своим отцом. Несмотря на то, что он жил долгое время один, в его доме царил идеальный порядок. Когда Линда впервые посетила его холостяцкое логово, она не могла поверить своим глазам.

– Уж насколько я люблю порядок, но такой идеальной чистоты не было даже у меня! – не без гордости рассказывала она о муже. – Кроме того, Дон замечательно готовил. Он вообще прекрасно обходился без женских рук. Именно поэтому очень многие женщины хотели бы заполучить его в мужа. Однако он долго не поддавался женским чарам, несмотря на настойчивые ухаживания многочисленных поклонниц. На мне, правда, сломался, – как бы открывая секрет, делилась с Ириной Линда.

Ирине же казалось, что всё не так просто и что в этом рыжем – с ирландскими корнями – бородатом мужчине скрывается глубокая тайна. От него веяло незнакомым теплом, какое редко исходило от американцев. Когда он разговаривал с Ириной, она чувствовала его равнодушие, будто он хотел видеть и видел её душу целиком – со всеми переживаниями и сомнениями – как на ладони. Он никогда не притворялся, никогда не пытался скрыть своих эмоций, но всегда говорил прямо, без обиняков, облекая свою правду в меткую остроту, которая без промаха била в цель. Эта черта Дона нравилась не многим. Ирина заметила, что у него нет близких друзей.

Раз в две недели он встречался с тремя парнями, которые составляли ему компанию для игры в покер, но это было

всего лишь небольшим социальным развлечением, которое скорее помогало ему выглядеть «как все». Но «как все» он не был.

Причину такой непохожести на других Ирине удалось выяснить только через несколько месяцев. До той поры она наблюдала за ним, а он, по всей видимости, за ней.

Как только на улице потеплело, а к пятнадцати-восемнадцати градусам Цельсия температура поднялась уже к середине марта, Дон начал думать о том, как облагородить территорию вокруг дома – ведь они переехали в новый дом осенью, когда заниматься земляными работами уже не было смысла.

Надо сказать, что строители убрали за собой достаточно хорошо, однако перекопанная неровная земля, хотя и без мусора, выглядела не слишком привлекательно.

После совместного обсуждения супруги Лефиве решили, что вокруг дома будет расти ровный газон. В этой связи у Дона было два решения: нанять людей, чтобы те выровняли, утрамбовали землю, а после привезти готовый газон в рулонах и расстелить его перед домом за один день; либо же вскопать, выровнять, утрамбовать землю, посадить газонные семена и вырастить газон самостоятельно.

Все соседи, переехавшие в новые дома в одно время с Лефиве, будто сговорившись, выбрали первый вариант. Все они ждали погоды потеплее, чтобы привезти шелковистые

зелёные рулоны и покончить с вопросом обустройства территории раз и навсегда.

Но не Дон.

Однажды рано утром Ирину разбудил оглушительный шум за окном. Она взглянула на часы – 5.30. С трудом заставив себя подняться, она раздвинула жалюзи и увидела Дона – тот усердно вскапывал землю электрокультиватором.

«В пять утра? Да ты, должно быть, шутишь!» – подумала Ирина и опять упала в постель.

Однако Дон отнёсся к поставленной им самим же задаче со всей серьёзностью. С того дня каждое утро с 5.30 до 6.15 он трудился на участке. После – душ, завтрак и – на работу.

На вопросы Ирины: «Почему он работает по утрам?» или «Почему бы не перенести эту работу на выходные?» – Дон отвечал, что вечером чувствует себя слишком уставшим и не способен на физический труд, а за одни выходные ему с таким объёмом работ не справиться.

После того как земля вокруг дома была вскопана, дня два-три он занимался тем, чтобы должным образом её утрамбовать.

Наконец после всех скрупулёзных земляных работ в землю были брошены газонные семена. Ирина полагала, что на этом утренние подвиги Дона закончились, однако сильно ошиблась.

Где-то в течение двух-трёх недель после посадки семян Дон ежедневно поливал посаженный газон из шланга. И де-

дал это неизменно по утрам.

Вскоре его труды воздались сторицей! Чёрная земля стала сплошь покрываться нежными зелёными росточками.

Газон получился на славу: густой, шелковистый, радующий глаз весёлым зелёным отливом.

Когда газон встал перед домом плотным ковриком, другие соседи тоже зашевелились и заказали готовые зелёные рулоны. А Дон, глядя на то, как чужие люди работают на соседских участках, только усмехался себе в бороду.

Насколько Ирина поняла, глава семейства взял на себя поддержание порядка на территории вокруг дома и в огромном, на три машины, гараже.

В семье было три автомобиля: старый пикап – на нём Дон ездил на работу; семиместный новенький форд Линды, в котором семья могла уместиться целиком; и дорогой линкольн, который Дон выводил из гаража только в исключительных случаях.

После того как его земляные работы закончились, Дон переключился на мытьё подъездных путей, которые вели к гаражным воротам. Он мыл их по выходным с помощью специального устройства, но не просто водой, а с моющим средством (!).

Когда Ирина увидела это впервые, она сильно удивилась, но потом обратила внимание, что и центральные дороги Медфорда тоже регулярно моют с шампунем, и это вполне

обычная для американцев практика.

Возможно, из-за отсутствия пыли на дорогах города у американцев и появилась привычка не разуваться при входе в дом. В городе было чисто при любой погоде. Белые тряпочные полукеды, которые Ирина купила себе сразу после приезда в Штаты, оставались ослепительно белыми и по прошествии почти целого года – до того дня, когда она полетела на родину.

Вообще, иногда Дон принимал странные решения, которые Ирина никак не могла понять. А может, это и было то самое нестандартное мышление, о котором говорят почти все, но лишь немногие способны продемонстрировать на деле.

В один из выходных дней мальчишкам уж очень захотелось пиццы. Линда собиралась было заказать пиццу на дом, но Дон сказал, что с удовольствием прокатится по городу и сам привезёт желанный ужин домой. Было где-то около пяти вечера.

– Ирина, поедешь со мной за пиццей? – неожиданно позвал он Ирину.

– Конечно, – охотно согласилась девушка и побежала наверх за курткой.

Они вышли через заднюю дверь в гараж. Дон выгнал свой старенький пикап наружу и неожиданно заглушил мотор.

– В чём дело? – обеспокоенно спросила Ирина.

– Ты же хочешь научиться водить машину? – ни с того ни

с сего спросил Дон.

– Ну, вообще-то да, – робко ответила Ирина.

– Тогда меняемся, – решительно сказал Дон и вылез из машины.

Ирине ничего не оставалось делать, как тоже вылезти из автомобиля. Она не спеша приблизилась к водительской двери.

– Давай смелей, там мальчишки с голоду умирают, – подбодрил её Дон.

Она села за руль. Это был первый раз, когда она оказалась на водительском сиденье. У её родного отца машина тоже была, однако он никогда не предлагал ей поучиться вождению.

Ей было непривычно. Однако Дон не особенно дал ей освоиться с ситуацией. Он быстро показал, как включается зажигание, рассказал про педаль газа и тормоза, показал, как переключать автоматическую коробку передач, а потом произнёс:

– В общем, всё просто. Пробуй.

У Ирины не оставалось выбора. Она попробовала завести машину, перевела рычаг коробки передач в нужное положение и... поехала!

– Только без эмоций – газон! – вовремя закричал Дон.

Ирина остановилась.

– Ну, и что ты встала? Переключай передачу, выворачивай руль в нужную сторону, – как ни в чём ни бывало продолжал

инструктировать Дон.

Думая, что в их квартале и машин-то мало, да и скорость у всех небольшая, Ирина выехала на дорогу.

Немного погодя ей даже начало нравиться это ощущение контроля над большой чужеродной массой металла. Она с благодарной улыбкой посмотрела на Дона.

– Что, нравится? Я так и думал – всем нравится водить автомобиль. – Он усмехнулся.

Подъехав к своротку из квартала на широкое трёхполосное шоссе, Ирина остановилась и заглушила мотор.

– Ну, и что ты опять встала? – недоумевающе посмотрел на неё Дон. – Никого нет, поехали!

– То есть как поехали? – не поняла Ирина. – Я же не умею водить.

– Как не умеешь? – удивился Дон. – Только что довольно улыбалась.

– Но там же машины, перекрёстки...

– И что? Ты раньше перекрёстки не видела? Или машины? – перебил её Дон.

– Видела... – робко промямлила Ирина.

Сопrotивляться Дону было бесполезно.

Она попробовала завести мотор, но ничего не получилось. Руки начали понемногу дрожать.

– Может, всё-таки лучше ты, а я на обратном пути опять проеду по нашему кварталу? – с надеждой спросила Ирина.

– Нет, я не могу, я пиво выпил, – неожиданно заявил Дон.

– Как выпил? Почему? А зачем за пищей вызвался ехать? – Ирина ничего не понимала.

– Я же знал, что у меня есть ты. Вместе и доедем. – Он пристально посмотрел ей в глаза.

Она нажала на газ только потому, что в её сознании вождение в нетрезвом виде было недопустимо. Какой-то подсознательный пунктик, который стоял в голове непреодолимым препятствием и не давал думать.

На её счастье, машин на дороге встречалось мало. Да и те, что попадались, находились от Ирины на порядочном расстоянии – дорожные полосы в Америке делали широкими.

Приближался перекрёсток. Светофор загорелся пронзительно красным.

– Что же ты молчишь? – закричала Ирина. – Что делать???

– Ты что, светофор впервые видишь? Тормози!!! – последние слова он уже кричал ей прямо в ухо – они были непротитительно близко к стоп-линии.

Резина заскрипела по ровному асфальту, заставляя автомобиль, словно разгоряченную лошадь, почти что встать на дыбы. Передние колёса пересекли черту, но машина всё же остановилась.

– Ты в своём уме? – набросился на неё Дон. – Ещё немного, и мы оказались бы в центре перекрёстка. Тебе жить надоело?

– Неет, – еле слышно пролепетала Ирина, – я просто думала, что ты будешь мне подсказывать.

– Что тут подсказывать? Ты что не знаешь, что на красный надо останавливаться?

Было видно, что Дон не был готов к такому повороту событий. Теперь чувство опасности передалось и ему. Однако он поспешил взять себя в руки.

– Ты права, Ирина, это я виноват. Надо было предупредить тебя до перекрёстка, что нам ещё метров 200 прямо, никаких перестроений не надо. Извини, – последнее слово было сказано с нарочитой растяжкой.

К Ирине вернулось самообладание. Она кивнула и вместе с другими машинами тронулась вперёд. Вскоре показался нужный поворот, ей удалось удачно перестроиться в правый ряд, и вот они оказались на парковке перед пиццерией.

– Теперь заворачивай на любое парковочное место, – сказал Дон.

«Легко сказать», – подумала Ирина.

Парковочные места были расположены под углом. Она попыталась совершить манёвр, но, неуклюже повернув, остановилась прямо поперёк парковочной разметки.

Дон покачал головой и махнул рукой:

– Всё равно здесь никого нет, мастер ты наш великий.

Выйдя из пиццерии с горячей, обалденно пахнущей пиццей, Ирина уверенно зашагала к пассажирскому сиденью пикапа.

– Ты куда это? – окликнул её Дон.

Она обернулась. Он указывал на водительское место.

– А ты не боишься, что мы попадём в аварию? – спросила Ирина, остановившись на полдороге.

– Нет, ты не настолько глупа, чтобы попасть в аварию на полупустой дороге. А вот ты не боишься, что меня лишат прав?

На это Ирина опять не нашлась что ответить, и со вздохом побрела к водительской дверце.

До дома они добрались без происшествий. На этот раз Ирина не ждала никаких указаний и пыталась думать самостоятельно, однако и Дон заранее говорил ей, где перестроиться и через сколько метров ожидать поворот.

И Линда, и мальчишки были шокированы, когда услышали от Ирины эту историю.

Работал Дон директором на деревообрабатывающем заводе. Насколько Ирина поняла, это было одно из градообразующих предприятий города.

Он выглядел очень успешным, состоявшимся человеком, которому судьба улыбается во все 32 зуба... Однако, как оказалось, это впечатление было весьма ошибочным.

Однажды Ирина с Доном оказались дома одни.

Кевина и Брендона забрал на выходные отец. Выяснилось, что для Линды это был второй брак – у Кевина и Брендона был другой папа.

Что до Линды, то она вместе с Майки уехала в гости к подруге.

Ирина сидела на мягком диване в гостиной и делала домашние задания. Она не любила находиться в своей маленькой комнате, почти всю площадь которой занимала двуспальная кровать. Гораздо приятнее было делать уроки в просторной уютной гостиной, широкие окна которой словно раздвигали стены, добавляя комнате дополнительный объём. Ирина очень любила этот светлый, уютный уголок дома.

Погода стояла чудесная. Солнечный свет щедро заливал столовую, делая её похожей на открытую веранду гостеприимного кафе, где пустой столик будто дожидался своих посетителей.

Дон появился на кухне, чтобы перекусить. Увидев Ирину, он пригласил её:

– Присоединяйся, отдохнёшь немного от своих уроков.

Выбрав самое солнечное место за столом, он устроился там, захватив чашку с жареным арахисом и стакан воды.

Ирина с радостью поддержала предложение.

«Вот и посетители для “кафе” нашлись», – с улыбкой подумала она.

Дон был в хорошем настроении, и Ирина впервые за несколько месяцев проживания в доме Лефиве решила спросить его про их встречу с Линдой. Ей было интересно услышать версию этой истории от него.

За прошедшие месяцы они с Доном сблизились: он был единственным, с кем Ирина любила «говорить по душам».

Странно, но у Дона взгляд на их с Линдой отношения был

гораздо проще и безыскуснее.

– Да нечего рассказывать. Встретила меня, да и женила на себе. – Дон ухмыльнулся. – Все эти особые приёмчики её были с самого начала видны насквозь и ужасно меня забавляли, но я решил: «А почему бы и нет?» Лет мне было уже много. Женщинам я не верил. Тем более в какую-то там любовь. Просто видел, что женщина – нормальная, красивая, порядок любит. Вот и решил жениться. Но я никогда не любил Линду. – Он взглянул на Ирину и закинул в рот горсть жареного арахиса.

Последняя фраза её шокировала. Очарование уютного кафе вдруг пропало.

– То есть как не любил? И ты мне вот так просто об этом говоришь?

– Да, я никогда и не скрывал своего отношения. И ей об этом сразу сказал. Дело в том, что я не верю женщинам. Поэтому честно предупредил Линду, что если её устраивает уважение с моей стороны, то это всё, что я способен ей дать. Любви не будет. Точка. Её это устроило.

Ирина не верила своим ушам. В её юной голове ещё роились мечты о романтических отношениях, и она, безусловно, верила в любовь. Тут же зрелый мужчина легко констатировал тот факт, что никогда и не любил свою супругу. И вообще отрицал существование любви как таковой.

Она озадаченно помолчала, пристально глядя на невозмутимое лицо американца, а потом медленно произнесла:

– Дон, я не верю в то, что ты никогда не любил.

На некоторое время в столовой повисло молчание.

Дон вдруг замер, потом медленно отодвинул чашу с арахисом.

Ирине показалось, что его фигура уменьшилась в объёме – крупное тело неожиданно сжалось, точно от боли. Будто бы фраза Ирины вызвала в его голове болезненные воспоминания.

– Это давняя история, – начал он в некотором раздумье. – Я никогда не рассказывал её Линде. – Дон помолчал. – Она, конечно, слышала кое-что от других людей – слухами земля полнится, – но от меня она не слышала ни слова.

Ирине показалось, что глаза Дона стали влажными.

– Когда мне было 18 лет, я влюбился, – теперь Дон, не отрываясь, смотрел в одну точку. – Влюбился без памяти. Мой чересчур строгий отец был против нашей связи, и мы решили убежать из дома. Глупое решение, – Дон усмехнулся, – но тогда оно казалось единственно верным. Мы уехали к моим дальним родственникам, надеясь, что со временем всё утрясётся. Позже нам пришлось скитаться от знакомых к знакомым, пока были деньги. Но потом деньги закончились вместе с надеждой на то, что в подобной ситуации можно выжить без помощи родителей. Осознав всю безнадёжность нашего предприятия, моя невеста сбежала, оставив банальную записку: «Не ищи меня больше, всё кончено». Я не мог поверить своим глазам. Не мог поверить, что она вот так за-

просто меня бросила. Боль была такая, что я дико прорыдал несколько дней. И вместе со слезами из меня тогда навсегда вышла вся эта романтическая дурь. Домой вернуться я категорически не мог. Я знал, что мой слишком принципиальный отец ни за что на свете не пустит меня назад. И во мне выиграла гордость. Я решил, что обойдусь без всех, что справлюсь с этой жизнью сам. Через что только мне не пришлось пройти... – Он покачал головой. – Очень скоро в моей жизни появились наркотики, сомнительные дружки, и жизнь отчаянно покатила вниз по наклонной. Лучшие годы своей жизни я провёл грязным бродягой, выполняя работы какие придётся и тратя все вырученные деньги на еду и наркотики. Помочь было некому. Моя семья не знала обо мне ничего. Даже то, был ли я всё ещё жив или умер. Рядом со мной находились лишь такие же падшие – отверженные отбросы общества. Так прошло более десяти лет. Представляешь, целых десять лет?! – Дон повернулся к Ирине, и она увидела в его взгляде пронзительное чувство вины, которое никак не вязалось с этим большим и сильным, как ей казалось, человеком.

– И вот мне должно было исполниться тридцать. Для себя я решил, что это будет моя последняя черта, за которую я не перейду. Я не находил причины, по которой я был достоин продолжать жить. Я был жалок и ничтожен: обросший, не мытый месяцами, грязный, оборванный и вонючий – я был противен самому себе. И вот до моего дня рождения

оставались считанные дни. Мне было всё равно, где и когда умереть. Я знал, что этого уже не избежать. Однажды я стоял у дороги и голосовал, чтобы меня подбросили до ближайшего городка. Какой-то дальнобойщик сжалился надо мной и разрешил сесть в свою кабину. По пути мы разговорились. Наверное, мне нужно было сказать последнее слово этому миру, и «ушами» этого мира волей случая оказался тот человек. «Дай себе еще один шанс, – вдруг сказал он. – Всего один, может, у Бога есть для тебя смысл и ты должен продолжать жить». При этих словах что-то кольнуло меня изнутри. Будто это был ответ того мира, против которого во мне поднялся бунт. Он высадил меня на окраине какого-то захолустья. Неподалёку стояла церковь. Было воскресенье, там шла служба. Тихий голос внутри меня сказал: «Зайди в церковь». Я сопротивлялся. Грязный, оборванный – как я мог появиться на глаза людям, которые нарядились, чтобы прийти на воскресную проповедь? Но голос был настойчив: «Ты ничего не теряешь. Зайди на проповедь. Если и здесь ты не найдёшь смысла жить, можешь поступать как угодно». Я неуверенно направился к двери. Последние ряды зала были пустыми. Я присел на край, физически ощущая, как от меня во все стороны разносится омерзительный запах. Ожидая, что люди начнут возмущаться и прогонят меня вон, я был готов сорваться и бежать в любую секунду. Но люди словно не обращали на меня никакого внимания. Все были увлечены проповедью. Постепенно до моего слуха стали долетать

отдельные слова, а потом я стал слушать пастора. Его голос казался мне неправдоподобно добрым... Из моих глаз потекли слёзы...

Дон опустил голову и замолчал.

Солнечные лучи касались его волос, превращая чуть рыжеватый оттенок в металлический блеск отполированной меди.

– Потом проповедь кончилась. Люди стали проходить мимо. Но никто не посмотрел на меня с презрением, никто не посторонился меня. Когда все вышли, ко мне подошёл пастор. Он взглянул мне в глаза и улыбнулся: «Я очень рад, что ты решил зайти к нам сегодня». Впервые за долгие годы на меня посмотрели, как на человека, который чего-то стОил. В его взгляде я прочитал ясный ответ: смысл жить есть. Смысл жить мне. Я получил тот самый ответ, который искал. Ответ Бога, Вселенной, Пространства – называй как хочешь. Но я получил его и больше не чувствовал себя одиноким. Я больше не хотел умирать.

Он остановился, медленно выпил воды и продолжил:

–Мы ещё долго проговорили с пастором. Позже он помог мне вернуться домой. Дома меня давно уже простили – были счастливы, что я жив и здоров. А во мне будто что-то перевернулось: я сумел отказаться от наркотиков, стал работать с утра до ночи... Отец мне всячески помогал. Я чувствовал, что он винит себя за то, что со мной произошло. Медленно жизнь пошла в гору – подвернулась хорошая работа, постро-

или с отцом дом. Но женщинам я так и не простил. Я так и не верю им. Если я чувствую, что начинаю влюбляться, – сразу сбегаю. Я знаю – мне не выдержать второго предательства. И поэтому я выбрал Линду. – Неожиданно он посмотрел Ирине прямо в глаза, как бы спрашивая: «Теперь ты понимаешь?»»

Ирина еле сдерживала себя. Ей хотелось рыдать.

Она впервые сталкивалась с таким количеством боли и страдания, через которые пришлось пройти другому человеку. Теперь она понимала, почему он так отличался от остальных, откуда брались его язвительные шуточки. И почему от него веяло душевным теплом, которого в Америке днём с огнём не сыщешь.

Урок 18.

*Юность – самый важный жизненный перекрёсток.
Как бы чего не натворить...*

Глава 19. Линда

Линда была беременна. Четвёртым ребёнком. Ей было 38 лет.

Дата родов планировалась на конец июля.

Все её предыдущие роды прошли через кесарево сечение. И тем не менее врачи не видели ничего страшного в том, что она забеременела в четвёртый раз. Глядя на неё, нельзя было предположить, что это беременная женщина: она бы-

ла стройна, энергична и всегда улыбалась. Даже на последних месяцах беременности Линда вела себя так, будто ничего особенного не происходит – она не утратила подвижности и никогда ни на что не жаловалась, по крайней мере Ирине.

За что бы Линда ни бралась, всё получалось у неё мастерски. Она любила быть лучшей. Дом был главным предметом её гордости. Мало того что она придумала весь этот по-линдонски белоснежный стиль, она ещё и умудрялась поддерживать его в блестящем порядке.

День её был организован до мелочей.

По утрам в течение рабочей недели каждый член семьи Лефиве самостоятельно готовил себе завтрак: хлопья с молоком и тосты. Задача Линды заключалась в том, чтобы обеспечить необходимый запас хлопьев в достаточном ассортименте, ведь у каждого были особые предпочтения. Пока мальчишки уплетали свой любимый вид хлопьев с молоком, она ловко паковала им школьные бутерброды. После завтрака она завозила Майки в частный детский сад на дому, а Кевина и Брендона – в школу.

До 12 часов образцовая мать и хозяйка работала в клинике.

Ровно в 12.30 Линда приезжала домой, чтобы произвести быструю уборку по дому. Она заправляла кровати детей, пылесосила кухню, столовую, прихожую, лестницу, детскую и игровую – те места в доме, которые брали на себя самую большую нагрузку. Потом надевала резиновые перчат-

ки, брала корзину с тряпками и химией и отправлялась наводить чистоту в ваннных комнатах, а их в доме было три. Раковины и унитазы в доме всегда сияли чистотой, будто ими и не пользовались. Перед отъездом Линда забрасывала в стиральную машину грязное бельё и покидала дом до 5.30 вечера.

При этом у Ирины всегда возникал вопрос: «А когда Линда успевает обедать?» или «Обедает ли она вообще?»

Вечером Линда приезжала с работы вместе с Майки. Усадив его смотреть мультики или же просто оставив с мальчишками в игровой, она на всех парах бежала в кухню, чтобы приготовить ужин.

Ирина совершенно не понимала, когда та успевает придумать меню для ужина – каждый раз, когда Линда спускалась вниз, она уже знала, что именно будет готовить. Чего только не было среди её разнообразного вечернего меню: и курица с пряными травами, запечённая в фольге, и жареная рыба, банановый кекс, овощное рагу, бифштексы, яблочный пирог – список блюд можно было продолжать бесконечно. Раза два или три в неделю Линда пекла в хлебопечке хлеб. Открылось предназначение двух духовок: в одной хозяйка запекала мясные блюда, а в другой – десерт.

Одним словом, готовила Линда превосходно.

Ирина обожала наблюдать за ней на кухне, когда работа кипела и спорилась в ловких, умелых руках женщины. Девушка по-настоящему восхищалась Линдой.

Пространство кухни было продумано до мелочей. Так, розетки на кухонном острове находились в самых удобных местах; для специй был выделен отдельный шкафчик, где на вращающихся приспособлениях каждая специя занимала своё место; в раковинах стоял измельчитель, который позволял расправляться с очистками без лишней грязи и усилий. Место в шкафах было распланировано и использовалось строго по назначению.

В воскресенье Линда устраивала мужу и ребятишкам особый воскресный завтрак – ехала в кондитерскую за горячими пончиками. Вся мужская компания с удовольствием уплетала выпечку – за обе щёки. Пиццу тоже заказывали только по выходным. В остальное время ужин из свежих продуктов готовила сама хозяйка.

По выходным Ирина часто наблюдала, как Линда ползает по кухонным поверхностям, протирая не только шкафчики, но и многочисленные окна, которыми был богат весь первый этаж. Этой работы она не прекратила делать даже на большом сроке, с внушительным животом.

«Откуда она берёт столько энергии?» – удивлялась Ирина.

Лишь после ужина Линда иногда на какое-то время пропадала в своей спальне.

Однажды Ирине потребовалось что-то спросить у неё по школьному предмету, она постучалась в спальню и увидела, что Линда лежит на кровати с поднятыми кверху ногами – под ними громоздилась стопка подушек.

– Тебе тяжело, Линда? – спросила Ирина, только в этот момент неожиданно осознав всю тяжесть, лежавшую на плечах хрупкой беременной женщины.

– Немного устала, – улыбнулась Линда. – Не обращай внимания, таким образом улучшается кровообращение у малыша.

Она никогда не признавалась, что ей было трудно вести хозяйство, или ухаживать за детьми, или готовить, или работать беременной на большом сроке. Она просто улыбалась и переводила разговор на другую тему. А может, не хотела говорить об этом с Ириной. При всех своих заботах она всегда отлично выглядела, и даже в конце беременности оставалась красавицей.

Единственное, в чём Линда не разбиралась, – было садоводство: растения и всё с этим связанное. В доме не было ни одного цветочного горшка. А когда Линда захотела украсить парадный вход цветущими растениями, она съездила в огромный садовый супермаркет и купила большие горшки с кустами, уже набравшими цвет. Когда те отцвели, она без всякого сожаления от них избавилась.

Конечно, Ирина немало рассказывала семье Лефиве о своей даче, где они с мамой выращивали овощи и фрукты, но для Линды это казалось чем-то слишком неправдоподобным. Однажды она даже попросила Ирину посадить что-нибудь на их участке в качестве демонстрации незнакомого ей опыта:

– Ирина, а что если бы ты организовала небольшую грядку на нашем дворике? Посадила бы там какие-нибудь овощи, за которыми не так сложно ухаживать. Думаю, мальчикам было бы интересно посмотреть, как выращивают съедобные растения.

– Почему бы и нет? – откликнулась Ирина. – Можно морковь посадить. И петрушку, например.

Сказано – сделано. Через несколько дней Ирина на глазах у Линды и мальчиков соорудила небольшую грядку и посадила на ней семена моркови и петрушки. Из всей компании наиболее заинтересованным во всём процессе казался Кевин.

– Ух ты! И что, мы теперь вырастим собственную морковку? Она правда вырастет?

– Ну, смотря как ты за ней будешь ухаживать. Как будешь поливать и пропалывать, – ответила Ирина на восторженные возгласы мальчишки.

– Кстати, давайте договоримся – будете поливать грядку по очереди с Бренденом, – предложила Линда. – Как раз и понаблюдаете за ростом растений.

– Да! – прокричал Брендон.

– Ура! – повторил за ним Кевин.

Однако, несмотря на всё внешнее ликование, через два дня про грядку забыли.

А когда среди всходов стали появляться сорняки, которые нужно было выдёргивать, мальчишки потеряли к грядке вся-

кий интерес.

Так этот маленький сельскохозяйственный эксперимент и сошёл на нет, оставив затею об овощах на собственной грядке недостижимой мечтой.

Раз в две недели у Линды проходило мероприятие: встреча с тремя подругами. В это время всю заботу о детях должен был взять на себя Дон. Общение длилось часа четыре – женщины успевали вдоволь наговориться и обменяться сплетнями. А уж посплетничать они любили!

Однако встреча ограничивалась не только разговорами – каждый раз подруги обязательно играли в какую-нибудь настольную игру. Победительнице предназначался приз. На него все вчетвером сбрасывались по 10 долларов. Одна из них – ответственная за подарок – покупала что-нибудь на 40 долларов и держала приз в секрете до момента вручения.

Эти встречи, равно как и мужская игра в покер, были укоренившейся в доме традицией и полностью решали проблему общения супругов – каждого со своим кругом друзей.

Линда любила ходить по магазинам, в том числе продуктовым, и всегда старалась пополнить запасы продовольствия вовремя, чтобы ее многочисленное семейство ни в чём не нуждалось. С особенной тщательностью она пополняла запасы молока и апельсинового сока, потому что те были что называется «в ходу». Обычно в холодильнике всегда имелось две ёмкости с молоком и две ёмкости с апельсиновым соком.

Каждая ёмкость вмещала в себя около полутора литров жидкости.

Апельсиновый сок Линда покупала замороженным, в железных банках. Для того чтобы приготовить напиток, она выкладывала содержимое банки в ёмкость, заливала водой, размешивала – и прекрасный апельсиновый сок был готов!

С этим самым соком оказалась связана одна неприятная история, которая принесла в жизнь Ирины перемены.

Апельсиновый сок был любимым напитком в семье, и если его не оказывалось в холодильнике, народ очень удивлялся.

Однажды Линда заметила, что привычного количества приготовленного напитка стало не хватать. Вечером, когда Дон приходил с работы, ёмкости с соком были пусты.

– Ирина, – обратилась она к своей новоиспечённой дочке, – ты не знаешь, почему нам перестало хватать апельсинового сока? – Линда задумчиво смотрела в открытый холодильник.

– Нет, куда это он мог подеваться? – удивилась Ирина.

– Ума не приложу! Как будто всех стала мучить неуёмная жажда!

На следующий день Ирина, как обычно, возвращалась домой вместе с Ханной – их подвозила до дома общая школьная знакомая. Ханна по привычке не пошла сразу к Маерсам, а зашла в гости к Ирине.

– Ну, и как тебе вождение? У меня просто жуть, а не преподаватель! Критикует каждое моё движение, – жаловалась полька, направляясь напрямиком на кухню.

– У меня инструктор – женщина, вполне сносная, – отвечала Ирина, следуя за Ханной.

– Повезло, значит! А я только и цапаюсь со своим снобом, который возомнил о себе невесть что!

С этими словами Ханна спокойно открыла холодильник и налила себе большой стакан апельсинового сока.

Ирина только теперь обратила внимание, насколько щедро полька угощается в их доме.

После обсуждения урока вождения они перешли к другим темам, и где-то через полчаса Ханна потянулась за новой порцией сока.

– Ханна, ты поосторожнее с соком, – попросила её по-дружески Ирина. – Линда стала задавать вопросы, почему сок стал уходить так быстро.

Сказав это, Ирина предполагала, что Ханна спокойно примет замечание к сведению и больше не будет наливать себе добавки. Но не тут-то было! Лицо Ханны резко изменилось – её перекосило так, будто она только что проглотила лимон целиком.

– Так эта лицемерка пожалела свой поганый сок?! – закричала на весь дом рассерженная полька.

Ирина была шокирована неожиданной вспышкой ярости, как она теперь считала, подруги.

– С какого перепугу ты оскорбляешь Линду? – после секундного замешательства возмутилась Ирина. – Она всегда принимает тебя в доме как свою.

– «Как свою»? – Глаза Ханны лезли из орбит. – Да ты глаза-то открой! Она только прикидывается хорошенькой, чтобы все ею восхищались: Линда то, да Линда сё. – А на деле она – пустая, лицемерная ханжа. Сока ей стало жалко! Да ты посмотри, в какой роскоши они живут, а мне два стакана сока пожалела!

– Ханна, какая муха тебя укусила? Ты живёшь в такой же состоятельной семье. Выпивай свой долбаный сок у них! – Ирину стал бесить этот оскорбительный тон польки, которая чуть ли не пинком открывала гостеприимный дом семьи Лефиве, при этом не собираясь признавать оказанного ей гостеприимства.

– Да пошла ты вместе со своей Линдой! – выкрикнула Ханна и, поставив со стуком стакан на стол, как ураган вылетела из парадной двери.

«Ничего не понимаю, – пыталась отдышаться Ирина. – Я же только попросила не пить много сока! Я никак её не оскорбляла, откуда столько ненависти и злобы?»

Вечером Ирина спокойно делала уроки в своей комнате, когда внезапно на весь дом раздался страшный крик Линды:

– Ирииинааа!!!!

Ирина даже подскочила на своей кровати.

«Что же я такого натворила?» – пыталась она сообразить,

пока бежала по лестнице вниз.

Линда стояла на кухне с побагровевшим от гнева лицом.

Ирина не предполагала, что та способна на подобные эмоции.

– Что ты сказала Ханне? – обрушился на девушку громовой голос.

– Что я сказала Ханне? – ничего не понимая, повторила Ирина. – О чём?

– Ты что, не видишь, что Ирина здесь ни при чём? – вмешался Дон. – Я же тебе сказал, что эта сумасшедшая сама устроила весь этот цирк.

– Посмотри, что принесла мне Ханна. – Линда попыталась немного успокоиться, указывая на большой белый пакет, который лежал в центре стола.

– Что это? – спросила Ирина, заглядывая внутрь пакета.

Там лежали железные банки с апельсиновым соком.

Ирина изменилась в лице.

– Послушай, Линда, ты сама спрашивала меня о том, куда девается сок. Сегодня я заметила, что Ханна выпивает у нас два стакана, и попросила её пить поменьше. Но я никак не ожидала, что она решит принести тебе эти банки.

– Значит, вы ничего с ней не обсуждали? – Линда всё ещё была в бешенстве.

– Конечно нет! Я просто попросила её не пить столько сока. Одной-единственной фразой. А её почему-то это задело.

– И не просто задело, – начала рассказывать Линда. – Она

позвонила в дверь. Когда я открыла, она пулей пролетела мимо меня, не сказав ни слова. Забежав в кухню, она с размаха швырнула пакет на стол и выбежала из дома. Наверняка на столе остался след.

Линда подняла пакет и с досадой стала разглядывать поверхность стола – на нём и впрямь оказались две заметные вмятины, ведь банки-то были железными.

Поднимаясь наверх, Ирина уже представляла себя у трапа самолёта, отправленную домой досрочно, как студентку, которую выгнали из третьей семьи.

Однако на следующий день Линда вела себя так, будто ничего не произошло. Она улыбалась, шутила и совсем не упоминала о неприятном инциденте.

А вот Ханна, наоборот, закрылась и прекратила с Ириной всякое общение.

Ирина, по правде говоря, тоже больше не горела желанием общаться с полькой после того, как узнала её подлинное отношение к Линде.

Только значительно позже она поняла, откуда «ветер дует»: всё дело было в Сюзии. Та почему-то завидовала Линде и распространяла о ней низкосортные слухи, которые, в частности, поддержала и Ханна.

На этом дружба Ирины с Ханной прекратилась до конца года. Лишь на выпускной вечер они пошли вместе, но и то, потому что были вынуждены ввиду сложившихся обстоятельств.

Что касается отношений Ирины с Линдой, то, не считая происшествий с соком, они всегда были равными.

Линда никогда не делилась с Ириной откровениями, а потому не ждала ничего взамен. Они разговаривали о бытовых мелочах, рассказывали друг другу о незначительных происшествиях в школе и на работе – в общем, жили, как хорошие знакомые, которые смогли подстроиться друг под друга и которые не стремились залезть друг другу в душу.

Ирина старалась всегда помогать Линде с уборкой и приготовлением ужина, и та откликалась на эту помощь тёплой благодарной улыбкой.

В свою очередь Линда никогда не забывала об Ирине, когда отправлялась по магазинам, чтобы купить одежду для своих сыновей. Она всегда выделяла Ирине деньги, на которые та могла позволить себе купить всё необходимое.

Поскольку Ирина больше ни в чём не нуждалась, она перестала работать и всё свободное время проводила с семьёй Лефиве, стараясь внести свою посильную лепту в их совместную жизнь.

Урок 19.

Как же много зависит в доме от женщины!

Глава 20. Дети

Ирина видела, что дети в Америке росли и воспитывались

по-другому. И некоторые моменты ей совершенно не нравились.

Когда она приходила в гости к новым знакомым, то замечала, что практически ни у кого в доме не было книг. Понятие «книжный шкаф» отсутствовало как таковое. А если в доме и была пара-тройка книжных полок, то с большей вероятностью на них покоились книги для взрослых.

Когда Ирина впервые открыла дверь игровой комнаты семьи Лефиве, то была несколько обескуражена. Её взору предстало просторное чистое помещение, в котором из мебели стояли небольшой разноцветный диванчик да телевизор на деревянной подставке. В углу пустой вытянутой комнаты одиноко грустила детская лошадка-качалка.

– А где же игрушки? – недоумевающе спросила она Линду.

– Все игрушки спрятаны в ящик. – Линда подошла к окну и приподняла импровизированную под подоконник крышку ящика.

В довольно объёмной встроенной полости и впрямь лежали игрушки.

– А почему здесь совсем нет книг? Ведь Брендон читает книги, не так ли? – не унималась Ирина.

– Вещи Брендона мы тоже спрятали. – Линда прошла в глубь комнаты и начала открывать двери встроенного шкафа, которые были замаскированы под обычную стену и которых Ирина не заметила.

Отделений в шкафу оказалось целых три. В двух из них лежали книги, видеокассеты с мультфильмами и настольные игры, а в третьем хранилась детская одежда.

Ирина с любопытством начала рассматривать книжные полки. Её несколько удивило, что они находились на очень большой высоте, а значит, чтобы достать с них книги, Брендону нужно было встать на стул или табурет, а в игровой ни того, ни другого не было. Кроме того, большинство книг представляли собой энциклопедии и книги по школьной программе. Мировая классика отсутствовала. Да и просто подростковой литературы не было. Совсем.

Подобное отношение к книгам говорило о многом. Книги не представляли ценности в этой стране. Их прятали подальше от глаз, как ненужные вещи, от которых в доме был один бардак. Такое отношение к книгам поразило Ирину до глубины души. Она читала всегда и везде. Дома в России на её столе книги лежали постоянно. В её комнате стоял большой книжный шкаф со стеклянными дверцами, откуда на Ирину всегда смотрели тщательно подобранные ею самой книги. Она относилась к ним с трепетом: любимые выставляла на особые полки, при чтении пользовалась закладками и всегда искала в книжном магазине что-нибудь новенькое. Книги были для неё друзьями, которые помогали понять окружающий мир.

У американцев же было другое мнение на этот счёт. В то время американский кинематограф уже подчинил себе серд-

ца и умы зрителей, и люди «предпочитали посмотреть, нежели почитать».

Теперь о телевидении. В семье Лефиве телевидение (как, впрочем, и в семье Джонсонов) не любили. Оно было подключено к телевизору, который стоял в гостиной на первом этаже, и к телевизору в кабинете Дона. Что касается игровой комнаты, то там телевидения не было – телевизор был соединен с видеомэгнитофоном и игровой приставкой.

Каждую неделю Линда отправлялась в сервис проката видеокассет, где брала два-три фильма для взрослых и два-три мультфильма для детей. За неделю эти кассеты просматривались, и на следующей неделе Линда обменивала их на новые. Взрослые фильмы смотрели исключительно на первом этаже, а детские – в игровой.

Телевизионные же программы Линда включала крайне редко – там было слишком много рекламы, которая всех раздражала.

Новости смотрел в своём кабинете только Дон.

В семье Лефиве дети чувствовали себя очень вольно. Голос на них практически не повышали, а наказывали и того реже. Наверное, таким образом родители пытались вырастить из детей свободных личностей. Но Ирине уже тогда казалось, что предоставление безграничной свободы ребёнку, у которого ещё не сформировались понятия о добре и зле, губительно для его психики. Так, например, Ирина совсем не понимала, почему Линда разрешает Кевину высказывать

свои суждения по поводу поведения взрослых.

Когда солнышко отогрело землю от короткой зимней спячки и на улице весело защебетали птички, у соседей, где жила Ханна, что-то произошло.

В один прекрасный день перед их домом появился большой чёрный джип. Первое его появление не вызвало никаких разговоров в доме Лефиве, однако джип стал приезжать каждый день. Вскоре стало понятно, что отношения Сюзи и Джастина разладились, а Сюзи познакомилась с другим мужчиной.

По какой причине она решила встречаться со своим новым другом на глазах у всей округи, для Ирины осталось загадкой, однако это событие вскоре стало обрастать сплетнями разного толка.

Кевин был особенно любопытен к завязавшейся у соседки интрижке.

– Нет, ты только посмотри – Сюзи совсем обнаглела и встречается со своим любовником посреди бела дня! – говорил он Ирине, глядя в окно и многозначительно хихикая.

– По-моему, это не твоего ума дело! – обрывала его Ирина, пытаясь переключить внимание ребёнка на что-нибудь другое.

Однако все её усилия были напрасны. Кевин уже считал себя взрослым и самостоятельным, а потому «никто не смел ему указывать, что ему можно было говорить, а что нет».

Что до Линды, то она никогда не прерывала подобные

комментарии, а иногда даже прибавляла к ним что-то своё, будто Кевин был повидавшей всякое закадычной подружкой, а не глупым 10-летним мальчишкой.

Иногда Ирину восхищали спокойствие и выдержка, которые Линда проявляла по отношению к детям. Видя её поведение в некоторых ситуациях, Ирина понимала, что сама она ни при каких условиях не смогла бы оставаться такой же уравновешенной.

Случай произошёл в воскресный день. Вся семья разбрелась по закоулкам большого дома: каждый занимался своим делом. Дон закрылся в кабинете, Ирина с Линдой разговаривали в столовой, Брендон уединился в игровой, а Майки и Кевин играли в своей комнате.

Первым за стаканом сока спустился Брендон. Он что-то спросил у Ирины, она ответила шуткой – оба засмеялись. В этот момент в столовой показался Кевин. Увидев, что Ирина с Бренденом веселятся, Кевин с удовольствием к ним присоединился.

Линда тем временем приступила к приготовлению ужина. Отсутствие Майки заметили не сразу. Прошло около получаса, прежде чем Линда спохватилась маленького сына. Она отправила за ним Кевина, но тот, обойдя детские комнаты, вернулся ни с чем – Майки там не было.

За дело взялся Брендон. Он заглянул под все кровати, зашёл в комнату Ирины, в спальню Дона и Линды, громко по-

звал Майки, так что крик его было слышно даже на улице, но Майки как в воду канул.

Линда всполошилась. Она сама поднялась наверх и стала обшаривать каждый угол второго этажа.

Обнаружила сына она не сразу: оказалось, он заперся в родительской ванной, вход в которую вёл прямо из спальни Дона и Линды.

Сначала она пыталась убедить Майки открыть дверь, но он не соглашался. Хорошо, что у Линды нашёлся ключ.

Линда открыла дверь и застыла...

Ирина вместе с мальчишками уже толпились позади неё, желая узнать, что же такого натворил Майки за закрытой дверью.

На белоснежном в прошлом ковровине просторной ванной сидел Майки и с увлечением рисовал вокруг круги ярко-красной помадой Линды. Было видно, что он начал своё творчество с белых стен и шкафчиков ванной, потом раскрасил себя, а после взялся за пол. Довольно просторное помещение выглядело так, будто там недавно произошла серьёзная потасовка и несколько человек были убиты, а повсюду остались кровавые следы.

– Ни фига себе! – прокричал Брендон и с улюлюканьем помчался вниз, чтобы сообщить о происшествии Дону.

Кевин тарачил на Майки глаза и, зажимая себе рот, изо всех сил пытался сдержать смех, который помимо его воли рвался наружу.

Ирина стояла с открытым ртом.

Когда наверх поднялся Дон, Линда уже сняла с Майки одежду и понесла его в другую ванную отмывать от следов помады.

Дон оглядел комнату и со вздохом посмотрел на Ирину.

– Что же теперь делать? – спросила Ирина.

– Посмотрим, – озадаченно сказал Дон, хмуря брови.

Ирина слышала, как Линда разговаривала с Майки в ванной. Она не ругала его, более того, говорила, даже не повысив тона. Она просто пыталась объяснить, что рисовать надо на бумаге и в детской комнате.

Шкафчики и стены Линда попробовала отмыть сама, а для борьбы с рисунками на белом ковролине вызвала специальную фирму, занимающуюся мойкой ковровых покрытий.

Но сколько бы усилий ни прилагали, ярко-красные пятна не смогли вывести полностью – из белоснежной ванная превратилась в розовую, с четко выделявшимися беспорядочными линиями на новых шкафчиках.

Майки никак не наказали. Хотя к тому моменту ему уже исполнилось четыре, а значит, он вполне понимал, что делал.

Что касается зарабатывания собственных денег – здесь американские родители придерживались очень строгих взглядов. Так, в один прекрасный день Дон заявил Брендону:

– Брендон, ты в курсе, что тебе уже целых 13 лет?

– Конечно, Дон, – попытался отшутиться Брендон. – Я да-

же в курсе, что тебе 42!

Однако Дон не шутил.

– В твоём возрасте уже пора задуматься о работе. У тебя есть предложения по этому поводу?

– Нееет, – лениво ответил Брендон.

– Я всегда знал, что ты оболтус, Брендон, – строго продолжил Дон. – Но в этот раз тебе отвертеться не удастся. Если до конца недели ты не предложишь свои варианты, я сам за тебя решу, чем ты будешь заниматься.

В силу того, что: во-первых, уроков в школе задавали немного; во-вторых, из дополнительных занятий Брендон ходил только на баскетбол – всего два раза в неделю; а в-третьих – читать книги в доме было не принято, у него появлялось слишком много свободного времени, которое он прожигал, играя в видеопроставку.

Умнее от игр он явно не становился, поэтому Дон с Линдой решили, что работа станет тем самым воспитательным пунктом, который «сделает из оболтуса человека».

К концу недели Брендон так и не разродился с предложениями о работе, поэтому решение за него принял Дон:

– Будешь развозить газеты по местной округе. Надеюсь, на это ума у тебя хватит?

Брендон опять попытался неудачно пошутить.

– Шутить будешь после, когда получишь первую зарплату, – резко оборвал его Дон.

Он знал о том, что мальчишка – довольно ленивый и будет

проблематично заставить его выполнять новые обязанности.

Свежие газеты в каждый дом привозили спозаранку. Так, в 6.30 утра они уже лежали у парадной двери каждого дома их квартала. Дон договорился о том, что Брендон будет развозить газеты два раза в неделю.

– Возьмёшь свой велосипед, прикрепим к нему специальную корзину для газет и будешь их развозить, начиная с пяти утра, – инструктировал он Брендона.

Однако заставить подростка подниматься в пять утра оказалось задачей непростой.

О его же самостоятельном пробуждении в столь ранний час можно было навсегда забыть.

Каждый раз родители прилагали немало усилий, чтобы поднять Брендона с постели.

Очень скоро Дону стало понятно, что идея с велосипедом для Брендона тоже не работает – для того чтобы успеть в срок развезти почту по своему участку, ему нужно было активно крутить педали, чего он в утренний час категорически делать не мог.

В результате нескольких бесплодных попыток надавить на Брендона психологически и заставить его шевелиться Дон сдался и стал возить его по кварталу на своём пикапе.

Так работа Брендона превратилась в ещё одну трудовую повинность для Дона.

Трудовой договор был подписан на месяц, так что как только месяц закончился, Дон бросил это безнадёжное заня-

тие.

– Не хочет – не надо, пусть его воспитанием в этом случае занимается родной отец, – заявил Дон Линде.

Одним из любимых семейных мероприятий, которое по-настоящему нравилось Ирине и детям, было катание на роликах на крытом стадионе.

Здесь всегда были толпы народа: люди приходили сюда семьями, с детьми. Для поднятия настроения на стадионе звучала зажигательная музыка, под которую хотелось летать. Вся их семья брала ролики напрокат: каждый на свой вкус.

Для Ирины катание на роликах было делом новым, поэтому она в целях безопасности всегда выбирала четырёхколёсные ролики (ролики-квадры). А вот Брендон, к её крайнему удивлению, неплохо справлялся с крутыми беговыми роликовыми коньками.

К сожалению, в какой-то момент они перестали посещать это великолепное место – Линде стало небезопасно там бывать.

Чтобы как-то мотивировать детей к активному образу жизни, Дон установил на асфальтированном подъезде к дому фирменное баскетбольное кольцо. После этого Ирина часто видела Брендона, забрасывающего в кольцо баскетбольные мячи. Иногда после работы к нему присоединялся и Дон.

Когда молодая, посаженная Доном травка совсем окреп-

ла, родители купили для Майки небольшой уличный комплекс: пластиковый домик с открывающимися ставенками и дверью, а также прикрепленную к нему невысокую пластиковую горку.

Надо было видеть счастливое лицо малыша!

Ему ужасно нравилось, что теперь у него на улице есть собственный домик, вокруг которого можно бегать вместе с Кевином.

Надо сказать, что проблему «чем занять ребёнка на улице» каждая семья должна была решать самостоятельно: никаких детских специализированных площадок на территории жилого квартала не было.

Отдельно хочется написать про бабушек и дедушек. Интересно, что американские дедушки и бабушки не принимают никакого участия в воспитании внуков.

В Америке это не принято.

Когда женщина рождает ребенка, работодатель предоставляет ей всего три месяца декретного отпуска. И то – продолжительность декретного отпуска не регламентируется законодательством строго, а значит, может быть и гораздо меньше.

И вот здесь родители остаются со всеми свалившимися на них заботами совершенно одни. Некоторые мамы отдают своих малышей в ясли уже в шесть недель. Отдают в чужие руки, тогда как дедушки и бабушки наслаждаются справедливо заработанной пенсией.

Из-за этого связи между поколениями практически нет. Бабушки и дедушки не знают своих внуков, а внуки – своих дедушек и бабушек. Зачастую и те, и другие живут в разных городах, нанося друг другу очень редкие визиты.

Так, за полгода проживания в семье Лефиве Ирина видела родителей Линды всего два раза: один раз, когда ей пришлось попросить Линду свозить её в Портленд (об этом в следующей главе), а другой раз, когда те приехали в Медфорд перед окончанием учебного года, чтобы посетить выпускное мероприятие Брендона.

Отца Дона Ирине и вовсе довелось увидеть случайно – в гости к сыну тот не навещался совсем.

Урок 20.

Тепло мамы до трёх лет; связь с дедушками и бабушками; книги; строгое воспитание до самого совершеннолетия – не так уж всё это и плохо.

Глава 21. Марианна

Однажды в выходной день, когда Линда с Ириной хозяйничали на кухне, раздался телефонный звонок. Линда взяла трубку и после нескольких фраз удивлённо подняла на Ирину глаза:

– Это тебя!

– Меня? – удивилась Ирина.

Протягивая Ирине трубку, Линда еле слышно шепнула:
– Русская женщина.

Ничего не понимая, Ирина взяла трубку.

– Да, я слушаю.

– Здравствуй, Ирина. Меня зовут Марианна, – на чистом русском языке ответили на том конце провода. – Пожалуйста, не удивляйся моему звонку. На днях я вернулась из Нью-Йорка. Там по воле случая мне довелось познакомиться с русским мужчиной по фамилии Замятин. Мы разговорились, и он рассказал мне о тебе. Кроме того, у него оказалась для тебя небольшая посылка из России – он собирался отправить её почтой. Поскольку я тоже живу в Орегоне, то предложила передать посылку тебе лично. На что Сергей Викторович согласился.

Ирина прекрасно знала Замятина. Это был старинный папин друг. В одном из последних писем мама писала Ирине о его возможном путешествии в Штаты, однако ни о точных сроках, ни о посылке в письме не упоминалось.

– Простите, – Ирина решилась задать вопрос, который крутился в её голове с первой секунды разговора, – а вы недавно переехали из России?

Русская речь Марианны была настолько чистой, что Ирине не верилось, что эта женщина давно живёт в Штатах.

– Нет, я живу в Америке уже 21 год. Вышла замуж за американца. Сама я венгерка по национальности, но родилась и жила на Украине, – пояснила женщина.

– А в каком городе вы теперь живёте? – Ирина соображала, как же им можно встретиться.

– В Портленде, – ответила Марианна.

– Но ведь это очень далеко от Медфорда. Вряд ли меня повезут в Портленд ради передачи посылки из России, – высказала свои опасения Ирина.

– Нет, нет, не переживай, я сама хотела обсудить этот вопрос с твоими американскими родителями. Если ты не против, то я думаю, мы найдём способ встретиться. Поговори, пожалуйста, с ними, расскажи о сложившейся ситуации, а я перезвоню через часок и тогда уже обсужу с ними возможные варианты.

– Хорошо, – согласилась Ирина и повесила трубку.

Разговор её взволновал. Это была первая неожиданная весточка из дома, носившая материальный характер. В голове не переставал звучать приятный голос на чистом русском языке.

«Каким образом она сохранила русский язык в такой чистоте, если живёт здесь 21 год? – недоумевала про себя Ирина. – Я тут за несколько месяцев стала русские слова забывать, а она ни разу не запнулась при разговоре».

– Кто это, Ирина? – с любопытством спросила Линда.

Ирина подробно передала ей свой разговор с Марианной.

– В Портленде? – переспросила Линда. – Ну, это просто!

У меня там родители живут. Можем съездить к ним на выходные. И ты встретишься с этой женщиной. До-он! – Линда

громко позвала мужа.

Дон не спеша спустился на зов жены. Выслушав историю от Ирины и Линды, он с присущей ему невозмутимостью заявил:

– Я, конечно, не в восторге от перспективы ночевать в доме родителей Линды, но можем и поехать, если тебе это так важно, Ирина.

– Спасибо, Дон! – обрадовалась девушка. – Я бы очень хотела встретиться с русской эмигранткой. Она так хорошо говорит по-русски!

– Тогда через выходные? – предложила Линда.

– Как хотите, – Дон равнодушно махнул рукой и направился в кабинет.

Через две недели вся семья отправилась в Портленд.

Это был самый крупный город штата Орегон, хотя, к удивлению Ирины, и не являлся его столицей. Ирина узнала, что там проживает около 600 тысяч человек. Небоскрёбы, современные мосты, множество технологических корпораций, такие компании, как Nike, Adidas, Columbia Sportswear, – всё это находилось в Портленде. И конечно, этот город был совсем не чета провинциальному Медфорду: ни по архитектуре, ни по количеству интересных мест, которые стоило посетить.

Последние дни перед поездкой Ирина провела в нетерпении: ведь ей предстояло увидеть большой современный аме-

риканский город!

Путь в Портленд оказался неблизким. Город находился в 440 километрах от Медфорда. Но по отличным американским дорогам семья добралась до места всего за четыре часа.

Было самое начало апреля. Солнце щедро дарило ласку всему живому, затопляя пространство золотистым, слепящим глаза светом. Зелень так и полыхала ярко-зелёным огнём по всему Портленду – город был необычайно богат парками, аллеями и роскошными зелеными насаждениями вдоль уютных симпатичных улочек.

Дом родителей Линды находился в старом жилом квартале, утопающем в зелени высоких взрослых деревьев. Он представлял собой небольшое, но очень милое дощатое сооружение, выкрашенное в приятные голубые оттенки. Прямо перед его невысоким крылечком росли две огромные яблони, которые только-только набирали цвет. Маленький домик как бы выглядывал из-за их густых ветвей по-свадебному наряженных в это чудесное время года.

Когда они подъехали к дому, Ирина была совершенно очарована открывшимся ей видом.

– Проходите, проходите, гости дорогие! – дверь дома открыла мама Линды, миссис Портер.

Это была стройная пожилая женщина с ухоженным лицом, уложенными волосами, одетая в серые брюки и мягкую трикотажную кофточку с цветочным орнаментом.

Она искренне улыбалась и по очереди обнимала последовавшую в дом вереницу гостей.

Позади неё всю нагрянувшую толпу приветствовал её муж Пол – подтянутый пожилой мужчина молодцеватого вида, с тёмными, как пуговицы, глазами и белоснежной шевелюрой на голове. Чёрный вязаный свитер ещё острее подчёркивал цвет его глаз, а светлые брюки сбрасывали пару-тройку лет.

Внутри дом оказался очень светлым, солнечным, а голубой цвет и здесь продолжал играть свою первую скрипку. Оказалось, что отец Линды любил рисовать. Стены гостиной были плотно увешаны его пейзажами. В основном на картинах изображалась река. Вероятно, мистер Портер любил выезжать в окрестности Портленда и рисовать где-нибудь на живописном побережье одной из двух рек, на слиянии которых и стоит город.

Через некоторое время после их приезда позвонила Марианна. Она сказала, что подъедет за Ириной в течение получаса.

Ирина быстро перекусила и, полная волнительного предвкушения от предстоящей встречи, стала собираться.

Вскоре в дверь позвонили. На пороге появилась невысокая рыжеволосая женщина, скорее ровесница Дона, чем Линды. Она была несколько полноватой, однако короткая кожаная куртка ярко-изумрудного цвета и шоколадного оттенка джинсы смело обтягивали её пышные формы. Золо-

тистые волосы обрамляли круглое румяное лицо немного странным спутанным облаком, прозрачные голубые глаза сияли – она широко улыбалась.

– Добрый день! Очень рада с вами познакомиться. Я Марианна.

После коротких приветственных речей Ирина отправилась на улицу за своей новой знакомой.

– Ты не представляешь, как я рада, что мы с тобой встретились! – как только дверь за ними захлопнулась, Марианна сразу же перешла на русский.

Они зашагали по гравийной дорожке. В походке Марианны ощущалась бодрость и уверенность. Она продолжила:

– В этом штате о встрече с русскими можно только мечтать. Сейчас я предлагаю немного прокатиться по городу, а потом уже поедем ко мне в гости, если ты не против.

– Я – за! – улыбнулась Ирина.

– Тогда вперёд! – и Марианна распахнула перед Ириной дверцу своего автомобиля.

– Вот это да! – Ирина не удержалась от возгласа.

Перед ней стоял вызывающе жёлтый, слегка потрёпанный кабриолет. Верх был опущен.

– Не ожидала? Это же Америка, детка! Здесь возможно воплощать свои самые смелые мечты! – засмеялась Марианна.

Ирина с любопытством села в странный, непривычный для неё автомобиль.

– Ну что, с ветерком? – спросила Марианна и нажала на газ.

В один момент волосы Ирины подскочили кверху и стали развеиваться во все стороны, как неудержимые. Она попыталась их как-то усмирить, однако все её усилия были напрасны – волосы яростно бушевали на переставшем быть ласковым апрельском ветру. Секрет необычной причёски её спутницы был разгадан.

– Ну, как тебе мой автомобиль? – спросила не без гордости Марианна, когда они остановились на первом перекрёстке.

Вокруг им неистово сигналили водители-мужчины, показывая тем самым, что они не прочь познакомиться с двумя симпатичными девушками из кабриолета.

Ирина была несколько шокирована избыточным вниманием со стороны мужчин, но Марианна совсем не обращала на них внимания – видимо, давно принимала такую реакцию как нечто само собой разумеющееся.

– Я, я не знаю... – начала лепетать Ирина.

Ей совсем не нравилось, что её довольно длинные волосы сбились теперь в глупый несуразный клубок, а парни в соседнем форде так и скалили зубы, пытаясь заполучить от неё улыбку.

– Что ты как бабка старая, ей богу! – прервала её Марианна. – Хватит недовольно бляеть! Посмотри, как это круто! – И она резко вскинула руки раскрытыми ладонями вверх, за-

прокинув голову и на миг зажмурил глаза.

– Наверное, – озираясь по сторонам, сказала Ирина.

Машины тронулись.

– Взгляни, как красиво вокруг! Какие великолепные дома, какие блестящие дороги, какие дорогие автомобили! Разве ты увидишь всё это в нищей России? Это же мечта – оказаться в таком раю, да ещё в твоём-то возрасте!

Марианна с восхищением смотрела перед собой, крепко вцепившись в руль, как бы находя физическое подтверждение своим словам.

Вокруг гордыми рядами вздымались высотки Портленда. После двух-трёхэтажных сооружений Медфорда Портленд казался Ирине целиком устремлённым ввысь. Блеск солнечных лучей превращал отдельные здания в потоки текущего серебра, струившегося по стеклянным фасадам.

Миновав деловой центр, автомобиль стал плавно подниматься на мост. С возвышения Ирина увидела длинную аллею цветущих деревьев, вьющуюся блестящей розовой лентой вдоль берега реки. Косматые розовые головы красавцев рельефно выступали на фоне ярко-зелёного полотнища газона. Синяя гладь воды, чуть сморщенная от неусыпного ветра, сверкала солнечными бликами, заставляя Ирину жмуриться.

– Ты уже придумала, как останешься здесь после программы? – неожиданно нарушила молчание Марианна.

Свернув с моста, автомобиль плавно заскользил по жилым кварталам Портленда – из-за открытого верха слыши-

мость была плохая.

– Я совсем не собираюсь здесь оставаться, – прокричала Ирина на вопрос Марианны.

– Как? Ты что – не в себе? – удивилась Марианна, от неожиданности даже сбавив скорость.

– По условиям программы я не имею права возвращаться в Штаты в течение последующих двух лет, – попыталась объяснить Ирина.

– Да мало ли какие там условия! – возразила Марианна. – Надо ковать железо, пока горячо! Тебе надо срочно придумать план, как ты останешься в Америке.

Напору Марианне было не занимать.

– А может, я не хочу здесь оставаться, – прервала её Ирина.

Марианна взглянула на неё, округлив от удивления глаза.

– Хочешь назад в свой Голодранск? – женщина не стеснялась в выражениях, будто получила права самой закадычной подруги. – Ну, и что ты там будешь делать? Какое будущее тебя ждёт? Нищая квартирка в какой-нибудь убогой дыре? Опомнись! Здесь же можно купить дом, найти высокооплачиваемую работу, жить достойно. У тебя столько перспектив!

Ирина молчала. При всей неоспоримой правде услышанного в словах Марианны чего-то явно не доставало. Ирина пыталась подобрать слова, чтобы выразить созревшую в её голове мысль. Эта мысль была своего рода суммой чувств

и переживаний, которые она испытала за многие месяцы в Америке.

– Я не могу здесь жить, – наконец ответила она. – Мне не хватает воздуха. Неба. Человеческой теплоты. Я чувствую, что я здесь бесконечно чужая.

Марианна одарила Ирину понимающим взглядом.

– Ну, это пока. Просто ты ещё не привыкла к здешнему менталитету. Это со временем пройдёт. Поверь, это дело наживное, – уверенный тон, которым Марианна произнесла эти слова, говорил о том, что она не считает приведённые Ириной доводы хоть сколько-нибудь серьёзными.

За разговорами их вояж по Портленду пролетел незаметно. Вскоре они уже направлялись к дому Марианны.

– Мы с Альфредом переехали в этот дом всего пару месяцев назад. До этого мы снимали небольшую квартиру. Но теперь зарплата у Альфреда стабилизировалась, и мы можем себе позволить жильё побольше, – говорила Марианна, петляя по небогатому жилому кварталу, в котором дома были прилеплены один к другому и походили друг на друга как две капли воды.

– Ну, вот и приехали! – Марианна заглушила мотор и показала рукой на выложенную плиткой дорожку к двухэтажному коттеджу.

Травка перед домом росла самая обычная и не походила на образцовый американский газон, да и сам неприметный домик теперь казался Ирине слишком посредственным. Всё

это навело Ирину на размышление о том, как по-разному живут люди в одном и том же городе, в одной и той же стране...

Тем временем Марианна прошла по дорожке и с шумом распахнула входную дверь.

– Добро пожаловать в наш любимый дом!

Ирина улыбнулась, последовала за Марианной и вошла в раскрытую дверь.

– Проходи, чувствуй себя как дома, располагайся, где понравится, – тараторила гостеприимная хозяйка.

Но Ирина застыла у порога как вкопанная.

Её взору открылась поразительная картина: вся кухонная зона, которая располагалась как раз напротив парадной двери, была увешана и уставлена изделиями русской хохломы. Красный, чёрный, золотой гордо контрастировали с унылыми бежевыми оттенками стен и пола. Ирина даже не сразу уловила, каким именно образом бесчисленные представители хохломской семьи держались в пространстве. Никогда в своей жизни Ирине не доводилось видеть столько предметов с хохломской росписью в одном месте. Это было похлеще, чем в специализированном магазине.

– Что это? – спросила остолбеневшая Ирина.

– Нравится? – Марианна просияла. – Это моя гордость! Мне нравится хохлома. Вот решила: а почему бы не оформить кухню таким образом? Оригинально, как мне кажется. И русским духом пахнет. А что ты скажешь вот на это?

Марианна открыла холодильник.

Ирина только ахнула. Казалось, там совершенно не было американских продуктов. На полках лежали наваленные горкой палки копчёной колбасы «Одесская», большие, аккуратно завёрнутые шматки сала, головка сыра с русским названием и несколько булок бородинского хлеба.

– Вот это да! Откуда всё это? – округлила глаза Ирина.

Марианна захохотала.

– Видела бы ты себя со стороны! Вот так я тебя удивила! Это мне родственники с Украины присылают по моей просьбе.

«Все двадцать лет? – чуть было не воскликнула вслух сбитая с толку девушка. – И кто это не далее как полчаса назад говорил мне про смену менталитета?»

Марианна заварила чай и, как водится в России, устроила чайные посиделки.

Было видно, что ей очень хочется выговориться. И выговориться на русском языке. И хотя она улыбалась, рассказывая о своей жизни, история этой женщины показалась Ирине довольно трагичной.

Марианна выскочила замуж ещё совсем молоденькой девочкой. В 1974 году брак с иностранцем в СССР был чем-то невообразимым, но она не привыкла отступать перед трудностями и, всеми правдами и неправдами преодолевая препятствия, оказалась в Нью-Йорке вместе со своим, уже зрелым, супругом.

С самого начала он поставил ей жёсткое условие: она

должна забыть о русском языке. Если у них родится ребёнок, то она ни под каким предлогом не должна говорить с ним на родном языке. Дети должны быть воспитаны как истинные американцы – без примеси сомнительных корней. Ей не оставалось выбора. Через некоторое время у них родилась дочь, очень похожая на своего отца. И Марианна пела ей колыбельные на английском, плача тайком о том, что не может спеть любимой дочке до боли родное «баю-бай».

Когда Энн исполнилось 7 лет, супруги развелись. При этом муж объявил, что у Марианны нет никаких прав на ребёнка и дочь останется жить с ним. У неё не было денег на адвоката, да и какие права у эмигрантки из СССР? Она согласилась. Суд назначил ей выплату алиментов. Собственную дочь она видела теперь два раза в месяц.

Прошло несколько лет, личная жизнь её долго не складывалась. А потом судьба перебросила её с восточного морского побережья на западное, и она оказалась в Портленде.

Здесь она познакомилась с Альфредом – эмигрантом из Люксембурга. Альфред был моложе Марианны на 6 лет. В Люксембурге он работал преподавателем и, по мнению многих, подавал большие надежды. Но его никогда не устраивала ни зарплата, ни лежащие перед ним перспективы. В какой-то момент амбициозный молодой человек решил, что ему нужно открывать новые горизонты, и иммигрировал в Америку. Вопреки радужным надеждам, его блестящий диплом университетского преподавателя оказался здесь нико-

му не нужен. Он стучал в наглухо закрытые двери. Несколько месяцев неудачных поисков работы вогнали его в глубокую депрессию, в которой он находился в тот самый момент, когда произошла их встреча с Марианной.

Ей понравился этот высокий, атлетически сложенный молодой человек с чрезвычайно привлекательной внешностью и утончёнными манерами. Она сумела показать ему новое направление в жизни и вывести из депрессии. Через несколько месяцев они поженились.

– Теперь он работает на престижном заводе Nike, – завершила свой долгий рассказ Марианна.

– Nike? А что он там делает? Ведь это не его профессия! – спросила Ирина.

– Новую профессию он освоил достаточно быстро, он у меня – голова! – похвалила своего супруга Марианна.

Вскоре после откровения Марианны появился и сам Альфред.

Увидев его, Ирина подумала: «Надо же, какими внешне несовместимыми могут быть муж и жена!»

Он выглядел значительно моложе Марианны. Его красивой спортивной фигуре можно было позавидовать, а кудрявые тёмно-каштановые волосы, казалось, преследовали только одну цель – соблазнять противоположный пол. Марианна явно проигрывала ему по всем параметрам. Но! Таково было субъективное мнение Ирины.

Позже, после того как Альфред сам немного рассказал о

своём переезде в Америку и мытарствах с работой, Ирина поняла, что это был тот самый случай, когда в чужой стране встретились два одиночества, у которых на всём континенте не было ни единой близкой души. Они оба неистово искали хоть какую-то поддержку. И нашли друг друга. А встретившись и объединившись, они почувствовали себя сильнее. Вдвоём им стало проще противостоять чересчур рациональному американскому миру, в котором они были абсолютно чужие.

Марианна принесла альбом с фотографиями.

– А вот это моя дочь Аня, – протянула она фотографию Ирине.

Ирина взглянула на фото, но не увидела там никакой Ани. На неё смотрела среднестатистическая американка Энн: полная – со следами любви к гамбургерам и хот-догам, безвкусно одетая, довольно посредственной внешности. И всё же в иллюзорном мире Марианны она была Аней – той самой, которую Марианна так никогда и не родила...

Обратно Марианна привезла Ирину уже поздно вечером.

– Если тебе понадобится моя помощь – любая, – не сомневайся, звони, я буду рада тебе помочь, – говорила Марианна, прощаясь с Ириной на ступеньках голубого дома.

– Спасибо, – с благодарностью ответила Ирина. – Было очень приятно с вами познакомиться.

– И мне, – грустно улыбнулась Марианна. – Будь счастлива!

На этом они простились, Ирина зашла в дом.

К своему удивлению, она испытала большую радость, увидев семью Лефиве и супругов Портеров всех вместе за огромным обеденным столом. Будто бы вместо разбитой чашки несложившейся судьбы двух эмигрантов перед её взором предстала целая чашка её большой американской семьи.

«А ведь ещё уверяла меня, что жизнь в Америке – сказка! – думала про себя Ирина. – Сама же намыкалась здесь по полной, и ребёнок вырос совсем без её участия. И ведь безумно тоскует по родине, только признаться сама себе в этом не хочет. Это же надо было так сохранить язык после всех запретов и поставленных условий! И хохлома эта вся... Это ж как чёрным по белому писано, а она мне про чудесную жизнь в Америке поёт, про приспособление к американскому менталитету! У самой-то в глазах тоска зелёная! Венгерка она по национальности! Ни одного венгерского слова наворачья не знает!»

Больше они с Марианной не встречались.

Ирине хотелось бы раскрыть этой женщине глаза на очевидность, свидетелем которой она стала во время их встречи, однако как семнадцатилетняя девушка могла что-либо советовать сорокалетней, состоявшейся женщине?

Урок 21.

«У эмигрантов трудная судьба...» *

* Из песни И. Талькова «Солнце уходит на Запад».

Глава 22. Неслучайная случайность

Всё американское семейство с любопытством выслушало пересказанную Ириной историю Марианны. Но особенно внимательным к повествованию на этот раз оказался Дон. Когда Ирина закончила свой рассказ, Дон неожиданно обратился к ней с вопросом:

– Так, значит, ты хочешь увидеть других русских?

Ирина с удивлением взглянула на него и сказала:

– Конечно хочу, но где же их взять? Ведь их здесь нет.

– Представь себе, есть! – как ни в чём не бывало ответил Дон. – И даже в преобильном количестве.

Глаза Ирины увеличились. А Дон усмехнулся:

– Я не знал, что ты хочешь встретиться с русскими. Я считал, что ты приехала, чтобы общаться с американцами. Но если для тебя это так важно, что ж, устрою тебе встречу, хоть завтра. Хочешь?

– Конечно! – ответила изумлённая Ирина.

Дон кивнул и, не говоря больше ни слова, покинул гостиную.

Назавтра он поднял Ирину рано.

– Если хочешь увидеть русских, нам надо торопиться: ещё в Медфорд сегодня возвращаться.

Уговаривать Ирину не пришлось: она соскочила с кроватки.

ти, быстро позавтракала и вместе с Доном поспешила на улицу.

В машине она было попыталась задавать ему вопросы, но Дон не был расположен к разговору:

– Приедем, сама всё увидишь, – коротко бросил он через плечо.

Их путь лежал к югу от Портленда.

Где-то через полчаса езды сначала вдоль лесного массива, а затем вдоль обширных равнин Дон прервал своё молчание:

– Приближаемся.

Машина уже свернула с основного шоссе и неслась по узкой серой ленте вдоль фермерского поля. Впереди маячило небольшое селение.

Ирина с любопытством уставилась в окно в ожидании сюрприза и... не поверила глазам. Привычный гладкий асфальт неожиданно исчез, – испарился, будто бы его никогда и не было, на его месте появились несвойственные в Америке земляные ухабы. Кое-где прямо посреди проезда ширились огромные лужи, грозя водителю непроходимой грязью. Ирина уже совсем отвыкла от пейзажей подобного рода. На мгновение ей показалось, что это сон.

Прямо перед ними через дорогу рванула толстая неуклюжая свинья.

– Чтоб тебя! – надавил на тормоза Дон.

Свинья с визгом ринулась в сторону. Ирина автоматически устремила за неё свой взгляд, который тут же перевела

на окружающие дома. Среди привычных американских дощатых строений Ирина с удивлением обнаружила старые деревянные домишки с резными ставнями – совсем такими, какими всегда была богата любая российская деревушка.

– Где это мы? – ничего не понимая, спросила Ирина.

– А ты как думаешь? – Дон продолжал играть в какую-то нелепую, непонятную ей игру. – Ты видишь здесь что-нибудь знакомое?

Ирине было неприятно это признавать, но абсолютно всё в этой деревне было знакомо ей до боли: дома, дороги, животные, а главное – неустроенность, грязь и низкий уровень жизни.

Внезапно на углу дома появилась женщина. Её одежда до мелочей напоминала самый обычный деревенский наряд: цветастый платок на голове; тёплая тужурка, издавна больше напоминавшая фуфайку; длинная, в пол, обильно наброшенная юбка. В руках женщина несла ведро с водой, будто только что набрала его в колодце неподалёку.

На другой стороне дороги показался мужчина. Возраст мужчины не поддавался определению – густая длинная борода с лихвой набрасывала лишние годы, а мешковатые штаны, заправленные в чёрные кожаные сапоги, больше приводили в недоумение, нежели приносили ясность в вопросе возраста.

Из-за нестройного ряда домов показалась небольшая русская церковь. Знакомые, поблёскивающие в ярких лучах

солнца купола, кресты, упирающиеся пиками в ясную просинь...

Голова у Ирины шла кругом.

Дон внимательно наблюдал за её эмоциями.

– Не думал, что тебя так шокирует местная деревушка.

Неужели всё это действительно похоже на ту страну, откуда ты родом?

Ирина помолчала и медленно ответила:

– Хоть мне и неприятно это признавать, но – да, в России полно таких деревень: с бегающими по просёлочным дорогам свиньями, курами и гусями; с непроходимым бездорожьем; с покосившимися домами и некрашеными деревянными заборами.

Повисла пауза – теперь молчал Дон. Через некоторое время он пристально посмотрел на Ирину в водительское зеркало, а потом неожиданно продолжил:

– Ну, тогда я думаю – ты не обидишься, если я расскажу тебе, как мы приняли решение о том, чтобы пригласить тебя в нашу семью.

При этих словах Ирина неожиданно для себя напряглась.

Дон сделал небольшой круг, и они поехали в обратную сторону, покидая странное русское поселение в далёком американском штате Орегон. Общаться с русскими в этой деревне у Ирины не возникло желания.

Медленно, словно вдумываясь в каждое слово, Дон начал говорить:

– Мы с Линдой были давно наслышаны о том, что существует возможность взять в семью студента из другой страны. Этим летом у неё возникла идея пригласить кого-нибудь и в наш дом. Линда говорила мне о том, как это положительно скажется на детях, какой интересный опыт это может быть для нас самих и прочее – в том же духе. Не могу сказать, что я согласился со всеми её аргументами, однако в общем идея мне понравилась. Мы нашли агентство, которое занимается подбором семей для иностранных студентов, и заполнили анкету. Однако оказалось, что мы обратились в агентство довольно поздно: у них остался только один человек, которому они не могли найти подходящую семью.

Дон замолчал. Потом задумчиво поднял на Ирину глаза, вздохнул и продолжил:

– Это была девочка из России.

Ирина внимательно посмотрела в лицо Дона, пытаясь понять его незаконченную мысль.

– Подожди, ты... ты хочешь сказать, что это была я? – неожиданно Ирину озарила догадка.

Она не могла поверить, что это в самом деле могло оказаться правдой, но другого ответа логика ей не предлагала.

– Да, Ирина, это была ты. – Дон направил в зеркало продолжительный взгляд. – По какой-то странной причине никто не хотел тебя брать. Когда нам с Линдой дали твою анкету, я тоже категорически отказался от тебя. – Теперь в его взгляде читалось сожаление. – Я уже много лет знаком с этим

старым русским поселением в Орегоне. Его основали старообрядцы – защитники старой русской веры. Они иммигрировали в Америку в XIX веке, а некоторые и того раньше. С тех пор минуло много лет, однако даже потомки тех далеких иммигрантов продолжают жить обособленно, сохраняя свою культуру, традиции и уклад. Они живут так, будто ни время, ни достижения цивилизации, ни американские удобства их не касаются. Моя семья жила неподалёку от этого места, и мне часто доводилось проезжать вблизи посёлка. Скажу честно, во мне всегда вызывали отвращение русские женщины, одетые в безобразные одежды, превращающие их раньше времени в уродливых старух. Когда мне сказали, что есть русская девушка, которой нужна семья, я сразу представил себе толстую, неказистую девочку, у которой нет ни вкуса, ни красоты, ни желания окунуться в цивилизованную культуру... Потом мы узнали, что Линда беременна. И даже обрадовались, что не взяли ещё одного ребенка в семью – на Линду и без того ложилось слишком много хлопот. А потом... По стечению каких-то невероятных обстоятельств в нашем доме оказалась ты. Мне было очень любопытно посмотреть на тебя, но ещё более любопытно было понять: как и почему ты вообще оказалась в нашем доме. – Дон снова пристально посмотрел на Ирину – та попыталась скрыть от него глаза.

– Я не верю ни в судьбу, ни в предопределение свыше, но когда я тебя увидел, то понял, как сильно был не прав.

Понял, что совсем ничего не знаю ни о России, ни о людях из другой части света. Это я попросил Линду взять тебя в нашу семью. Несмотря на все предстоящие трудности, Линда согласилась.

На минуту Дон снова замолчал, будто сомневаясь, стоит ли говорить следующие слова.

– Прости, что тебе пришлось пройти все эти испытания в Америке из-за меня... из-за нас, из-за нашего глупого решения, глупого предубеждения. Ты могла бы жить с нами с самой первой минуты твоего пребывания в Медфорде.

Слова Дона звучали эхом в глубине сознания Ирины. Ей было одновременно и больно, и радостно, и грустно, и одиноко. Она не находила слов, чтобы выразить свои чувства. Ей вспомнился тот день, когда она впервые оказалась в доме Лефиве, вспомнилось острое любопытство, которое она прочитала в глазах Дона, его неожиданно провокационное поведение. Так вот какой экзамен она сдавала ему, сама не осознавая этого! Экзамен на интеллект, на способность к коммуникации и адаптации к чужой культуре!

Впервые в жизни Ирина сталкивалась со смыслом слова «предубеждение». Предубеждение о ней, предубеждение о России – это было странно, впервые осознать, что мнение о тебе может быть продиктовано другому человеку случайностями его жизни, встречами с другими людьми и что ни твои поступки, ни ты сама отнюдь не в силах на него повлиять.

Теперь всю обратную дорогу молчала Ирина, переваривая

новые открывшиеся факты своего пребывания в этой чужой, непонятной для неё стране. Но она, бесспорно, была благодарна Дону за то, что он решил ей всё рассказать, за его откровенность, которая в Америке была на вес золота. И в который раз – отметила она про себя –откровенным с ней был именно Дон, а не Линда.

После этого разговора Дон стал каждый вечер смотреть русские новости: по одному из телевизионных каналов русскую передачу «Время» транслировали полностью.

Иногда он звал Ирину к экрану и спрашивал:

–Это не твой ли город показывают?

Ирина смотрела на экран, видела ряды однотипных, унылых девятиэтажек, напоминавшие чем-то одетых в строгие серые шинели полки солдат, наводившие на неё страшную тоску, и с болью понимала, что так, наверное, выглядит почти каждый российский город: бесцветно, безрадостно и прискорбно одинаково. Так какая разница, был ли именно этот город её родиной?

Наблюдая за русской действительностью отсюда – из стен белоснежного дома, наполненного воздухом, гармонией и красотой, – она чувствовала, как уже теперь безликие углы построек, возведённые на её родине без оглядки на внешний вид, и серые узкие улицы, заставлявшие потоки автомобилей жаться друг к другу, словно в испуге, ранили её глубоко и жестоко, вызывая почти физическое чувство боли, от которого она подолгу не могла избавиться.

«Как же трудно будет возвращаться назад! – думала Ирина после очередного новостного эпизода в кабинете Дона. – Как же трудно будет снова окунуться в повседневную российскую действительность!»

Однажды Дон снова позвал Ирину к экрану, однако на этот раз он был переполнен несвойственными ему эмоциями: его что-то очень сильно удивило.

–Ты должна это видеть! Иди скорее! – доносились до неё возбуждённые крики обычно уравновешенного Дона.

Когда Ирина увидела предмет его удивления, то не удержалась от смеха: в сюжете показывали центр одного из сибирских городов, где перед магазином красовалась ярко-жёлтая бочка с квасом. На фоне мрачных девятиэтажек и голых, ещё не одевшихся в зелень деревьев бочка радостно поблёскивала своей солнечной, внушавшей оптимизм желтизной.

Ирине пришлось изрядно попыхтеть, чтобы объяснить американцу, что это за бочка и зачем она нужна. Но даже после всех её объяснений на лице Дона всё ещё оставались следы недоумения.

Дни шли за днями. Жизнь давно нормализовалась и текла в размеренном, ставшем привычным для Ирины русле. Все её беспокойства растаяли, будто грозовые тучи после дождя, и над её буднями засияло яркое весёлое солнышко.

Кстати, о солнышке. Уже с марта Ирина выходила на заднюю площадку дома – на длинное дощатое деревянное покрытие – и загорала там на одном из пластиковых шезлонгов, предусмотрительно выставленных для этой цели хозяевами дома.

Климат в Медфорде был поистине чудным, и после суровых сибирских зим и долгих затяжных вёсен казался Ирине необыкновенным подарком.

Зиму она почти не заметила. В самые холодные дни декабря и января температура в Медфорде опускалась всего до минус пяти градусов. По ночам иногда выпадал снег, но задерживался ненадолго – два-три дня, и выложенные плиткой каменные мостовые опять обнажались. Яркая травка газонов даже и не думала вянуть – её весёлые зелёные хвостики всегда победоносно торчали над жидким слоем выпадавшего снега, пытавшегося было диктовать свои условия.

Ирина привыкла к обитателям своей семьи, к их распорядку, привычкам и, конечно, к их меню. Она обожала яблочный пирог Линды, который подавался с безумно вкусным американским мороженым, могла в одиночку смести банановый кекс, который Линда по её просьбе стала делать всё чаще. Ирина будто позволила себе наконец расслабиться, поплыть по течению, и, как следствие, её не склонное к полноте тело стало вдруг активно набирать вес.

Она всегда отличалась стройной осанкой и спортивным телосложением. Но многообразии американских соблазнов,

арахисовое масло и постоянное передвижение на автомобиле дали о себе знать – щёки девушки округлились, а купленные по осени джинсы отказывались налезать на раздавшееся в ширину тело.

Это не могло не позабавить Дона.

– Гляди, какой у нас медвежонок объявился! – говорил он за столом, со смехом кивая в сторону Ирины. – По-моему, она что-то жуёт втихомолку, скрываясь по углам.

Мальчишки покатывались со смеху, Ирина загоралась, как электрическая лампочка, а Линда, как обычно, защищала Ирину от нападок мужа:

– Никакой она не медвежонок! Прекрати нести ерунду! Ну, немного и прибавила в весе – так что с того? Она вон какая худющая к нам переехала!

На это Дон поворачивался к Линде, и тут уже доставалось ей:

–А это кто у нас рот открыл? Мадам, которая проглотила воздушный шар?

Тут мальчишки совсем падали со стульев, а Линде приходилось подыскивать новые фразы на искромётные уколы мужа.

Но всё это происходило по-доброму, так что ни Ирина, ни Линда особо не обижались.

Урок 22.

Никто не защищён от чужих предубеждений. Един-

ственное, что остаётся, – это просто быть собой.

Глава 23. Финал Американской симфонии

Учебный год подходил к концу.

В мае нужно было сдавать экзамен по вождению автомобиля. Как все начинающие водители, Ирина переживала за предстоящее вождение по городу. Но особенно её беспокоила парковка, поэтому она попросила Дона потренировать её дополнительно. И хотя Дон откликнулся на её просьбу, на этот раз диалога между ними не получилось.

– Нет, у тебя глаза есть? Или ты на ощупь паркуешься? – сорвался Дон уже на десятой минуте их занятий.

Ирина отчаянно пыталась следовать его инструкциям, однако автомобиль никак не хотел вставать параллельно обозначенных линий.

– ПА-РАЛ-ЛЕЛЬ-НО! Тебе вообще это слово знакомо? – Тон его голоса становился всё более невыносимым.

Через полчаса бесполезных усилий, находясь на грани истерики, Ирина сказала, что хочет поехать домой. Дон безнадежно махнул на неё рукой:

– Поехали.

Дома он рассказал Линде, что в жизни не видел ни таких бестолковых учеников, ни такой отвратительной парковки.

– Правда? – Линда удивлённо подняла брови. – Да это же проще простого. Я не верю, что Ирина не в состоянии осво-

ить этот простецкий навык.

– Представь себе, – говорил раздражённо Дон. – Такое впечатление, что она совсем не видит линий.

– Не говори ерунды, Дон! – прервала она мужа. – Ирина, хочешь поехать на парковку со мной? – Линда повернулась к Ирине.

– Если тебе не будет это в тягость, – робко ответила девушка.

– Не будет. Поехали, покажем Дону, что инструктор из него никудышный.

На улице начинало смеркаться. Они подъехали к ближайшей парковке возле местного фастфуда. Линда объяснила, с какого угла лучше заезжать и как выворачивать руль после поворота. Она говорила чётко, ясно, без каких-либо эмоций. Проследив за движениями Линды, когда та демонстрировала манёвр, Ирина поняла, в чём заключалась её ошибка. С первого же раза она припарковалась идеально параллельно.

– Ну вот! Я же говорила! – воскликнула Линда. – Проще простого! Давай ещё раз.

И во второй раз парковка у Ирины удалась на славу!

Довольные результатами своей работы, они возвращались домой в отличном настроении, смеясь и подшучивая над Доном и его учительским талантом.

– Ну как? – спросил Дон, едва они появились на пороге.

– Представь себе, Ирина идеально припарковалась с первого раза. Не знаю, что ты там говорил насчёт того, что она

не видит линий. Видит, и не только видит, но и чувствует машину лучше некуда. – Глаза Линды блестели. Ей нравилось видеть Дона поверженным. – Просто у кого-то не хватает таланта объяснить, что к чему, – теперь она уже откровенно смеялась над мужем.

Дон укоризненно посмотрел на улыбающуюся женскую парочку и демонстративно направился в свой кабинет, оставляя Линду с Ириной вдоволь насладиться победой.

На следующий день экзамен по вождению был великолепно сдан, и Ирина получила документ, разрешающий ей водить автомобиль.

После окончания учебных занятий и после того, как Ирина получила документ об окончании школы, семья Лефиве решила сделать ей подарок – устроить короткую поездку в Диснейленд.

Путь предстоял неблизкий – Диснейленд находится в Калифорнии. Им нужно было преодолеть расстояние в тысячу километров в один конец. И это при том, что среди них был ребёнок в возрасте четырех лет и женщина на восьмом месяце беременности.

Выбранный маршрут проходил через столицу Калифорнии, город Сакраменто.

Вся многочисленная семья уместилась в семиместный форд Линды. Самое неудобное, но клёвое место досталось Брендону – в задней части автомобиля, почти в багажнике.

Но он только гордился им и всю дорогу рассказывал Кевину, как круто ехать одному, когда «никакие идиоты по бокам не мешают».

Если честно, «идиотов» хватало. Кевин с Майки то и дело задирали друг друга, Ирине всю дорогу приходилось служить буфером между ними. До Сакраменто дорога заняла около семи часов.

Чтобы ехать было комфортно, Дон и Линда вели машину поочерёдно. Хотя Дон, конечно, сидел за рулём немного дольше жены.

Остановившись на ночлег в Сакраменто – столице штата Калифорния, – они не могли покинуть город, хотя бы одним глазком не взглянув на его старинную часть, о которой Ирина была столько слышана. Поэтому утром, перед тем как выехать из города, всё семейство направилось на те самые улочки Сакраменто, где до сих пор живёт дух Дикого Запада – Америки времён золотой лихорадки.

Старые двухэтажные здания, смыкающиеся в один бесконечный ряд, широкий деревянный тротуар, сопровождающий их притороченной диковинной лентой, и масса маленьких магазинчиков и кондитерских, сохранивших декор XIX века, – здесь поневоле чудились ковбои, запах пороха и дорогого виски. И только вид современных машин, густо припаркованных к деревянному тротуару, портил всю картину, превращая путешествие в прошлое в какую-то пошлую инсценировку из дешёвого вестерна.

Пока Ирина с Бренденом и Кевином забежали в кондитерские и магазинчики, уставленные деревянными бочонками с карамелью на любой вкус, Линда наслаждалась покоем, сидя на одной из старинных деревянных бочек, выставленных на середину дощатого тротуара вместо скамеек. В качестве скамеек здесь также можно было обнаружить и фирменные деревянные ящики, в которых сто лет назад, по всей видимости, доставляли фабричные товары.

Не прошло и двух часов, а они, набравшись ярких незабываемых впечатлений и накупив кучу разных сладостей, уже снова бороздили безупречные американские дороги в своём синем семиместном паруснике.

До города Анахайм, где находится Диснейленд, оставалось 8–9 часов, учитывая все необходимые остановки по пути следования. И хотя Ирине было любопытно прокатиться по Калифорнии на машине, но и для неё дорога показалась утомительной. Всё-таки путешествие с детьми на дальние расстояния накладывают неизбежный отпечаток – большую часть времени она уделяла тому, что происходило внутри машины, а не снаружи. Да и окружающий пейзаж был довольно незатейливым – плоские, ничем не примечательные равнины, крошечные городки.

Как только вояж закончился, уставшие и совершенно вымотанные дорогой путешественники без сил повалились спать в своих гостиничных номерах.

Однако за ночь все порядком отдохнули. Проснувшись

утром на подъёме, они с необычайным энтузиазмом ринулись на взятие Диснейленда!

Им повезло: они пришли в парк самыми первыми, когда на улицах мультяшного городка было пусто и только Микки-Маусы – мальчик и девочка – весело расхаживали между огромных кукольных домиков, приглашая сфотографироваться.

Ирине показалось, что она попала внутрь реального мультфильма. Совершенно потрясающее впечатление – она чувствовала себя главной героиней, которую ждут забавные приключения прямо за углом выпирающего из-под земли округлого дома-мухомора.

Но потом повалил народ, везде появились очереди, и магия необычного места пропала. Но всё равно было весело! Каждый нашёл в парке аттракцион на свой вкус. Билет в Диснейленд включал в себя неограниченное посещение любых аттракционов в течение всего дня, так что они ходили от одного развлечения к другому, пока им хватало сил. В гостиницу возвратились не чуя под собой ног.

Позже, когда Ирина сама прошла через беременность, воспитание четырёхлетнего ребенка и заботу о многодетной семье, она поняла, насколько нелегко было Линде осуществить такое путешествие. Однако тогда, в далёком, 95-м, Ирина совсем этого не понимала и относилась к поездке, как к пустяковому предприятию для состоятельной семьи, коими она считала супругов Лефиве. И ей было совсем невдо-

мёк, что не всё в жизни решают деньги.

Кстати, о деньгах. Приближалась дата отъезда. А значит, Ирине пришла пора покупать подарки для своих близких.

– Ирина, как ты смотришь на предложение поработать в свои последние дни в Медфорде? – неожиданно обратился к ней с вопросом Дон.

– Очень положительно, – ответила Ирина. – А у тебя есть конкретное предложение?

Ирине было интересно узнать, что придумал для неё Дон.

– Да. Есть одна работа, с которой, как я понимаю, ты могла бы отлично справиться.

– Это с чем же, интересно? – Ирина была заинтригована.

– У нас на работе перед административным зданием есть участок земли, нуждающийся в реконструкции. На участке растут кусты можжевельника, между ними насыпана щепа сосновой коры. Однако щепу насыпали недостаточно толстым слоем, так что по всему участку выросло множество сорняков. Нужно выполоть сорняки, заменить погибшие кусты можжевельника на новые и засыпать всё сосновой щепой, – Дон говорил так, будто не сомневался в пустяковости предложенной задачи.

– Пересадить кусты можжевельника? – Ирина не поверила, что ей предлагалась работа подобного рода.

Единственное, в чём она понимала толк и с чем могла однозначно справиться, была прополка, но что касается пере-

садки кустов и засыпки земли толстым слоем сосновой щепы – это показалось ей запредельно сложным.

– Ну, по поводу кустов ты не переживай – мы дадим тебе в помощь пару взрослых мужчин. Они будут выкапывать кусты, на которые ты укажешь. Так что копать тебе не придётся.

«Хоть на этом спасибо», – подумала про себя Ирина. Но прежде, чем она продолжила убеждать себя, что вряд ли справится, Дон произнёс:

– За неделю ты сможешь заработать 300 долларов.

Ирина не поверила своим ушам. Сумма в 300 долларов меняла всё дело! Это была огромная куча денег, которая помогла бы ей купить всё, что она хотела увезти с собой из Америки.

– Умеешь же ты приводить правильные аргументы, Дон! – девушка усмехнулась, но взгляд её, устремлённый на Дона, был полон благодарности.

В понедельник утром Ирина уже сидела за рулём старого серого пикапа и вместе с Доном ехала к нему на работу. Деревообрабатывающий завод находился на окраине города.

На шоссе по направлению к заводу скопилась длинная очередь разносортного транспорта: все добирались туда на личных автомобилях. Дорожную пробку в Медфорде Ирина наблюдала впервые.

В одном месте с правой стороны на их шоссе выходила узкая дорога из небольшого квартала, на ней стоял автомобиль

в ожидании, когда ему дадут повернуть. Подъехав к своротку, Ирина не притормозила, чтобы пропустить ожидавшую благородного жеста машину, а, наоборот, перегородила ей путь.

– Что ты творишь? – набросился на неё Дон.

Ирина отпрянула.

– В чём дело? – спросила она испуганно.

– Ты что, не видишь, что человеку надо проехать? – Дон был раздосадован, по лицу его разлилась краска стыда.

Ирина смотрела на него с удивлением:

– Прости, я как-то не подумала, что надо пропустить женщину. – За рулём выворачивающего автомобиля сидела женщина средних лет.

– Думать надо головой о людях! – ещё раз упрекнул Ирину американец.

Только теперь Ирина заметила, насколько терпеливо водители вели себя в очереди, насколько каждый из них был готов пропустить другого. В следующий раз, когда ей представился шанс уступить дорогу, она с готовностью притормозила перед ожидавшим своего шанса пикапом, чем заслужила одобряющий кивок Дона.

– Наконец-то! Дошло, как надо вести себя на дороге!

Дорога до завода заняла у них около 30 минут.

По приезду Дон завёл Ирину в свой офис – небольшое, ничем не примечательное одноэтажное здание, дал подписать необходимые бумаги, познакомил со своими коллегами,

а потом вывел на рабочую территорию.

– Вот это и есть твой участок. – Он кивнул на прилегающую к зданию территорию.

Ирина повернула голову и... обомлела. Прямо перед ней лежала широкая полоса с можжевельновыми посадками, уходившая вдаль насколько только хватало зрения. Расстояние между кустами, которых в каждом ряду Ирина насчитала по пять штук, составляло примерно 2,5–3 метра. Итого ширина участка выходила около 20 метров. Между посадками бесовестно зеленели высокие сорняки, коим не было счёта. А рядом с участком заботливо громоздилась огромная, метров пять высотой насыпь сосновой щепы...

«Чем не картинка из небезызвестной сказки “Золушка”?» – подумалось Ирине.

– Ты серьёзно думаешь, что мне под силу эта работа? – спросила Дона почти потерявшая дар речи Ирина. – Да здесь целой бригаде за неделю не управиться.

– Испугалась? – Дон сделал круглые глаза. – Да, я хочу замучить тебя до смерти, чтобы ты не смогла вернуться в Россию!

Это было очень похоже на Дона – нести всякую чушь в серьёзные моменты. Однако это была всего лишь минутная слабость.

– У тебя нет строгого плана, – продолжил Дон уже нормальным тоном. – Сколько сделаешь, столько и ладно. А, вон идут твои помощники.

К ним направлялись двое мужчин в рабочей одежде.

– Вот ваш руководитель, – сказал им Дон после короткого приветствия. – Выкапываете кусты, на которые она вам укажет, и сажаете вместо них новые. Всё ясно?

Всем всё было предельно ясно. Неясным оставалось лишь одно – откуда взять столько физических сил. Ирина поняла, что здесь ей поблажек не будет и каждый доллар придётся зарабатывать своим потом и трудовыми мозолями.

Но не убегать же в первый день, признавая своё поражение!

Ирина переделалась в рабочую одежду и приступила к нелёгкой задаче.

Рабочий день на заводе длился 8 часов, а это значит, что все 8 часов Ирина и её спутники трудились под раскалённым июньским солнцем Медфорда. К концу дня абсолютно каждая клеточка тела Ирины дрожала от напряжения. Последние два часа она еле переставляла ноги, прокручивая в голове единственную мысль: поскорей бы домой.

Дома Ирина упала на кровать запертво. Ей казалось, она уже не сможет подняться к ужину – каждый мускул её тела ныл, мозоли на руках горели, а кровь в висках продолжала стучать непривычным железным молотом.

За ужином никто её не пожалел. Дон похвалил девушку за работу и как бы между прочим предположил, что наверняка ей было трудно. Но как она чувствует себя на самом деле, никто слушать не собирался.

«Если завтра я поработаю ещё один день, то, вне всякого сомнения, умру», – было последней мыслью Ирины перед тем, как она провалилась в глубокий сон.

Однако за ночь молодое тело изрядно восстановилось, и утром Ирина чувствовала себя намного лучше. Всё ещё болели икроножные мышцы и мышцы бёдер, ныли мышцы плеч и предплечья, чувствовалась поясница, но в целом Ирина ощущала в себе силы, на которые уже и не надеялась.

За завтраком Дон спросил Ирину:

– Ну что, готова повторить сегодня трудовой подвиг?

И у Ирины не повернулся язык сказать «нет».

Второй день прошёл намного слаженнее первого. Теперь Ирина уже была способна осознанно рассчитать свои силы до конца рабочего дня. И хоть с мозолями работать было сложнее, к вечеру она всё же чувствовала себя гораздо лучше, чем вчера.

Неделя тянулась невыносимо долго. За это время Ирина успела сто раз поклясться себе, что никогда в жизни не будет работать на земле, тем более возделывать собственный сад или огород.

В пятницу вечером Дон выложил перед ней 300 долларов, заработанных непосильным трудом, и как бы между прочим сказал:

– Если хочешь, можешь поработать и всю следующую неделю. Время у нас ещё есть. Тем более что твоя работа всем понравилась. Подумай, прежде чем отказаться.

Вот он, чёртов соблазн! Еще пять минут назад она клялась себе всем, чем только можно, что никогда больше не возьмётся за земляные работы, а тут – на тебе, предложили ещё триста баксов, и в голове уже зародились сомнения. Боль и усталость отошли на задний план, а голову заполонили мысли: «Да это же всего одна неделя, можно и перетерпеть, мышцы уже окрепли, зато 300 долларов на дороге не валяются!»

– Если можно, я подумаю на выходных, – ответила она Дону.

Но на выходных стало только хуже: в голову постоянно лезли мысли о вещах, которые она могла бы купить на лишние триста баксов. Поэтому в понедельник она снова ехала за рулём старого серого пикапа...

Таким образом, к концу своего пребывания в Америке Ирине удалось скопить довольно приличную для семнадцатилетней девушки сумму. Она купила две гигантские дорожные сумки, раскладывающиеся в несколько этажей, и отправилась в магазины, чтобы набить сумки под завязку.

За несколько дней до вылета Дон повторил ей своё предложение, которое родилось в его голове пару месяцев назад:

– Ирина, ты хорошо подумала? Неужели ты хочешь вернуться в свой серый безликий город? Моё предложение ещё в силе.

Предложение Дона заключалось в том, чтобы организовать Ирине фиктивный брак с его братом, который в то вре-

мя находился в лечебнице для душевнобольных. Дон утверждал, что был очень похож на брата, а потому на свадебной церемонии мог бы вполне заменить жениха. Таким образом Ирина могла бы получить официальное основание для того, чтобы остаться на территории США без выезда в Россию. Эта идея казалась Дону идеальной. И он искренне не понимал, почему Ирина отказывается от его помощи.

– Подумай, это такой шанс для тебя навсегда поменять свою жизнь! – убеждал он Ирину. – Мы поможем тебе с поступлением в колледж. Получишь образование, потом оформишь развод...

А для Ирины этот сценарий казался невероятной дикостью: начинать новую жизнь с обмана? С замужества на сумасшедшем американце, которого она и в глаза не видела? Ну уж нет! Впадать в полную зависимость от семьи Лефиве она не хотела. Ей было прекрасно известно, во сколько обходилось образование в колледже среднего пошиба – такой суммой ей помочь из России не могли. Да и как бы она решилась не поехать к своей маме и брату, когда они так сильно ждали её целый год! Нет, это предложение было явно не для неё.

Маленький самолёт улетал рано утром. Вся семья Лефиве стояла у трапа. Последние прощания, слова благодарности, слёзы. Вот и всё.

Ирина повернулась к ним спиной и стала подниматься по

трапу.

Справа показался громадный, отливающий красным золотом солнечный диск, словно благословляя новый этап её жизни.

Урок 23.

Не так страшен чёрт, как его малюют!

Эпилог

Ирина оказалась права: возвращение на родину было мучительным.

После широких американских дорог, просторных улиц и разноцветных домов её будто выкинуло в серую пустыню, на чисто лишённую животворных источников, подпитывавших вдохновение и чувство радости. Пожалуй, впервые в жизни она поняла, почему русские редко улыбаются: слишком мало вокруг них красоты, которая вызывала бы беспричинное чувство счастья – такое, какое отражается ярким солнечным зайчиком в улыбках иностранцев.

Ступив на порог своей квартиры, прежде казавшейся ей большой и светлой, она вдруг ощутила на плечах тяжесть потолка, с силой придавившего её к полу. И как бы она ни радовалась встрече с родными и близкими, она не могла избавиться от чувства, что её тело зажали в грубые невидимые тиски.

Сразу после приезда потянулась длинная цепочка встреч с друзьями и родственниками – то самое, о чём Ирина мечтала весь последний месяц в Штатах. Но каждый раз, когда она открывала рот, чтобы поделиться своим невероятным опытом, – внезапно понимала, что никакие слова не смогут в полном объёме выразить те яркие впечатления, которые навсегда залегли складками в её сознании. Да и друзья за год сильно изменились: повзрослели, приобрели новый взгляд на мир, и произошло это без её участия.

Она снова ощущала себя чужой в чужом мире. Только теперь этот чужой мир был её собственной родиной. И опять, как и год назад, Ирину мучило необъяснимое чувство одиночества, которое она не могла ни с кем разделить.

Депрессия длилась больше месяца. В это время Ирина силой воли заставляла себя говорить, улыбаться и выглядеть «как все», а ночью лежала, уткнувшись в подушку, стараясь сдержать бесконечный поток рыданий...

Ирине всегда хотелось узнать, как сложилась жизнь тех людей, с кем ей довелось пожить под одной крышей.

О своей первой принимающей семье она получила весть через несколько лет. Энджел забеременела в конце учебного года – таким образом вся правда о её «пуританском» поведении вышла наружу, навсегда похоронив репутацию семьи Джонсонов в крошечном Бьютт-Фолсе. Ей пришлось бросить школу после 10-го класса. Она родила малыша и стала

несовершеннолетней матерью-одиночкой.

Со второй семьёй Ирина так никогда и не связалась, да и в её памяти она осталась как «временная».

Вопреки здравому смыслу со своей последней семьёй Ирина потеряла контакт надолго. На целых двадцать лет. Но все двадцать лет над ней витал образ этой семьи, образ их дома. Она помнила и бережно хранила в своём сознании каждую улыбку, каждый взгляд, каждое лицо членов её американской семьи.

Ирина вышла замуж и родила троих детей, а позже построила с мужем большой дом. И когда пришло время выбирать дизайн для коттеджа, многие идеи она взяла из того самого американского дома, который когда-то показался ей волшебным.

Ирина всегда хотела найти свою американскую семью, узнать, как сложилась их счастливая жизнь. Каково же было её удивление, когда она выяснила, что от той семьи, которую она когда-то искренне полюбила, не осталось и камня на камне.

Вскоре после того, как Ирина улетела в Россию, Линда родила четвёртого мальчика. В отличие от Майки он очень походил на свою маму. Сначала всё шло хорошо, но через два года после родов, устав от бесконечной заботы о семье, детях и доме и, видимо, устав от роли идеальной жены и матери, Линда бросила Дона, оставив ему на воспитание его маленьких сыновей, которым в то время исполнилось 6 лет и 2 года.

«Я родила их только для тебя, вот и расти сыновей сам», — были её последние слова.

Кевина и Брендона, детей от первого брака, она забрала с собой.

Вскоре после развода Линда нашла нового суженого, однако и с ним продержалась в союзе всего несколько лет. И, наконец, вышла замуж в четвёртый раз, переехав куда-то на тихоокеанское побережье.

Из мальчишек, которых она забрала с собой, ничего путёвого, по словам Дона, не вышло: Брендон так и не получил серьёзного образования, «болтался» по жизни как придётся, не думая ни о том, чтобы создать семью, ни о том, чтобы обзавестись детьми.

Кевин, который уже в 10 лет чересчур долго задерживался перед зеркалом и любил женские сплетни, стал геем и поселился со своим другом где-то в Калифорнии.

После развода с Линдой Дон больше никогда не женился. Он нашёл хорошую няню для своих детей, которая и помогла ему их вырастить.

Майки оправдал все надежды отца: поступил в колледж, успешно учился, где-то подрабатывал.

А вот Эндрю почти повторил историю самого Дона. В 17 лет парень стал покуривать марихуану, связался с неблагонадёжными друзьями и покатился по наклонной. Сначала Дон выгнал его из дома, надеясь, что тот одумается, но чуда не произошло. Оказавшись на улице, Эндрю с друзьями пыта-

лись снимать жильё, но безуспешно – их выгоняли из каждой съёмной комнаты, как только выяснялось об их пристрастии к марихуане. Тогда, памятуя о том, как жестоко обошёлся с ним его собственный отец, Дон взял всю компанию – сына и его двух друзей – жить к себе, отдав им весь второй этаж дома.

Уже через полгода их проживания дом был изуродован до неузнаваемости...

Когда у Ирины наконец появилась возможность снова поехать в Америку, «волшебного дома», в который она мечтала когда-нибудь вернуться, уже просто не существовало...

КОНЕЦ

УРОКИ

Урок 1.

Не стоит слишком сильно привязываться к мечте: мечтай, но никаких конкретных ожиданий!

Урок 2.

Родина – это не просто кем-то придуманное слово, это живая связь, которая даёт силы жить.

Урок 3.

Природа – источник радости и красоты, который исцеляет

душу.

Урок 4.

Будь готов к тому, что на чужой земле, возможно, НИКТО не проявит к тебе внимания, сочувствия или понимания.

Урок 5.

Нет ничего хуже лжи.

Урок 6.

Даже в самой беспросветной ситуации должна оставаться надежда на лучшее, потому что ЧУДЕСА СЛУЧАЮТСЯ!

Урок 7.

Лучшая защита от чужого пессимизма – УЛЫБКА!

Урок 8.

Не стоит бояться нового, новое – это ВОЗМОЖНОСТЬ!

Урок 9.

Идеальных условий не существует, даже когда КАЖЕТСЯ, что кому-то другому повезло больше.

Урок 10.

Если ситуация зависла и ничего не меняется, стоит предпринять какое угодно ДЕЙСТВИЕ: любой шаг вперёд при-

несёт новую струю энергии.

Урок 11.

Русский язык, русская школа, русская литература и русская культура в целом – ПРЕКРАСНЫ!

Урок 12.

Иногда взрослые могут выкинуть неожиданный номер, но пасовать перед ними не стоит – смелость города берёт.

Урок 13.

Чтобы почувствовать дух страны, нужно побывать на главных улицах её столицы.

Урок 14.

Человек – существо сложное: даже за самой обаятельной внешностью могут скрываться непривлекательные черты.

Урок 15.

Ты обязательно встретишь на пути что-то СВОЁ: увлечение, книги, друзей... Мимо своего не пройти – от него веет настоящим теплом.

Урок 16.

Берегите ВОЛШЕБСТВО!

Урок 17.

Юность – мой самый важный перекрёсток. Как бы чего не натворить

Урок 18.

Как же много зависит в доме от женщины!

Урок 19.

Тепло мамы до трёх лет; связь с дедушками и бабушками; книги; строгое воспитание до самого совершеннолетия – не так уж всё это и плохо.

Урок 20.

«У эмигрантов трудная судьба...»

Урок 21.

Никто не защищён от чужих предубеждений. Единственное, что остаётся, – это просто быть собой.

Урок 22.

Не так страшен чёрт, как его малюют!